ФБ
Б.В. Сытов
801-11
788

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ БЮРО
Князя В. Н. ТЕНИШЕВА.

Т 58/178 Си

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Отвѣты на вопросы программы подъ №№ 192—202 и 204.

С. Максимова.

Съ предисловіемъ Князя **В. Н. Тенишева.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1899.

Дозволено цензурою, 4 Мая 1899 года, С.-Петербургъ.

6690-40

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если, подъ старость лѣтъ, обернуться назадъ, пожалѣешь о многомъ; предстанутъ содѣянныя въ жизни ошибки и скажешь себѣ: «если-бы я то и то зналъ, то не такъ бы я поступилъ» (Si jeunesse savait?). Но откуда же было почерпнуть указанія, въ силу которыхъ можно было избѣгнуть тѣхъ ошибокъ? Вѣдь, когда человѣкъ набрался жизненнаго опыта, уже поздно: ошибки сдѣланы. Да, кромѣ того, жизненный опытъ многаго не коснулся, и являются новыя, неизвѣстныя доселѣ затрудненія, съ которыми не знаешь, какъ быть. Въ особенности часты такія затрудненія въ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ. Надо умѣть предвидѣть ихъ поступки.

Въ школѣ, по традиціонной схоластикѣ, всего менѣе учатъ тому, что болѣе нужно; мы не узнаемъ даже, какъ надо вести себя, чтобы сохранить здоровье. Тѣмъ паче втунѣ оставлено изученіе поведенія и поступковъ человѣка, его бытовая сторона.

*

Впрочемъ тутъ не школа одна виновата. Просто, относительно дѣятельности человѣка нѣтъ изслѣдованій. Важность предмета и его громадное практическое значеніе еще не охватило умы, до сихъ поръ угнетенные метафизикой и теоріей врожденныхъ идей. Изученіе быта людей находится въ пренебреженіи, но потребность въ этомъ изученіи дастъ себя знать. Это видно изъ того живаго интереса, который мы проявляемъ къ литературному произведенію, когда авторъ въ книгѣ или на сценѣ выставляетъ имѣющій къ намъ близкое отношеніе типъ человѣка, обстановку, обстоятельства и правдиво заставляетъ его вести себя и дѣйствовать. Но литературные перлы разбросаны; рѣдко удается оттуда подобрать нужное къ данному случаю, когда предстоитъ выяснить, чего ожидать отъ людей, принадлежащихъ къ такому то классу народа.

Очевидно нужны непосредственныя изслѣдованія, результаты которыхъ подлежатъ классификаціи, что, до нѣкоторой степени, дастъ возможность руководствоваться въ разрѣшеніи являющихся вопросовъ. Въ моей книгѣ «Дѣятельность Человѣка» (С. П. Б. 1897 г.) подробно изложены основы научнаго изслѣдованія поведенія и поступковъ человѣка. Составленная мною классификація зиждется на потребностяхъ человѣка, въ связи съ окружающими условіями. Затѣмъ, предложенная классификація, въ видѣ примѣра, примѣнена къ Эскимосамъ.

Задавшись, такимъ образомъ, общими принципами изученія дѣятельности человѣка и придавая этому изученію громадное практическое значеніе, я предпринялъ два этнографическія изслѣдованія: одно—быта великорусскихъ крестьянъ и другое—киргизовъ. Кромѣ того, мною составляется программа этнографическихъ свѣдѣній о русскихъ городскихъ жителяхъ образованнаго класса.

Только путемъ собиранія фактическаго матеріала и раціональнаго его классифицированія, можно надѣяться достигнуть цѣнныхъ результатовъ и неоспоримо доказать необходимость распространенія подобныхъ трудовъ. Программа же, относящаяся до образованнаго класса, включающаго въ себѣ нашихъ читателей, прямо заставитъ ихъ признать практическое значеніе близко касающагося ихъ изслѣдованія, которое во многихъ случаяхъ должно пролить свѣтъ не только на поступки другихъ, но и на собственное поведеніе и, кромѣ того, дастъ указанія, какъ избѣгнуть упомянутыхъ ошибокъ въ жизни.

Настоящее предисловіе относится къ предпринятому мною изслѣдованію быта великорусскихъ крестьянъ. Для этой цѣли составлена была мною «Программа Этнографическихъ Свѣдѣній о Крестьянахъ Центральной Россіи». и учреждено въ Петербургѣ Бюро, куда поступаютъ отъ сотрудниковъ изъ разныхъ мѣстъ отвѣты на заданные программой вопросы. Когда собранный фактическій матеріалъ будетъ признанъ достаточнымъ, приступлено будетъ къ изданію добытыхъ результатовъ. Предположено одновременно и сразу выпустить два изданія: одно, заключающее въ себѣ выводъ изъ добытыхъ свѣдѣній, съ указаніемъ на выдающіеся факты, и другое—долженствующее послужить тѣмъ, которые пожелаютъ для своихъ работъ непосредственно воспользоваться источниками; туда войдутъ цѣликомъ болѣе цѣнныя сообщенія сотрудниковъ.

Извлечь упомянутыя выводы и изложить ихъ въ общедоступной формѣ, по каждому отдѣлу программы, поручено мною спеціальнымъ редакторамъ; за мной же остается главная редакція, объединеніе полученныхъ результатовъ, ихъ окончательная группировка и, въ случаѣ надобности, производство дополнительныхъ изслѣдованій.

Въ настоящее время въ отдѣлѣ повѣрій (вопросы 192—202 и 204 программы) достаточно накопилось фактическаго матеріала и я обратился къ С. В. Максимову, принявшему на себя трудъ редакціи по отдѣлу вѣрованій, съ просьбой дать образецъ будущаго труда въ настоящей монографіи.

Цѣль изданія этой монографіи, печатаемой въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать нашимъ сотрудникамъ и соредакторамъ указаніе въ предстоящей совмѣстной работѣ.

Князь В. Н. Тенишевъ.

Парижъ.
Май 1899 г.

Нечистая сила.

I.

Черти-дьяволы.

(Бѣсы).

Глубоко укоренилось въ народномъ сознаніи вѣрованіе въ то, что сонмы злыхъ духовъ этого наиболѣе распространеннаго имени, неисчислимы. Очень мало на божьемъ свѣтѣ такихъ заповѣдныхъ святыхъ мѣстъ, въ которыя они не дерзали бы проникать; даже такія священныя мѣста, какъ православные храмы, не освобождены отъ ихъ дерзкихъ нашествій на соблазнъ христіанъ въ опредѣленное время ихъ молитвенныхъ предстояній. Эти злобныя безплотныя существа, олицетворяющія собою самое зло,— исконные враги человѣческаго рода—не только наполняютъ

воздушное пространство, окружающее вселенную и проникаютъ всюду даже въ жилища, дѣлая многія изъ нихъ необитаемыми *), но и входятъ внутрь людей, преслѣдуемыхъ безпрестанными ихъ искушеніями.

На сколько въ самомъ дѣлѣ многочисленны эти незримые людскіе ненавистники, въ родномъ языкѣ нашемъ находятся прямыя доказательства въ самыхъ разнообразныхъ прозвищахъ этой нѣжити, лукавой и нечистой силы. Болѣе чѣмъ къ сорока именамъ черта, насчитаннымъ В. И. Далемъ (въ его Толковомъ Словарѣ великорусскаго языка), еще слѣдуетъ присоединить тотъ десятокъ духовъ, которымъ присвоены особенныя имена и указаны опредѣленныя мѣста для пребыванія (нами далѣе указанныя и описанныя) и сверхъ того причислить тѣхъ, которыя вращаются въ живомъ народномъ языкѣ, но еще не подслушаны и не уловлены **). Повсе-

*) Напр. трудно представить себѣ любой большой русскій городъ, въ которомъ не указывали бы на дома, населенные чертями и покинутые по причинѣ разныхъ проказъ нечистой силы, производящей шумъ и возню, швыряющей камнями, щепой, пескомъ, и т. под.

**) Вотъ для любознательныхъ эти названія (съ добавочными): бѣсъ, нѣжить, нѣчисть, злой духъ, демонъ,

мѣстное же пребываніе и свободное проникновеніе повсюду свидѣтельствуется также повсемѣстнымъ вѣрованіемъ и обычаями, обязательно усвоенными на всемъ пространствѣ великой православной Руси. Почти не возможно найти въ деревенскихъ избахъ тѣхъ сосудовъ, въ которыхъ хранится питьевая вода, не покрытыми, если не дощатой крышкой или тряпицей, то на крайній случай двумя лучинками, положенными «крестъ на крестъ, чтобы чертъ не влѣзъ». Равнымъ образомъ нелегко натолкнуться на такого

сатана, дьяволъ, чертъ, вельзевулъ, царь тьмы, князь тьмы, царь ада, царь преисподней, змій, кромѣшный, врагъ, тотъ, онъ, ворогъ, вражья сила, недругъ, неистовый, лукавый, нечистый, луканька; не-нашъ, недобрый, нелегкій, нелегкая, нечистая сила, неладный, соблазнитель, блазнитель, мо́рока, мара́, лихой, игрецъ, шутъ, шайтанъ, черная сила, черный, неключимая сила, некошны́й (т. е. не чистый или поганый), ненавистникъ рода человѣческаго, наше мѣсто свято, лѣшій, дворовый, банникъ, гуменникъ, кикимора, русалка, водяной, хохликъ, шишъ, шишимора, шишига, шиликунъ, отяпа, летучій, огненый змѣй, несвѣтикъ, рогатый, пра́ликъ, немытый, немытикъ, лѣвый, идолъ, окаянка, огарянинъ, шехматикъ, супротивникъ, нехорошій, анчутка безпятый, родимецъ, супостатъ, шутошка, дертъ (въ Шуйск. уѣз. Владимірск. губ. *д* вмѣсто *ч*), т. е. чертъ.

разсѣяннаго или забывчиваго простого русскаго человѣка, который, позѣвнувши, не перекрестилъ бы своего рта, чтобы заградить святымъ знаменіемъ входъ туда нечистому духу. И эти обычаи и пріемы, можетъ быть, столь же древніе, какъ само христіанство на Руси, поддерживались потомъ болѣе позднѣйшими, но столь же почтенной старины народными легендами *). Въ житіяхъ русскихъ святыхъ и подвижниковъ благочестія, мѣстно чтимыхъ, найдется достаточное количество подобныхъ нравоучительныхъ подкрѣпленій.

*) Одна изъ таковыхъ, чисто великорусскаго происхожденія и повсемѣстно распространенная, повѣствуетъ, что одинъ святой подвижникъ (по преданіямъ Поволжья Андрей блаженный) встрѣтилъ бѣса, всего выпачканнаго.

— Иди обмойся водой рѣчной — посовѣтовалъ святой: что ты такимъ пакостнымъ ходишь?

— Къ рѣкѣ меня не пускаетъ ангелъ, а велитъ идти въ ту первую избу, гдѣ стоитъ непокрытою кадка съ водой и не ограждена она крестнымъ знаменіемъ. Туда я и иду. Мы всѣ тамъ и всегда обмываемся.

Порченые и кликушки во время припадковъ бѣсованія громогласно, при всемъ народномъ множествѣ, опредѣляютъ, даже подлиннымъ счетомъ, число бѣсовъ, которые залетѣли къ нимъ черезъ ротъ и гложутъ ихъ животы (чаще всего сорокъ).

Обратимся къ описанію многоразличныхъ коварствъ и разнообразнѣйшихъ похожденій этихъ духовъ чистой дьявольской породы, не ограниченныхъ въ своей дѣятельности указаніями явно опредѣленнаго мѣста (какъ дома, лѣса, воды и пр.) и точно обозначеннаго времени. Вотъ они:

I. Дома.

Хотя чертямъ для ихъ похожденій и отведена вся поднебесная, чѣмъ они, ни мало не стѣсняясь, и пользуются, тѣмъ не менѣе и у нихъ для постояннаго или особенно частаго пребыванія имѣются мѣста обычныя и излюбленныя. Наиболѣе всего ихъ предполагаютъ находить и разсчитываютъ чаще встрѣтить въ тѣхъ трущобахъ, гдѣ дремучіе лѣса разрѣжаются сплошными полосами недоступныхъ болотъ, на которыхъ никогда не бываетъ человѣческая нога, и лишь осторожно шагаютъ птицы особой, приспособленной къ трясинамъ, породы (бекасиной и журавлиной). Только лѣтомъ по воздуху онѣ могутъ попадать сюда и ходить при помощи голыхъ и крѣпкихъ ногъ, подобныхъ ходулямъ и тонкихъ какъ проволока, длинными же, гибкими и тонкими носами

добывать изъ расплывчатаго ила себѣ пищу. На трясинахъ или заглохшихъ и заросшихъ озерахъ, гдѣ еще уберегаются пласты земли, сцѣпленные корнями водорослей, человѣческая нога быстро тонетъ. Еще зіяютъ кругомъ и около сохранившіяся во множествѣ окна—тѣ мѣста, гдѣ вода открыта и глубока, но гдѣ уже завязалась моховая поросль и скопились плывучіе зыбуны. Здѣсь отвердѣвающая почва еще зыблется; изъ подъ ногъ выступаетъ вода и ходить все-таки очень опасно: упругій пластъ захлестываетъ ямки, намѣченныя ногой человѣка. Неосторожнаго охотника и дерзкаго путника, очутившихся безпомощными и въ одиночествѣ, засасываетъ въ глубь подземная сила и прикрываетъ сырымъ и холоднымъ пластомъ, какъ гробовой доской. Тутъ ли не водиться злой дьявольской силѣ и не считать имъ такіе мочаги, топи, ходуны-трясины и крѣпи-заросли благопріятными и роскошными мѣстами для надежнаго и удобнаго жительства? Оно такъ и есть во всенародномъ понятіи и представленіяхъ.

— Отчего ты, чертъ, сидишь всегда въ болотѣ?—спрашиваетъ обездоленный болотистой и мокрой родиной пословичный бѣлорусъ своего рогатаго и хвостатаго черта.

— Привыкъ!—коротко и ясно отвѣчаетъ онъ и за себя лично, и за самаго ближняго своего сосѣда въ магеркѣ и коротенькой свитѣ—домосѣдливаго бѣлорусса, столь же неохотливаго перемѣнять старое и насиженное мѣсто жительства на неизвѣстное новое, хотя бы и лучшее.

— Въ тихомъ болотѣ (какъ и въ омутѣ) черти водятся—непзмѣнно вѣрятъ и настойчиво навязываютъ свое вѣрованіе великоруссы.

— Было-бы болото (подкрѣпляютъ они съ другой стороны), а черти будутъ.

— Не ходи при болотѣ: чертъ уши обколотитъ—доброжелательно совѣтуетъ третья изъ множества и столь же распространенная пословица *).

— И вылѣзъ бы чертъ изъ болота и пошелъ бы въ деревню къ мужику на свадьбу,

*) Изъ подобныхъ имъ вращаются въ народѣ напр. еще слѣдующія: «навели на бѣса, какъ бѣсъ на болото; ходитъ чертъ по мхамъ, по борамъ, по болотамъ; всякій чертъ свое болото хвалитъ; вольно черту на своемъ болотѣ орать; иной ворочаетъ въ домѣ, какъ чертъ въ болотѣ и правитъ домомъ, какъ тотъ же чертъ болотомъ», и т. д. А впрочемъ: «гнилаго болота и онъ боится».

да попа боится—выдаютъ за истину провѣренное наблюденіе между прочимъ въ доказательство того, что болотные черти живутъ семьями: имѣютъ женъ, плодятся и множатся, сохраняя свой родъ на безконечныя будущія времена. Съ ихъ дѣтьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (въ отличіе отъ нѣмецкихъ красненькихъ) *), мохнатыми и въ шерсти, съ двумя острыми рогами на макушкѣ головы и длиннымъ хвостомъ, не только встрѣчались деревенскіе русскіе люди, но и входили съ ними въ разнообразныя сношенія. Образчики и доказательства тому разбросаны въ народныхъ сказкахъ въ довольномъ количествѣ и между прочимъ въ извѣстной всѣмъ Пушкинской сказкѣ: О работникѣ Балдѣ. Одинъ солдатъ строгихъ николаевскихъ временъ проносилъ чертенка въ тавлинкѣ **) цѣлый годъ со днемъ. Нѣ-

*) У нашихъ чертей краснымъ бываетъ только колпакъ на головѣ и то иногда и кое-гдѣ. Подробное и картинное описаніе нашихъ чертей, будетъ помѣщено въ изданіи сообщеній сотрудниковъ.

**) До временъ Александра II обычная принадлежность въ туалетѣ старыхъ солдатъ-нюхальщиковъ, замѣненная потомъ табакеркой. Это—плоскій продолго-

которые увѣряютъ, что черти—востроголовые, какъ птицы сычи, и многіе сами увѣрены, что эти духи въ то же время непремѣнно хромые. Они сломали себѣ ноги во время сокрушительнаго паденія всего сонма съ неба въ оны времена еще до сотворенія человѣка. Такъ какъ было свержено на землю очень много нечистой силы, то она, во избѣжаніе вражды и ссоръ, очертила свои владѣнія кругомъ. Этотъ кругъ возымѣлъ особое дѣйствіе и силу: всякій, попавшій въ него и переступившій слѣдъ нечистаго, обязательно блуждаетъ; безъ помощи особыхъ средствъ изъ него нельзя выдти и избавиться дьявольскаго навожденія.

Съ предоставленіемъ чертямъ многихъ человѣческихъ свойствъ послѣдовательность воображенія потребовала изобрѣтенія дальнѣйшихъ сходствъ и уподобленій. Безспорно рѣшено, что эти духи, какъ и люди, подвержены многимъ людскимъ привычкамъ и даже слабостямъ: любятъ ходить въ гости другъ къ другу, не прочь попировать съ

ватый бурачокъ, гнутый изъ бересты, со вставной крышечкой, снабженной ремешкомъ, и въ боковыхъ прорѣзахъ украшенный фольгой.

разваломъ. Шумно справляя свои свадьбы (обычно съ вѣдьмами) на любимыхъ мѣстахъ—перекресткахъ и разстаняхъ дорогъ, — въ пляскѣ они подымаютъ пыль столбомъ, производя то, что мы называемъ вихрями. Бросавшіе въ такіе пыльные столбы ножи или топоры удачно разгоняли свадьбу, но на томъ мѣстѣ находили всегда слѣды крови: послѣ того, какая нибудь заподозрѣнная вѣдьмой колдунья долго ходила либо съ обвязаннымъ лицемъ, либо съ подвязанной рукой. На пирахъ, по случаю особенныхъ побѣдъ надъ людьми, равно какъ и на собственныхъ свадьбахъ, старые и молодые черти охотно пьютъ вино и напиваются; вообще любятъ курить табакъ, получаемый въ даръ отъ догадливыхъ и трусливыхъ людей *). Самое же любимое занятіе, превратившееся у нихъ въ неутолимую страсть: это—игра въ карты и кости. Въ ней для нихъ нѣтъ удержу и не установлено законовъ: проигрываютъ все, что есть за душой (а душа имъ полагается настоящая, почти такая же, какъ у людей). Впрочемъ, если пойдетъ дѣло на

*) Олончане даже къ рыболовнымъ сѣтямъ привязываютъ листовой табакъ.

полную откровенность, то окажется, что дьявольская сила виновна въ изобрѣтеніи и самаго вина и табачнаго зелья, да и нечистая игра въ карты съ передержкой и подтасовкой отнесена прямо къ ихъ же вымысламъ и наукѣ. Конечно, всѣ эти навѣты требуютъ тщательной провѣрки въ виду того, что уже слишкомъ во многомъ завиняютъ чертей, напр. даже въ изобрѣтеніи такихъ злаковъ, какъ чай и картофель, не далѣе начала истекающаго столѣтія вошедшихъ во всеобщее употребленіе. Въ послѣднемъ случаѣ оказывается явный поклепъ; первое же обвиненіе правда затемняется противорѣчивыми показаніями. Очевидно, свидѣтели, недостаточно увѣренные въ самомъ фактѣ, стремятся лишь настойчиво навязать то, въ чемъ сами не вполнѣ убѣждены и еще колеблются. Такъ напр. вологжане думаютъ, что предковъ ихъ выучилъ варить веселое пойло какой то странникъ въ благодарность за то, что одинъ добрый мужикъ пріютилъ его: посадилъ за столъ, нарѣзалъ нѣсколько ломтей хлѣба, поставилъ солонку съ солью, жбанъ съ квасомъ. Вдвоемъ они открыли нѣсколько кабаковъ, и потянулся туда народъ безчисленными толпами. Во

*

Владимірской губ. чертъ, также въ видѣ странника въ лаптяхъ, въ кафтанѣ и съ котомкой за плечами, повѣдалъ тайну варить пиво встрѣчному бѣднягѣ, который выплакалъ ему свое житейское горе и разжалобилъ. Счастливый мужичекъ впослѣдствіи похвастался своимъ умѣньемъ царю, а неизвѣстный царь велѣлъ варить во всемъ государствѣ это самое пиво, которое теперь прозываютъ виномъ. У Смоляковъ чертъ со своимъ винокуреннымъ мастерствомъ нанялся въ работники и научилъ добраго хозяина гнать водку, какъ разъ наканунѣ свадьбы дочери и т. д.

Въ разсказахъ о происхожденіи табаку еще больше разногласій: то онъ выросъ изъ могилы кровосмѣсителей (сестры и брата), то изъ головы евангельской блудницы (Вятск. г.), изъ тѣла свихнувшейся чернички, убитой громомъ (Пенз. губ.), изъ могилы какого то невѣдомаго человѣка (Симб. г.). У Вологжанъ разводить табакъ выучилъ встрѣчнаго въ лѣсу помѣщика неизвѣстный черный охотникъ, и т. д. Въ подобныхъ догадкахъ и розыскахъ дошли досужіе люди до забавнаго и веселаго.

Разъ у черта (разсказываютъ мещовскіе

калужане) померла теща и захотѣлъ онъ ее помянуть получше. Собралъ онъ всѣхъ грѣшниковъ по этой части, т. е. курильщиковъ и нюхальщиковъ. Вотъ куритель куритъ—куритъ да сплюнетъ. Чертъ увидалъ это и велѣлъ всѣхъ курильщиковъ прогнать: они тещѣ его всѣ глаза заплевали. А нюхальщиковъ всѣхъ оставилъ: они понюхаютъ и ихъ прошибетъ слеза—значитъ, и хорошо для поминокъ-то чертовой тещи *).

II. Въ людяхъ.

Всѣ прямыя отношенія чертей къ людямъ сводятся на то, что либо они проказятъ, прибѣгая къ различнымъ шуткамъ, которыя у нихъ, сообразно ихъ природѣ, бываютъ всегда злы, либо наносятъ прямое зло въ различныхъ его формахъ, а между прочимъ и въ видѣ болѣзней. Словомъ—черти противъ людей устраиваютъ всякія козни и исполняютъ главное свое назначеніе, какъ не-

*) У тѣхъ же калужанъ, придерживающихся старой вѣры (въ Мещовскомъ уѣздѣ) за то, что нюхальщики роются въ табакеркахъ тремя пальцами, сложилась насмѣшливая поговорка: «наша троица въ табакѣ роется».

видимыхъ существъ, состоящее въ многообразныхъ искушеніяхъ. Для облегченія дѣятельности во всѣхъ предопредѣленныхъ направленіяхъ дьявольская сила одарена способностью превращеній, т. е. смѣной подозрительной и страшной бѣсовской шкурки на обманчивую сходствомъ съ людскою и въ формѣ, болѣе знакомой и привычной для человѣческаго глаза.

Превращенія. Перевёртыш всякаго рода и разновидные перекидыши производятся чертями съ такою быстротою и внезапною стремительностью, какой не въ силахъ представить себѣ людское воображеніе и послѣдовательно наслѣдить самый зоркій глазъ.

Самый излюбленный образъ, всего чаще принимаемый чертями—черной кошки, почему, во время грозы, догадливые деревенскіе хозяева подобной шерсти животныхъ всегда выбрасываютъ за дверь и на улицу, считая въ нихъ присутствіе нечистаго духа (отсюда выраженіе, что при ссорѣ пробѣгаетъ между людьми черная кошка). Не менѣе того черти предпочитаютъ видъ черной собаки и живыхъ людей, даже при случаѣ и малаго ребенка и великановъ огромнаго роста, вровень съ высочайшими соснами и дубами. Если задумаетъ чертъ выдти изъ своего болота въ человѣческомъ образѣ и явиться напр. бабѣ вернувшимся изъ отлучки мужемъ, онъ представляется всегда скучающимъ и ласковымъ. Если же встрѣчается онъ на дорогѣ кумомъ или сватомъ, то непремѣнно пьянымъ и готовымъ снова выпить, да такъ, чтобы сватъ очутился потомъ либо на краю глубокаго оврага, либо въ колодцѣ, въ помойной ямѣ, либо у дальняго сосѣда и даже на сучкѣ высокаго дерева съ еловой шишкой въ рукѣ вмѣсто рюмки вина.

Остальныя превращенія идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ: въ свинью, лошадь, змѣю, волка, зайца, бѣлку, мышь, лягушку, рыбу (предпочтительно щуку), въ сороку (изъ птичьяго рода любимую) и разныхъ другихъ птицъ и животныхъ (изъ послѣднихъ между прочимъ въ неизвѣстныхъ неопредѣленнаго и страшнаго вида). Перевертываются даже въ клубки нитокъ, въ вороха сѣна, въ камни и пр., вообще во все, что способно допустить людское пылкое воображеніе, однако же не безъ нѣкотораго ограничительнаго законнаго предѣла. Таковой существуетъ и упорно оберегается: не всегда напр. рѣшаются черти

представляться коровой, самымъ дорогимъ и полезнымъ домашнимъ животнымъ, да и подобному перевертышу самая глупая баба не повѣритъ. Не дерзаютъ злые духи прикидываться пѣтухами-вѣстниками приближенія свѣтлаго дня, который столь ненавистенъ всякой злой силѣ, и голубями-самой чистой и невинной птицей въ цѣломъ мірѣ, памятуя кто удостоивалъ принимать на себя образъ этихъ милыхъ и ласковыхъ воркуновъ изъ царства пернатыхъ. Точно также никто не видалъ злой нежити въ ослиной шкурѣ, такъ какъ всей ихъ нечистой породѣ, со временъ явленія Христа на землѣ, стало извѣстнымъ, что Самъ Господь благоволилъ избрать осла для своего побѣдоноснаго шествія во святой градъ къ прославленію Своего божественнаго Имени и ученія.

Какой бы образъ ни принялъ на себя дьяволъ, его всегда выдастъ опытнымъ и бывалымъ людямъ сиплый голосъ, очень громкій, съ примѣсью устрашающихъ и зловѣщихъ тоновъ («духъ со страху захватываетъ»). Иногда онъ каркаетъ чернымъ ворономъ или стрекочетъ проклятой сорокой. По черному цвѣту шерсти животныхъ и птичьихъ перьевъ, подъ которыми скрываются хитрые бѣсы,

распознается ихъ именно присутствіе потому, что напр. колдуны и вѣдьмы, въ отличку, бываютъ перевёртышами исключительно бѣлыхъ и сѣрыхъ цвѣтовъ. За то при всякомъ превращеніи черти-дьяволы такъ искусно прячутъ свои острые рожки и подгибаютъ и свертываютъ длинный хвостъ, что нѣтъ никакихъ силъ уличить ихъ въ обманѣ и отъ него остеречься.

Искушенія. Смущать соблазномъ или завлекать лукавствомъ—прямая цѣль дьявольскаго пребыванія на землѣ среди людей по прямому предписанію изъ преисподней и по особому выбору самого князя тьмы или сатаны. Стараются совращать съ пути блага и истины тѣ наиболѣе искусные изъ нихъ, у которыхъ наука искушеній доведена до высокой степени совершенства въ теченіи безчисленныхъ лѣтъ неустанной и неослабной работы. Искуситель всегда налицо: зазвенѣло въ лѣвомъ ухѣ:—это онъ леталъ сдавать сатанѣ грѣхи того человѣка, сдѣланные за день и вотъ теперь прилетѣлъ назадъ, чтобы снова стать на стражѣ и выжидать случая и повода къ соблазнамъ. Искуситель, какъ всѣмъ извѣстно, неизбѣжно находится у человѣка

съ лѣваго боку и шепчетъ ему въ лѣвое ухо о такихъ злыхъ дѣяніяхъ, какія самому человѣку и въ умъ не взошли бы безъ его коварныхъ навѣтовъ. «Чертъ попуталъ»—увѣренно и обычно говорятъ всѣ испытавшіе неудачу въ начинаніяхъ, ошибшіеся въ предварительныхъ расчетахъ на извѣстные успѣхи въ дѣлахъ, а еще чаще всѣ тѣ, которые нежданно впали въ прегрѣшеніе, сдѣлались чѣмъ либо виноватыми. Могутъ попутать свои грѣхи, а за это Богъ покараетъ; могутъ попутать недобрые люди, но, по народнымъ понятіямъ, въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствуютъ колдуны, вѣдьмы и сами по себѣ злые духи кромѣшнаго ада. Для этихъ личный прямой расчетъ заключается въ томъ, что не такъ заманчиво имъ связываться напр. съ ворами и разбойниками—людьми испорченными, чѣмъ увиваться около хорошихъ людей испытанной твердости правилъ и добрыхъ хозяевъ. И во всѣхъ случаяхъ работаютъ бѣсы съ полной увѣренностью въ побѣдѣ и въ свою великую силу: «чертъ горами качаетъ»—говорится изъ-поконъ вѣку.

Жилъ въ деревнѣ парень хорошій, одинокій, и въ полномъ достаткѣ: лошадей имѣлъ всегда штуки по четыре; богомольный былъ—

и жить-бы. Вдругъ ни съ того, ни съ сего началъ онъ пьянствовать, а потомъ черезъ недѣлю послѣ того свою деревню поджогъ. Мужики поймали его на мѣстѣ: и спички изъ рукъ еще не успѣлъ выбросить. Связали его крѣпко: наладились вести въ волость. На задахъ поджигатель остановился, сталъ съ народомъ прощаться, поклонился въ землю и заголосилъ:

— Простите меня, православные! И самъ не вѣдаю, какъ такой грѣхъ прилучился,— и одинъ ли я поджигалъ или кто помогалъ или подговаривалъ—сказать не могу. Помню одно, что кто-то мнѣ сунулъ въ руки зажженную спичку. Я думалъ, что даетъ прикурить цыгарку, а онъ взялъ мою руку и подвелъ съ огнемъ подъ чужую крышу. И то былъ незнакомый человѣкъ, весь черный. Я отдернулъ руку, а крыша ужъ загорѣлась. Я хотѣлъ было спокаяться, а онъ шепнулъ: «побѣжимъ отъ нихъ!» Кто-то догналъ меня, ткнулъ въ шею, свалилъ съ ногъ—вотъ и связали. Оглянулся: половина деревни горитъ. Простите, православные!

Стоитъ на колѣняхъ блѣдный, тоскливо на всѣхъ глядитъ и голосомъ жалобно молитъ; слезами своими иныхъ въ слезы вогналъ. Кто-то вымолвилъ:

— Глядите на него: такіе ли бываютъ лиходѣи?

— Видимое дѣло: чертъ попуталъ.

— Чертъ попуталъ парня!—такъ всѣ и заголосили. Судили—рядили, и порѣшили всѣмъ міромъ его простить. Да старшина устращалъ: всей-де деревней за него отвѣчать придется. Сослали его на поселенье. Гдѣ же теперь розыскать того, кто толкалъ его подъ руку и шепталъ ему въ ухо? Развѣ самъ по себѣ, вѣдомый парень—смирёна, на такое недоброе дѣло рѣшился бы?

Иной молодецъ съ малыхъ лѣтъ пріобыкъ къ водкѣ въ такую мѣру и силу, что когда сталъ хозяиномъ и некого было бояться, а было на что покупать водку, пропилъ все на смѣхъ людямъ, на пущее горе жены и дѣтей. Насмѣшки и ругань не давали прохода.

— Дай-ка я удавлюсь: опростаю руки. Некому будетъ и голосить, а еще и всѣ будутъ рады!—подумалъ молодецъ про себя, а вскорѣ и всѣмъ сталъ объ этомъ разсказывать.

Одинъ старичекъ къ его рѣчамъ прислушался и посовѣтовалъ:

— Ты вотъ что, другъ:—когда пойдешь давиться или заливаться (топиться), то скажи:

душу свою отдаю Богу, а тѣло черту.—Пущай тогда нечистая сила владѣетъ твоимъ тѣломъ!

Распростился мужикъ со своими, захватилъ возжи и пошелъ въ лѣсъ. А тамъ все такъ и случилось, какъ быть надо. Явились два черта, подхватили подъ руки и повели къ громадной осинѣ. А около нея собралось великое сборище всякой нечисти: были и колдуны, и вѣдьмы, утопленники и удавленники. Кругомъ стоятъ трясучія осины и на каждой сидитъ по человѣку и всѣ манятъ.

— Идите поскорѣе: мы васъ давно ожидаемъ!

Одна осина и макушку свою наклонила: приглашаетъ. Увидали черти новаго, заплясали и запѣли; на радостяхъ кинулись на встрѣчу, приняли изъ рукъ возжи, захлеснули за крѣпкій сукъ—наладили петлю. Двое растопырили ее и держатъ на готовѣ, третій ухватилъ за ноги и подсадилъ головой прямо къ узлу. Тутъ мужикъ и вспомнилъ старика и выговорилъ, что тотъ ему велѣлъ.

— Ишь, велико дѣло твое мясо—закричали всѣ черти. Что мы съ нимъ будемъ дѣлать? Намъ душа нужна, а не тѣло вонючее.

Съ этими словами выхватили его изъ петли и швырнули въ сторону. Въ деревнѣ потомъ объяснялъ ему тотъ же старикъ:

— Пошла бы твоя кожа имъ на бумагу. Пишутъ они на той бумагѣ договоры тѣхъ, что продаютъ чертямъ свои души, и подписываютъ своей кровью, выпущенной изъ надрѣза на правомъ мизинцѣ.

Такъ какъ во всякаго человѣка, котораго бьетъ хмѣлевикъ (страдаетъ запоемъ) непремѣнно вселяется чертъ, то и владѣетъ онъ имъ въ полную силу: являясь въ человѣческомъ видѣ манитъ его то въ лѣсъ, то въ омутъ. А такъ какъ бѣсъ выбираетъ себѣ мѣсто прямо въ сердцѣ, то и не бываетъ тому несчастному нигдѣ покоя и мѣста отъ страшной тоски. Пока догадаются исцѣлить такого человѣка единственнымъ надежнымъ средствомъ—«отчитываньемъ», т. е. пока не прочитаютъ надъ нимъ всей псалтири три раза,—врагъ человѣческаго рода не перестанетъ смущать и производить свои козни, коварно и привязчиво.

Овдовѣла баба, да и затужила по мужѣ: начала уходить изъ избы и по задворкамъ скрываться. Если она на людяхъ сидитъ, склонивъ голову на руки, то кажется по цѣлымъ часамъ совсѣмъ одеревенѣлою: хоть топоромъ ее сѣки. Стали домашніе присматривать за ней изъ опасенія, какъ бы она руки на себя не наложила, но не углядѣли: бросилась баба внизъ головой въ глубокой кодезь. Тамъ и нашли окоченѣлый и посинѣлый трупъ ея. Добрые люди ее не обвинили, а пожалѣли:

— Чертъ смутилъ, скоро поспѣлъ, въ срубъ пихнулъ: гдѣ слабой бабѣ бороться съ нимъ?

Благочестивые же и строгіе люди, положивши на себя за грѣшную душеньку крестное знаменіе, не преминули выговорить въ открытую и не стѣсняясь, въ судъ и въ осужденіе, завѣтную мысль, выраженіемъ давно извѣстнымъ и повсюду распространеннымъ:

— Коли самъ человѣкъ наложилъ на себя руки—значитъ, онъ «черту баранъ» *).

«Черту баранъ» въ равной мѣрѣ и тотъ, кто прибѣгаетъ къ насильственной смерти, и тотъ, кто совершаетъ преступленіе поджога, убійства по злой волѣ (по внушенію дья-

*) Иногда—и гораздо рѣже—это выраженіе замѣняется двумя другими: черту свѣчка, черту кочерга (уголья мѣшать въ гееннѣ огненной).

вола) и тѣ, которые попадаютъ въ несчастіе отъ неравновѣсія душевныхъ силъ переходнаго возраста. Всѣ душевно-больные и ненормальные суть люди порченые, волею которыхъ управляетъ нечистая сила, кѣмъ-либо напущенная и зачастую наталкивающая на злодѣяніе—себѣ на потѣху. Тѣшатъ эти люди черта—дѣлаютъ изъ себя для него «барана»—на тѣ случаи, когда вздумаетъ бѣсъ прокатиться, погулять, потѣшить себя, а то и просто возить на нихъ воду, какъ на существахъ совершенно безотвѣтныхъ, беззащитныхъ, подобно овцамъ, и вполнѣ подчиненныхъ. Для того то собственно и выбрано это самое кроткое и безотвѣтное животное. Оно же у бѣсовъ любимое въ противоположность козлу, котораго черти боятся отъ самаго сотворенія міра (вотъ почему держатъ до сихъ поръ козловъ на конюшняхъ). Кромѣ того на самоубійцахъ на томъ свѣтѣ самъ сатана разъѣзжаетъ такимъ образомъ, что запрягаетъ однихъ вмѣсто лошадей, другихъ сажаетъ за кучера править. Самъ садится въ главномъ мѣстѣ въ развалку, понукаетъ и подхлестываетъ. По временамъ заѣзжаетъ онъ на нихъ на землѣ въ кузницы и бараньи копыта подковываетъ тамъ, подобно лошади-

нымъ. Когда сидитъ онъ на своемъ тронѣ въ преисподней, то всегда держитъ на колѣняхъ Іуду Христопродавца и самоубійцу съ кошелькомъ въ рукахъ, изъ котораго всѣмъ бѣсамъ отпускаются деньги на разные расходы по дѣлу соблазновъ и взысканій за содѣянное грѣшными людьми. Въ такомъ видѣ сатану и на иконахъ пишутъ, и на тѣхъ картинахъ Страшнаго Суда, которыя обычно малюются на западныхъ стѣнахъ православныхъ храмовъ. А чтобы вѣрнѣе и удобнѣе попали во власть нечистой силы всѣ утопленники и удавленники,—ихъ стараются похоронить тамъ, гдѣ они совершили надъ собою тяжкій грѣхъ самоубійства. Въ обходъ многихъ могильныхъ крестовъ на кладбищахъ, этихъ несчастныхъ оставляютъ подъ голою насыпью совсѣмъ безъ креста и внѣ кладбищенской ограды.

Проказы чертей. Первыми жертвами при забавахъ чертей являются обыкновенно пьяные люди: то собьютъ съ дороги возвращающихся домой съ храмового праздника въ сосѣднихъ деревняхъ, то подъ видомъ кума или свата вызовутся на такой разъ въ провожатые. Ведутъ видимо по знакомымъ мѣстамъ, а на самомъ дѣлѣ оставляютъ въ

опасныхъ, на краю погибели, на волоскѣ отъ смерти и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сильно подгулявшіе до утраты сознанія найдутъ въ себѣ силы и способность осѣниться крестнымъ знаменіемъ. Очутился человѣкъ либо на краю обрыва горы, либо надъ прорубью, либо надъ водою на сваѣ мельничной запруды, и т. п. Одного пьянаго мужика посадилъ дьяволъ въ колодецъ, но какъ и когда—несчастный человѣкъ не могъ сообразить и припомнить: былъ на игрищѣ, вышелъ на крылецъ прохладиться, да и пропалъ. Стали искать и услыхали крикъ въ колодцѣ. Вынули и узнали:

— Позвалъ сватъ пить чай да пиво. Выпилъ чашку пива и увидалъ, что не у свата въ гостяхъ, а въ колодцѣ, да и не пиво пью, а холодную воду. И не стаканчикомъ ее пью, а прямо въ захлебку.

— Былъ да ушелъ—Богъ унесъ, а поймали да побили—не черти носили:—говоритъ пословица въ той увѣренности, что хотя пьяный и въ своей шкурѣ ходитъ, да въ чужомъ умѣ. Этотъ умъ не иной чей, какъ дьявольскій, а при всемъ томъ, конечно, и воля бѣсовская надъ всякимъ пьянымъ человѣкомъ, допившимся до безпамятства, «до

чертиковъ». Иначе, чѣмъ объяснить всѣ эти многочисленные случаи явнаго спасенія пьяныхъ при вѣроятныхъ случаяхъ увѣчья или прямой гибели? Для нихъ то и придумано крылатое слово: «чертъ носитъ», обычно смягченное въ «нелегкая носитъ» (чтобы чертъ не обижался). Эти-то люди, получившіе неожиданную помощь тамъ, гдѣ всего наименѣе могли на нее надѣяться, сами о томъ охотно разсказываютъ, если не въ назиданіе и къ руководству прочимъ, то по крайней мѣрѣ ради похвальбы, въ которой никто изъ свидѣтелей не видитъ ничего предосудительнаго. Извѣстно издавна, что «пьянымъ море по колѣно», что мужикъ день не пьетъ, два не пьетъ, а если все пропьетъ, то это прямо значитъ, что «чертъ его прорветъ». Онъ наталкиваетъ на пьянство, наводитъ на людей ту болѣзнь, которая зовется и хмѣлевикомъ и запоемъ: онъ въ винѣ, онъ и въ отвѣтѣ. Не наказаніемъ же считать его заботы о пьяныхъ и его хлопоты около тѣхъ, которые прямо лѣзутъ въ огонь или воду и не карается же онъ въ самомъ дѣлѣ, если забавляется съ охмѣлѣвшимъ человѣкомъ и шутитъ шутки, хотя бы даже и злыя (что ему и къ лицу, и по нраву). Привелъ пьянаго къ

*

куму въ гости—велѣлъ раздѣваться; захотѣлось пить—указалъ на цѣлый ушатъ съ пивомъ: пей да зубы не разбей,—долго оно на дворѣ стояло, замерзло. Раздѣвшись, испытуемый сталъ разуваться, озябъ. Осмотрѣлся и видитъ, что сидитъ на сломанномъ пнѣ и босая нога стоитъ въ снѣгу, а вдали огонекъ свѣтитъ. Увидалъ его, схватился бѣжать, и бѣжалъ, какъ угорѣлый. На горѣ по обрыву послѣдній сапогъ потерялъ; у окна свата стучалъ и кричалъ: замерзаю, пустите!— И предсталъ разутымъ, раздѣтымъ, безъ шапки. Сватъ съ досады спрашиваетъ: гдѣ тебя чертъ носилъ? — Отвѣчаетъ съ увѣренностью и твердымъ голосомъ: онъ то меня и носилъ! И въ самомъ дѣлѣ: на откосѣ валеный сапогъ нашли, шапку и полушубокъ сняли съ сучка въ лѣсу, а рукавицы валялись подлѣ проруби на рѣкѣ, изъ которой угощалъ давишный кумъ холоднымъ пивомъ.

Чертъ любитъ, говорятъ, пьяныхъ по той причинѣ, что такихъ людей ему легче наманивать на всякой грѣхъ, внушать дурныя мысли, подсказывать черныя и срамныя слова (всегда впрочемъ хлесткія и остроумныя), наталкивать на драку и на всякіе такіе поступки, для которыхъ у всѣхъ, за неимѣ-

ніемъ вѣрнаго, одно дешовое и вѣчное оправданіе: «чертъ попуталъ».

— По пьяному то дѣлу мало-ль чего не бываетъ»? (толкуютъ опытные люди): напуститъ онъ жуть (страхъ), либо тоску, такъ и незнамо что̀ представится. Со страху да тоски руки на себя наложишь, а онъ и радъ: начнетъ подъ бока подталкивать, на ухо нашептывать. Ты только петлю накинь, а онъ подъ руку подтолкнетъ—и затянетъ. Затѣмъ они и на землю являются, чтобы ввести человѣка въ грѣхъ, или нанести какой-либо вредъ.

Трезвые и степенные люди наводятъ на бѣсовскую силу новые поклепы и обвиняютъ ее въ иныхъ злодѣяніяхъ и даже въ посягательствахъ на человѣческую жизнь. Такъ напр., во время грозы бѣсъ, преслѣдуемый стрѣлами молніи, прячется за человѣка, подвергая его явной опасности. Поражая бѣса, Илья Пророкъ или Михаилъ Архангелъ могутъ убить и невиннаго. Вотъ почему во время грозы надо креститься. Надо поступать подобнымъ же образомъ передъ ѣдою и питьемъ, помня, что нечистая сила любитъ проказить, оскверняя неблагословенные сосуды чѣмъ ни попало. Это (по свидѣтель-

ству житій) между прочимъ любимыя шалости чертей, къ каковымъ они также прибѣгаютъ для соблазновъ (напр., углубленныхъ въ молитву св. иноковъ и т. п.). Увѣряютъ также, что бѣсы похищаютъ дѣтей, блудно сожительствуютъ съ женщинами, причиняютъ разныя болѣзни.

Похищаютъ дѣтей. Вращается часто въ деревенскомъ быту ругательное слово *оммѣнъ* (т. е. обмѣнъ, обмѣныш), основанное на твердомъ вѣрованіи въ то, что дьяволъ подсмѣняетъ своими чертенятами некрещеныхъ человѣческихъ младенцевъ. Безъ разбору они уносятъ и тѣхъ, которыхъ въ сердцахъ проклинаютъ матери и таковыхъ, какимъ въ недобрый часъ выговаривается неладное (черное) слово въ родѣ: хоть бы лѣшій тебя унесъ. Уносятъ и младенцевъ, оставленныхъ до крещенія безъ надлежащаго досмотра: даютъ имъ заснуть не перекрестивши, даютъ чихнуть и не поздравствуютъ ангельскую душу, не пожелаютъ роста и здоровья. Особенно все это доступно чертямъ по ночамъ. «Годъ тихъ, да часъ лихъ»—говорятъ матери и вѣрятъ, что если иная въ этотъ лихой часъ выругается, то чертъ подмѣниваетъ дѣтей и носитъ потомъ съ собою, заставляя ихъ раздувать начавшіеся на землѣ пожары. Бываетъ и иначе.

Похищенныя дѣти отдаются на воспитаніе русалкамъ или проклятымъ дѣвкамъ, у которыхъ они и остаются, превращаясь впослѣдствіи: дѣвочки въ русалокъ, мальчики въ лѣшихъ. Замѣстившіе ихъ чертовы сыновья или дочери ростутъ всегда съ большимъ брюхомъ; постоянно кричатъ благимъ матомъ и года черезъ два обращаются въ головѣшку, или, совсѣмъ какъ дымъ, пропадаютъ безъ вѣсти. Сюда же, къ неизвѣстнымъ тайнымъ людямъ или къ самымъ дьяволамъ, поступаютъ «приспанныя дѣти», т. е. задушенныя матерями во время сна. И въ томъ и въ другомъ случаѣ душа ребенка считается погибшей, если ее не спасетъ сама мать постоянными молитвами въ теченіи 40 дней при строжайшемъ постѣ. Ребенокъ унесенный тайными людьми, дѣлается самъ тайнымъ человѣкомъ: невидимо бродитъ по бѣлому свѣту, отыскивая себѣ пропитаніе. Пьетъ молоко, оставленное въ горшкахъ неблагословеннымъ, снимаетъ съ крынокъ сметану. Если же ребенка похитилъ дьяволъ, то онъ бываетъ помѣщенъ въ темной и тѣ-

сной темницѣ. Хотя нѣтъ въ ней ни огня, ни кипящей смолы, какъ въ кромѣшномъ адѣ, за то ребенокъ навсегда лишается свѣта и будетъ вѣчно проклинать свою мать за то, что она не уберегла его. Изъ такого мучительнаго положенія, среди постороннихъ упрековъ и личнаго раскаянія, полагается выходъ, рекомендуется оригинальное средство. Необходимо три ночи простоять въ церкви на молитвѣ; но бѣда въ томъ, что не всякій священникъ разрѣшаетъ это. Тѣмъ не менѣе несчастныя матери слѣпо вѣруютъ, что если ребенка похитили тайные люди, онъ по молитвѣ является на своемъ мѣстѣ цѣлымъ и, по окропленіи святою водою, остается невредимымъ. Съ чертями же предстоитъ много хлопотъ и доводится подвергать себя тяжелымъ испытаніямъ не по силамъ женской природѣ, легкомысленной и склонной къ любопытству—страсти все знать и видѣть, даже безъ цѣли и пользы.

Лишь только наступитъ ночь и, оставшись одна въ церкви, женщина встанетъ на молитву, начинаетъ она подвергаться всякимъ ужасамъ: позади поднимается хохотъ и свистъ, слышатся: топанье, пляски, временами дѣтскій плачъ и угрозы Раздаются бѣсовскіе голоса на соблазнъ и погибель:

Оглянись,—отдадимъ!...

Кричитъ и ребенокъ:

— Не мать ты мнѣ, а змѣя подколодная!

Оглянуться на тотъ разъ—значитъ, на вѣки погубить себя и ребенка (разорвутъ черти на части). Выдержать искушеніе—значитъ увидѣть своего ребенка чернымъ, какъ уголь, котораго на одну минуту покажутъ передъ тѣмъ временемъ, какъ запѣть вторымъ пѣтухамъ.

На вторую ночь происходитъ тоже самое, но съ тѣмъ лишь различіемъ, что на этотъ разъ ребенокъ не клянетъ своей матери, а твердитъ ей одно слово: молись!—Послѣ перваго пѣтуха появляется дитя на половину тѣла бѣлымъ.

Третья ночь—самая опасная: бѣсы начинаютъ кричать дѣтскимъ голосомъ, пищать и плакать, захлебываясь и съ отчаянными взвизгами умоляя взять къ себѣ на руки. Среди дѣланныхъ воплей до чуткаго уха любящей матери, храбро выдерживающей искусъ, доносятся и нѣжныя звуки мягкаго голоса, совѣтующаго молиться:

— Матушка, родная ты моя! Молись—молись:—скоро замолишь.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

Пропоетъ третій разъ пѣтухъ—и дьяволъ бросаетъ передъ матерью совершенно бѣлаго ребенка, т. е. такимъ, какимъ она его родила.

— Теперь ты мнѣ родная мать—спасибо: замолила!—прокричитъ дитя и мертвымъ, но спасенымъ, остается лежать на церковномъ полу.

За отказомъ священниковъ, безпокойства сокрушающихся матерей доходятъ до крайнихъ предѣловъ и только благодаря богомольнымъ настроеніямъ, онѣ находятъ успокоеніе въ хожденіяхъ по монастырямъ и въ увѣщаніяхъ благочестивыхъ старцевъ, признаваемыхъ за святыхъ. Отъ нихъ тоскующія и приносятъ домой увѣренность въ томъ, что и душа заспаннаго младенца пойдетъ туда же, куда всѣ души прочихъ умершихъ дѣтей, т. е. прямо въ святой рай, къ самому Господу Богу. Дьяволъ къ крещенному младенцу не смѣетъ даже и прикоснуться.

Соблазняютъ женщинъ. Изъ нѣкоторыхъ житій святыхъ—особенно по афонскому Патерику—и изъ народныхъ сказокъ довольно извѣстны сладострастныя наклонности всей бѣсовской породы. Онѣ проявляются какъ въ личныхъ поступкахъ отдѣльныхъ существъ,

такъ и въ характерѣ людскихъ искушеній, совершаемыхъ охотнѣе и чаще, именно въ этомъ направленіи. Въ исторіи борьбы христіанства съ язычествомъ въ Византіи многочисленны нелѣпыя указанія на ту же блудную наклонность дьяволовъ и на связь ихъ съ гречанками того времени. Стоитъ и въ наши дни и у насъ на Руси поскучать молодой бабѣ по ушедшемъ на заработки мужѣ—въ особенности же вдовѣ по умершемъ, какъ бѣсы и готовы уже на утѣху и на услуги. Пользуясь способностью перекидываться (принимать на себя всякія личины) и ловкостью въ соблазнахъ и волокитствахъ, бѣсы добиваются полныхъ успѣховъ. И начинаютъ замѣчать сосѣди, что баба-вдова иногда сдѣлается какъ бы на положеніи беременной, а то и опять ничего не замѣтно, нѣтъ никакихъ перемѣнъ. И дивятся въ то же время, какъ она со всякой работой отлично справляется: лѣтомъ выходитъ въ поле одна, а дѣлаетъ за троихъ. И убѣждаются въ преступной связи тогда, какъ начнетъ баба худѣть и до того исхудаетъ, что останутся только кожа да кости. Прозорливыя сосѣдки видятъ даже, какъ летаетъ въ избу нечистый въ видѣ огненнаго змѣя и съ клятвою увѣряютъ, что на гла-

захъ у всѣхъ влетѣлъ бѣсъ въ трубу и разсыпался огненными искрами надъ крышей.

Повѣрья объ огненныхъ змѣяхъ на столько распространены и способы избавляться отъ ихъ посѣщеній до того разнообразны, что перечисленіе главныхъ и описаніе существенныхъ можетъ послужить предметомъ особаго изслѣдованія. Разсказы о такихъ приключеніяхъ поражаютъ своею многочисленностью, но въ тоже время и докучнымъ однообразіемъ. Входитъ бѣсъ во временную сдѣлку съ несчастной, поддавшейся обману и соблазну, и всего чаще съ женщинами, допустившими себя до полнаго распутства. Оба стараются, по условію, и подъ страхомъ тяжелаго наказанія, держать эту связь въ величайшей тайнѣ, но нечистое дѣло съ нечистымъ утаиться не можетъ. Находится достойный человѣкъ, которому довѣряется тайна и отыскивается средство благополучно прекратить это сношеніе. Помогаетъ накинутый на обманщика (обычно являющагося въ видѣ дороднаго мужчины) лошадиный недоуздокъ. Отваживаютъ отъ посѣщеній тѣмъ, что нащупываютъ у соблазнителя спинной хребетъ, какового обычно у этихъ оборотней не бываетъ. Иныхъ спасаютъ отчитываньемъ (отъ блуднаго бѣса по

требнику Петра Могилы); другимъ помогаетъ трава чертополохъ (Cisium и Carduus)—колючая сорная трава, равно ненавистная всей нечистой силѣ. Приглашаютъ въ домъ священника служить молебенъ; пишутъ во всѣхъ углахъ мѣломъ и дегтемъ кресты, курятъ изъ ручной жаровенки ладономъ *).

Разсказываютъ, что иногда и сами черти налетаютъ на бѣду и остаются въ дуракахъ: убѣгаютъ отъ сварливыхъ бѣдовыхъ бабъ опрометью, добровольно и навсегда. Болтаютъ также, что отъ подобной связи рождаются черныя, глупыя и злыя дѣти, но такъ что могутъ жить очень недолго и даже никто ихъ не видитъ.

Дьявольское навожденіе. Относительно болѣзней, постигающихъ человѣческій родъ, въ сознаніи простыхъ людей, населяющихъ

*) Какъ всѣмъ извѣстно, хотя бы по словамъ по всюду распространенной поговорки, черти всего больше боятся ладону („ладонъ—на чертей, тюрьма—на воровъ“), а вслѣдствіе того и введены въ обычай сумочки-ладонки, носимыя вмѣстѣ съ крестами на шеѣ, въ которыя зашиты вмѣстѣ съ какой либо святыней, кусочки этой пахучей смолки. Бываетъ впрочемъ зачастую и такъ (по пословицѣ же), что у иныхъ „ладонъ на вороту, а чертъ на шеѣ“.

степныя и лѣсныя деревни, еще окончательно не рѣшено, въ чемъ заключается ихъ причина: въ божескомъ ли попущеніи или въ дьявольскомъ навожденіи? По сличеніи свѣдѣній, полученныхъ съ точнымъ указаніемъ на происхожденіе различныхъ недуговъ болѣе чѣмъ изъ 50 мѣстностей, — оказывается значительный перевѣсъ на сторонѣ послѣдняго мнѣнія. При этомъ извѣстно, что нѣкоторыя болѣзни, какъ напр. лихорадки, олицетворяются прямо-таки въ живыхъ существахъ, имѣющихъ опредѣленный старческій видъ и каждая свое особое имя, какъ дщери Иродовы, по указаніямъ христіанскихъ временъ, въ количествѣ двѣнадцати (а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ даже до семидесяти), косматыхъ и безъ пояса. Противъ нихъ издавна вращается въ народѣ цѣлый молитвенный списокъ, имѣніе какового въ домѣ считается подобно таковому же апокрифическому сказанію о Снѣ Богородицы, за дѣйствительное и сильное цѣлебное средство. Тотъ и другой носятъ на шейномъ крестѣ зашитымъ въ тряпичку какъ заболѣвшіе, такъ равно и желающіе предохранить себя отъ будущихъ напастей.

Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удалось различить болѣзненныя причины, распредѣливъ ихъ по двумъ основнымъ разрядамъ. Выходитъ такъ, что всѣ (особенно эпидемическія, въ родѣ холеры и тифа), болѣзни посылаетъ Самъ Богъ въ наказаніе или для вразумленія и лишь немногія зависятъ отъ насыла злымъ человѣкомъ или отъ порчи колдуномъ или вѣдьмами. За то всѣ душевныя болѣзни и даже проказу всегда и безспорно насылаетъ чертъ. На него и показываютъ сами больные, выкрикая имя того человѣка, который принесъ, по указанію и наущенію дьявола, порчу и корчу и нашепталъ всякія тяжелыя страданія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ полная увѣренность въ томъ, что на всякую болѣзнь полагается особый духъ и каждый изъ нихъ имѣетъ свой видъ, напр. для лихорадки—бабочки, для оспы—лягушки, для кори—ежа и т. п. Сверхъ прочихъ существуетъ еще особенный бѣсъ, насылающій неожиданныя и безпричинныя острыя боли схватками въ спинѣ, рукахъ и ногахъ и называемый «притокомъ» (отсюда и обычное выраженіе «попритчилось»). Для пьяницъ черти приготовляютъ въ водкѣ особаго червя (бѣлаго, величиной съ волосокъ): прогло-

тившіе его дѣлаются горькими пьяницами, и т. под.

Всѣ женскія болѣзни, какъ напр. кликушество и вообще порчи всякаго рода (истеріи) приписываются безспорно бѣсамъ. Нѣтъ никакихъ силъ разувѣрить убѣжденныхъ женщинъ—убѣжденныхъ главнымъ образомъ въ томъ, что сами бѣсы вселились внутрь испорченныхъ, что вошли черезъ неперекрещенный ротъ во время зѣвоты или въ питьѣ и ѣдѣ. Подобныя болѣзни ученые доктора лѣчить не умѣютъ; тутъ помогаютъ только опытные знахари да тѣ батюшки, у которыхъ водятся такіе молитвенники, какіе имѣются не у всякаго изъ духовныхъ.

Хотя и придумана давно деревенская пословица: «Богу молись, а черта не гнѣви»,—но существуетъ и такая истина, которая выше всякой грѣховной болтовни и легкомысленныхъ правилъ: «безъ Божьей воли и волосъ на головѣ человѣка не пропадаетъ». Если чертъ—лиходѣй для людей только по Божію напущенію, то во всякомъ случаѣ бѣсовскому вліянію положенъ извѣстный предѣлъ и самое пребываніе его на землѣ ограничено опредѣленными сроками. Это извѣстно всѣмъ, слѣпо вѣрующимъ въ черта и налагающимъ на себя крестное знаменіе: при благовѣстѣ въ церквахъ послѣ третьяго удара (когда вся бѣсовская сила проваливается въ преисподнюю), и при проходѣ черезъ перекрестки—завѣдомыя жилища чертей.

Если еще не поколеблена въ желательную силу эта самая вѣра, то начались уже, по увѣренію нѣкоторыхъ корреспондентовъ, настойчивые толки о томъ: есть ли въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ черти. Въ тоже время сознательно твердо держится вѣра, что ко всякому человѣку, при его рожденіи, приставляются чертъ и ангелъ. Оба они не оставляютъ его ни на одну минуту: одинъ (ангелъ), стоя по правую сторону, другой, дьяволъ, по лѣвую руку *). Между ангеломъ-хранителемъ и дьяволомъ-соблазнителемъ стоитъ постоянная вражда. Каждый изъ нихъ зорко слѣдитъ другъ за другомъ, уступая первенство лишь при томъ или другомъ настроеніи духа того человѣка: радуется, умиляясь, ангелъ при видѣ добрыхъ дѣлъ; оскабляется, хохочетъ

*) Свѣдующіе люди держатся, вслѣдствіе подобнаго вѣрованія, того правила, что никогда не плюютъ на правую сторону и ложатся спать на лѣвомъ боку, чтобы держать лицо обращеннымъ къ своему ангелу и не видать во снѣ дьявола или вообще зловѣщаго сна.

и хлопаетъ въ ладоши довольный дьяволъ въ виду послушанія его злымъ навѣтамъ. Ангелъ записываетъ всѣ добрыя дѣла, дьяволъ учитываетъ злыя, а когда тотъ человѣкъ умретъ, ангелъ будетъ спорить съ дьяволомъ о грѣшной душѣ его. Кто изъ двухъ побѣдитъ—извѣстно Единому Богу.

Впрочемъ до того времени на всякой часъ готово домашняго измышленія молитвенное слово для утѣшенія:

«Ангелъ мой, сохранитель мой!—сохрани мою душу, укрѣпи мое сердце на всякъ день, на всякъ часъ, на всякую минуту. По утру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсь Спасова Пречистова образа. Врагъ-сатана, отшатнись отъ меня на сто верстъ-на тысячу, на мнѣ есть крестъ Господенъ! На томъ крестѣ написаны Лука и Маркъ, и Никита мученикъ: за Христа мучаются, за насъ Богу молятся. Причистые замки ключами заперты, замками запечатаны, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

II.

Домовой-доможилъ.

Выдѣлился изъ осиротѣлой семьи старшій братъ, и задумалъ себѣ избу строить. Выбралъ онъ подъ стройку обжитое мѣсто. Лѣсъ рубилъ «избяной помочью»: сто бревенъ—сто помочанъ, чтобы вырубить и вывезти каждому по бревну. Десяткомъ топоровъ успѣли повалить лѣсъ поздней осенью, когда дерево не въ соку, и вывезли бревна по первопутку: и работа была легче, и лошади меньше наломались. Плотники взялись «срубить и поставить избу», а если сладится хозяинъ съ деньгами въ этотъ же разъ, то и «нарядить» ее, т. е. сдѣлать все внутреннее убранство, доступное топору и скобелю. Плотники подобрались ребята надежные изъ ближняго сосѣдства, гдѣ испоконъ-вѣку занимаются этимъ ремесломъ, и успѣли прославиться на дальныя окольности. Помолились на вос-

ходъ солнца, выпили «заручную», и начали тяпать съ ранней зари до самой поздней.

Когда положили два нижнія бревна — два первые вѣнца такъ, что гдѣ лежало бревно комлемъ, тамъ навалили другое вершиной, -приходилъ хозяинъ, приносилъ водку: пили «закладочные». Подъ переднимъ, святымъ угломъ, по желанію хозяевъ, закапывали монету на богатство, и плотники сами отъ себя—кусочекъ ладону для святости. Пусть не думаютъ про нихъ, съ бабьихъ бредней, худаго, не болтали бы о томъ, что они знаются съ нечистой силой, и могутъ устроить такъ, что домъ для жилья сдѣлается неудобнымъ. Вотъ почему, когда поставятъ весь срубъ и мастера наухаются и наломаются до самаго сыта, при подъемѣ и установкѣ стропилъ, къ водочному угощенію «стропильному», присоединяется закуска и приглашаются гости. Хозяйки въ особенности хлопочутъ около съѣстнаго и стараются угостить и задобрить плотниковъ. Наступаетъ самое опасное время, когда плотники, недовольные расчетомъ и угощеніемъ, стараются отомстить: вмѣсто клочьевъ шерсти въ гнѣздахъ потолочныхъ балокъ, закладываемыхъ для тепла, могутъ засунуть въ пазахъ во мху между вѣнцами, щепки. Онѣ помѣ-

шаютъ плотной осадкѣ,—и въ этихъ мѣстахъ всегда будетъ продувать и промерзать. Иные лихіе люди между концами бревенъ въ углу кладутъ въ коробочку камни,—не вынувши ихъ, тѣ мѣста нельзя плотно проконопатить и избу натопить. У хозяевъ, скупыхъ на угощеніе и охотливыхъ обсчитывать и недоплачивать, подъ князькомъ на крышѣ задѣлываютъ горлышко бутылки или прилаживаютъ длинный ящичекъ безъ передней стѣнки, набитый берестой. Въ вѣтряную погоду изъ горлышка раздается докучливый свистъ; береста заводитъ неугомонный шумъ, въ которомъ иному слышится плачъ и вой, вздохи и выкрики, а другимъ неутѣшные стоны,— хоть святыхъ выноси изъ избы и давай просторъ и мѣсто нечистой силѣ. Тутъ что-нибудь изъ двухъ: либо завелись черти-дьяволы, либо изъ стараго дома ходитъ доброжелательный, сжившійся съ семьей, домовой и подвываетъ—просится, напоминая о себѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда забыли его почтить и перезвать на новое пепелище.

Переходъ въ новую избу или «влазины», новоселье—въ особенности жуткая пора и опасное дѣло. Это не въ примѣръ хуже, чѣмъ раздѣтымъ до-гола броситься въ крещенскую

прорубь. На новомъ мѣстѣ словно бы надо переродиться, чтобы начать новую тяжелую жизнь въ потемкахъ и ощупью. Жгучая боль лежитъ на сердцѣ, которое не чуетъ (а знать хочетъ) чего ждать впереди: хотѣлось бы хорошаго, когда вокругъ больше худое. Прежде всего напрашивается неотразимое желаніе погадать, кинуть жеребій на счастье и именно тотъ самый, который памятенъ съ древнѣйшихъ временъ и извѣстенъ всей Россіи. Онъ примѣняется повсюду: впередъ себя въ новую избу пускаютъ пѣтуха и кошку. Если суждено случиться бѣдѣ, то пусть она на нихъ и стрясется. За ними уже можно смѣло входить съ иконой и хлѣбомъ-солью, всего лучше въ полнолуніе и обязательно ночью *).

Искушенныя житейскимъ опытомъ хозяйки-бабы, поставивъ икону на тябло, отрѣзаютъ одинъ сукрой отъ каравая хлѣба и кладутъ его подъ печку. Это—тому незримому хозяину, который вообще зовется «домовымъ», съ придаткомъ, для выдѣла отъ прочихъ и въ отличіе съ ними, слова «доможилъ». Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ему совершенно вѣрятъ, и лишь иногда, грѣшнымъ дѣломъ, позволяютъ себѣ сомнѣваться, соблюдается очень древній обычай, о которомъ въ другихъ мѣстахъ давно уже и забыли. Кое-гдѣ (напр. по Новг. губ., около Боровичъ) хозяйка дома до разсвѣта (чтобы никто не видалъ) старается три раза обѣжать новую избу нагишомъ, съ приговоромъ:

«Поставлю я около двора желѣзный тынъ, чтобы черезъ этотъ тынъ ни лютый звѣрь не перескочилъ, ни гадъ не переползъ, ни лихой человѣкъ ногой не переступилъ, и дѣдушка-лѣсной черезъ него не заглядывалъ».

А чтобы былъ этотъ «замокъ» крѣпокъ, баба въ воротахъ перекидывается кубаремъ также до трехъ разъ и тоже съ заученнымъ приговорнымъ пожеланіемъ, главный смыслъ котораго выражаетъ одну завѣтную мысль, чтобы «родъ и плодъ въ новомъ домѣ увеличивались».

Задабривая плотниковъ, суевѣрные люди обязываются тѣмъ же обычаемъ и относительно печниковъ, которые для скупыхъ хозяевъ придумали также свои продѣлки: либо заложатъ въ трубѣ одинъ кирпичъ такъ,

*) Ночью же въ новый домъ и скотину перегоняютъ Счастливыми днями для новоселья считаются двунадесятые праздники, и между ними главнѣе всѣхъ Введеніе во храмъ Богоматери.

что печь начинаетъ постоянно дымить, либо гусиное перо, съ налитой въ него ртутью, плотно закрѣпляютъ однимъ концомъ, вмазаннымъ въ печь такимъ способомъ, что въ ней начинается нестерпимый бѣсовскій вой въ то время, когда печь начинаетъ остывать, и т. под.

Такова уже деревенская участь, въ глухихъ заброшенныхъ мѣстахъ, тамошнихъ темныхъ людей, чтобы дивиться всякому искуснику, любому ремесленному человѣку и въ каждомъ мастерѣ своего дѣла признавать нѣчто необычное, чрезвычайное и даже сверхъестественное. «Коли знатокъ чего, то и колдунъ»: продалъ свою душу чертямъ безъ выкупа, знается съ ними и живетъ въ полномъ согласіи, за панибрата. Умѣлый рыбакъ, счастливый мельникъ, у котораго полая вода не рветъ плотины и не ломаетъ колесъ, знаются съ водяными; охотникъ на торговую дичь, съ зоркимъ прицѣльнымъ глазомъ, не выпускающій зарядовъ дураками даже по мелкой дичи, задобрилъ лѣшаго и вошелъ съ нимъ, какъ бы по подряду, въ соглашеніе, и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ житейскіе успѣхи покупаются высокой цѣной далеко не каждому по силамъ,—цѣною свя-

той души и сдѣлками съ нечистой силой, которая, если такова, то и злобна, мстительна и всегда недоброжелательна. Отъ нея надо откупаться, надо знать вѣрныя средства и особенно тѣ изъ нихъ, которыя одобрены опытомъ многихъ вѣковъ и подкрѣплены свидѣтельствомъ всѣхъ старыхъ людей. Отъ нихъ всегда можно услышать безконечныя доказательства того осаднаго положенія, въ какомъ неизбѣжно и обязательно какъ въ заколдованномъ кругѣ, вѣчно обрѣтаются простые суевѣрные люди, на всякомъ мѣстѣ и при всякомъ дѣлѣ. Даже и переходъ въ новое жилье обставленъ страхами и грозитъ грядущими опасностями, самыми неожиданными дьявольскими навожденіями.

Такъ какъ этихъ разсказовъ не переслушаешь (до того они разнообразны и многочисленны), то можно ихъ на этотъ разъ и не пересчитывать и обо всѣхъ прочихъ умолчать въ томъ прямомъ расчетѣ, что на всякую деревенскую избу полагается надежный защитникъ.

Когда Господь, при сотвореніи міра, сбросилъ на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая возгордилась и подняла мятежъ противъ своего Создателя, на

людскія жилья тоже попадали нечистые духи. Отобрались ли сюда тѣ, которые были подобрѣе прочихъ, или ужъ такъ случилось, что, приселившись поближе къ людямъ, они обжились и пообмякли, умягчились нравомъ. Не сдѣлавшись злыми врагами, какъ водяные, лѣшіе и прочіе черти, они какъ бы переродились: превратились въ доброхотовъ и при этомъ даже оказались съ привычками людей веселаго и шутливаго нрава. Большая часть вѣрующихъ такъ къ нимъ привыкла, примирившись съ ними, что не согласна признавать домовыхъ за чертей и принимаетъ ихъ въ своихъ представленіяхъ за особую отдѣльную добрую породу.

Никто не позволяетъ себѣ выругаться ихъ именемъ. Всегда и всѣ отзываются объ нихъ съ явнымъ добродушіемъ и нескрываемою нѣжностью. Это опредѣлительно выражается во всѣхъ разсказахъ и согласно свидѣтельствуется всѣми свѣдѣніями, полученными отъ сотрудниковъ въ отвѣтъ на программные вопросы по «Демонологіи» изъ разныхъ концовъ Великороссіи, и въ такомъ значительномъ количествѣ, что приходится считать ихъ теперь цѣлыми сотнями.

Каждая жилая деревенская изба непремѣнно имѣетъ одного такого невидимаго жильца, который и является сторожемъ не только самаго строенія, но главнымъ образомъ всѣхъ живущихъ: и людей, и скотины, и птицы.

Живетъ-слываетъ онъ обычно не подъ своимъ прирожденнымъ именемъ «домово́го», которое не всякій рѣшится произносить вслухъ сколько изъ уваженія къ нему, столько и изъ скрытой боязни оскорбить его такимъ прозвищемъ, какое можетъ онъ принять себѣ за насмѣшку. Отчего и не повеличать его изъ приличія, и за очевидныя и доказанныя услуги, именемъ «хозяина», и за древность лѣтъ его жизни на Руси—«дѣдушкой?» *)

*) Разсказывая объ домовомъ, всего чаще называютъ его прямо и просто—«Онъ» или «Самъ», но ще чаще «Доброжиломъ» и «Доброхотомъ», а въ Волог. г. (Кадн. уѣз.) даже «Кормильцемъ». По всему лѣсному сѣверу Россіи, за свое охотливое совмѣстное жительство съ православнымъ русскимъ людомъ, зовется Онъ «Сусѣдкомъ» и «Батанушкомъ» (батаномъ—не то въ смыслѣ бати-отца, не то братана, т. е. нероднаго брата). Въ семьяхъ Олонецкаго края величаютъ его даже почетнымъ именемъ «другая половина». Во всякомъ случаѣ онъ д о м о ж и л ъ и за обычай житья въ теплѣ и холѣ—«жировикъ;» за нѣкоторыя житейскія привычки—«лизунъ». За то, что онъ все-

По скольку все это разнообразіе именъ и прозвищъ свидѣтельствуетъ о живучести домашняго духа и близости его къ людскимъ интересамъ, по столько онъ самъ и неуловимъ и неуязвимъ. Рѣдкій можетъ похвалиться тѣмъ, что воочію видалъ домового. Кто скажетъ такъ, то либо обманулся съ перепугу и добродушно вводитъ другихъ въ заблужденіе, либо намѣренно лжетъ, чтобы похвастаться и удачнымъ случаемъ, и храбростью, и всезнайствомъ. Видѣть домового нельзя: это не въ силахъ человѣческаго глаза (въ чемъ совершенно согласно большинство лю-

таки существо незримое, безспорная и подлинная «нѣжить» (ни духъ, ни человѣкъ)—домовой, въ обходъ настоящаго и прямаго званія его, прозывается еще и считается «пѣстѣномъ» (а также «пѣ-стѣнь»—отъ стѣни или тѣни), какъ призрачное существо, привидѣніе. Зовутъ его еще иногда «карноухимъ» за то, что будто бы у него въ отличіе отъ настоящихъ людей, кромѣ обросшаго густой шерстью тѣла и хвоста, не хватаетъ одного уха. Въ видахъ особаго исключенія называютъ его еще «некошнымъ» (некошной) въ тѣхъ только случаяхъ, когда онъ не ладитъ съ хозяевами избы, хотя это прозвище болѣе прилично (и чаще примѣнительно) ко всякимъ другимъ чертямъ, къ водянымъ и лѣшимъ и прочимъ, а къ домовому духу не прилаживается, и собственно не подходитъ.

дей свѣдущихъ, искусившихся долгимъ опытомъ жизни). Кто видалъ его въ видѣ вороха сѣна, въ образѣ какого либо изъ домашнихъ животныхъ, тотъ явно увлекается, лукаво мудрствуя на томъ предположеніи, что домовой, какъ всякій невидимый духъ съ нечеловѣческими свойствами, надѣленъ способностью превращаться, перевертываться, принимая на себя разновидныя личины и даже будто бы всего охотнѣе образъ самаго хозяина дома. Тѣмъ, кто пожелалъ бы его видѣть, предлагаютъ нелегкія задачи: надо надѣть на себя непремѣнно въ Пасхальную ночь лошадиный хомутъ, покрыться бороной зубьями на себя и сидѣть между лошадьми, которыхъ онъ особенно любитъ, цѣлую ночь и, конечно, досидѣться до того, чтобы потомъ насмѣшками не давали сосѣди прохода. Говорятъ даже, что если домовой увидитъ того человѣка, который за нимъ такимъ образомъ подсматриваетъ, то устраиваетъ, что лошади начинаютъ бить задомъ по боронѣ, и могутъ до смерти забить любознательнаго. Вѣрно и вполнѣ доказано только одно, что можно слышать голосъ домового (и въ этомъ согласны всѣ поголовно), слышать его тихій плачъ и глухіе сдержанные стоны, его

мягкій и ласковый, а иногда и отрывисто-краткій и глухой голосъ въ видѣ мимоходныхъ отвѣтовъ, когда умѣлые и догадливые успѣваютъ окликнуть и съумѣютъ спросить его при подходящихъ случаяхъ. Впрочемъ всѣ кто поумнѣе и поопастливѣе, тѣ не пытаются ни видѣть этихъ духовъ, ни говорить съ ними, потому что если это и удастся, добра не будетъ: можно даже опасно захворать. Впрочемъ, домовой, по доброму своему расположенію къ большакамъ семьи преимущественно и къ прочимъ членамъ въ исключеніе, имѣетъ завѣтную привычку наваливаться во снѣ на грудь и давить. Кто, проснувшись, поспѣшитъ спросить его: «къ худу или къ добру?»—онъ отвѣтитъ человѣческимъ голосомъ, словно вѣтеръ листьями прошелеститъ. Только такимъ избраннымъ и въ особину излюбленнымъ удалось узнать, что онъ мохнатый, оброслъ мягкой шерстью, что ею покрыты даже ладони рукъ, совершенно такихъ же, какъ у человѣка. Что у него имѣются сверхъ положенія рога и хвостъ (это только однѣ предположенія, такъ какъ никто собственно ихъ не видалъ). Часто также онъ гладитъ сонныхъ своею мягкою лапой и тогда не требуется ника-

кихъ вопросовъ—довольно ясно, что это къ добру. Зла людямъ онъ не дѣлаетъ, а напротивъ старается даже предостеречь отъ грядущихъ несчастій и временной опасности. Если онъ временами стучитъ по ночамъ въ подъизбицѣ, или возится за печью, или громыхаетъ въ поставцахъ посудой, то это дѣлаетъ онъ просто отъ скуки и, по свойству своего веселаго нрава, забавляется. Давно и всѣмъ извѣстно, что домовой—вообще большой проказникъ, своеобразный шутникъ и гдѣ обживется, тамъ беззаботно и безпричинно рѣзвится. Онъ и сонныхъ щекотитъ, и косматой грудью на молодыхъ наваливается также отъ бездѣлья, ради шутки. Подуритъ и пропадетъ съ такой быстротой, что нѣтъ никакой возможности замѣтить, каковъ онъ видомъ (что однако удалось узнать про лѣшаго, водяного и прочихъ духовъ—подлинныхъ чертей). Въ Смоленской губ. (въ Дорогобужскомъ уѣздѣ) видали домового въ видѣ сѣдаго старика, одѣтаго въ бѣлую длинную рубаху и съ непокрытой головой. Во Владимірской губ. онъ одѣтъ въ свитку желтаго сукна, волоса на головѣ и на бородѣ длинные, и всегда носитъ, никогда не снимая, большую лохматую шапку. Изъ подъ Пензы

пишутъ, что это старичекъ маленькій, «словно обрубокъ или кряжъ», но съ большой сѣдой бородой и неповоротливый: всякій можетъ увидѣть его темною ночью до вторыхъ пѣтуховъ. Иногда тамъ же принимаетъ онъ видъ черной кошки или мѣшка съ хлѣбомъ. Какъ же теперь во всемъ этомъ разобраться, и кому больше вѣрить?

Поселяясь на постоянное житье въ жилой и теплой избѣ, онъ такъ въ ней приживается на правахъ хозяина, что вполнѣ заслуживаетъ присвоенное ему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прозваніе доможила. Если онъ замѣчаетъ покушеніе на излюбленное имъ жилище со стороны сосѣдняго домового, если напр. онъ уличитъ его въ кражѣ у лошадей овса или сѣна, всегда вступаетъ въ драку и ведетъ ее съ такимъ ожесточеніемъ, какое свойственно только могучей нѣжити, а не слабой людской силѣ. Не одни лишь чуткіе и прислушливые люди могутъ слышать этотъ шумъ въ хлѣвахъ и конюшняхъ и отличать возню домовыхъ отъ лошадинаго топота и шарахтанья шальныхъ овецъ. Приживается каждый домовой къ своей избѣ даже въ такой сильной степени, что его трудно, почти невозможно выселить или выжить. Не достаточно для того всѣмъ извѣстныхъ молитвъ и обычныхъ пріемовъ. Надо владѣть особыми притягательными добрыми свойствами души, чтобы онъ внялъ мольбамъ и не призналъ бы ласкательные причёты за лицемѣрный подвохъ, а предлагаемые подарки, указанные обычаемъ и совѣтомъ знахаря, за шутливую выходку. Если, при переходѣ изъ старой разсыпавшейся избы во вновь отстроенную, не съумѣютъ переманить стараго домоваго, онъ не задумается остаться жить на старомъ пепелищѣ среди трухи развалинъ въ холодной избѣ, не смотря на вѣдомую любовь его къ теплымъ хоромамъ, въ тоскѣ и на холодѣ и въ полномъ одиночествѣ даже безъ сосѣдства мышей и таракановъ, которые, вмѣстѣ со всѣми другими жильцами, успѣваютъ перебраться незваными. Оставшійся изъ упрямства, по личнымъ соображеніямъ, или оставленный по забывчивости недогадливыхъ хозяевъ, предпочитаетъ страдать, томясь и скучая, какъ дѣлалъ это между прочимъ тотъ домовой, котораго забыли пригласить съ собой переселенцы въ Сибирь. Онъ долго плакалъ и стоналъ въ пустой избѣ,—и не могъ утѣшиться.

При выборѣ въ избѣ опредѣленнаго мѣста

для житья, домовой не разборчивъ: живетъ и за печкой и подъ шесткомъ, поселяется подъ порогомъ входныхъ дверей, и въ подызбицѣ и на подволокѣ, хотя замѣчаютъ въ немъ наибольшую охоту проводить время въ голбцахъ (извѣстныхъ дощатыхъ помѣщеніяхъ около печи со спускомъ въ подполье) и въ чуланахъ.

Когда сусѣдко поселяется на вольномъ воздухѣ, напр. на дворѣ, то и зовется уже «дворовымъ», но едва ли представляетъ онъ собою отдѣльнаго духа: это тотъ же хозяинъ, взявшій въ свои руки наблюденіе за всѣмъ семейнымъ добромъ. Его также не смѣшиваютъ съ живущими въ баняхъ баенными и банными (если онъ бываетъ женскаго пола, то наз. «волосаткой»), съ поселившимися на гумнахъ, овинными и т. п. (см. объ нихъ дальше). Это все больше недоброхоты, злые духи: на бѣду людей завелись они и было бы большимъ счастьемъ, когда бы они всѣ исчезли съ лица земли. Но какъ обойтись безъ домоваго? Кто предупредитъ о грядущей напасти, кто скажетъ какой масти надо покупать лошадей, какой шерсти выбирать коровъ, чтобы водились онѣ по долгу? Если говорятъ, что скотина «не ко двору», то это

значитъ вездѣ одно и тоже: ее не взлюбилъ своеобразный капризникъ «дворовый хозяинъ». Кто умѣетъ слушать и чутко слышитъ, тому домовой самъ своимъ голосомъ скажетъ, разъѣзжая на нелюбимой лошадкѣ и передѣлывая ее изъ сытаго круглыша въ такую клячу, у которой шкура виситъ, какъ на палкѣ. Въ Меленкахъ (Влад. губ.) одинъ спрятался въ ясляхъ и ему такъ посчастливилось тамъ, что онъ увидѣлъ, какъ домовой соскочилъ съ сушила, подошелъ къ лошади и началъ плевать ей въ морду, а лѣвой лапой у ней кормъ выгребаетъ и ворчитъ про себя, но такъ, что очень слышно:

— Купилъ бы кобылку пѣганьку, задокъ бѣленькой!

Послушались его и купили. И опять изъ подъ яслей хозяинъ видѣлъ, какъ съ сушила соскочилъ домовой въ лохматой шапкѣ, въ желтой свиткѣ, обошелъ кругомъ лошадь, осмотрѣлъ ее да и заговорилъ:

— Вотъ это лошадь! Эту стоитъ кормить, а то купилъ какую то кляпю.

Сталъ ее гладить, заплелъ на гривѣ косу, ходитъ да похваливаетъ и суетъ ей въ морду овесъ.

Въ одной деревнѣ Череповецкаго уѣзда

(Новг. губ.) домовой, навалившись ночью на мужика и надавливая ему грудь и животъ, прямо спросилъ (и таково сердито!):

— Гдѣ Сѣрко? Приведи его назадъ домой.

Надо было на другое же утро ѣхать въ ту деревню, куда продалъ хозяинъ лошадь и размѣниваться. А тамъ тому рады: и у нихъ, когда вводили лошадь на дворъ, она фыркала и артачилась, а на другое утро нашли ее всю въ мылѣ. Одинъ въ упоръ спросилъ домоваго, какой шерсти покупать лошадь, домовой ему въ упоръ и отвѣтилъ: «хоть старую, да чалую», и т. п.

Бываютъ лошади «двужильныя» (переходъ отъ шеи къ холкѣ раздвоеный), въ работу негодныя: служатъ только на домоваго. Кто объ этомъ дознается, тотъ спѣшитъ продать за безцѣнокъ: вся бѣда въ томъ, что если она околѣетъ на дворѣ, то сколько лошадей ни покупай потомъ—всѣ онѣ передохнутъ (счетомъ до 12-ти), и нельзя больше держать эту скотину. Вотъ только въ такомъ единственномъ случаѣ, какъ ни добръ нравомъ, всякій домовой не уступчивъ: тогда пробуютъ поколѣлую лошадь вытаскивать не въ ворота, а въ отверстіе, нарочно проломанное въ стѣнѣ хлѣва,—и то не всегда помогаетъ.

Зная про подобныя напасти и не забывая проказъ и капризовъ домоваго, завелись по всей Великой Руси общіе для всѣхъ, и обязательные для каждаго, обычаи при покупкѣ и продажѣ лошадей и скота, на приводѣ ихъ во дворъ, и въ обхожденіи съ нимъ за все время службы.

Когда купятъ корову или лошадь, то поводъ отъ узды или конецъ веревочки перекладываютъ изъ полы въ полу и говорятъ пожеланія «легкой руки». Покупатель снимаетъ съ головы шапку и проводитъ ею отъ головы и шеи, вдоль спины и брюха «новокупки». А когда ведутъ домой, то изъ подъ ногъ по дорогѣ поднимаютъ щепочку или палочку и ею погоняютъ. Когда переведутъ корову во дворъ, погонялку эту забрасываютъ:

— Какъ щепочкѣ не бывать на старомъ мѣстѣ, какъ палочкѣ о томъ же не тужить и не тосковать, такъ бы и купленая животина не вспоминала старыхъ хозяевъ и не сохла по нимъ.

Затѣмъ «новокупку» прикармливаютъ кусочкомъ хлѣба, а къ домовому прямо обращаются и открыто, при свидѣтеляхъ, кланяются во всѣ четыре угла въ хлѣвахъ и просятъ: поить, кормить, ласкать и холить и эту новую, какъ бывалыхъ прежнихъ.

Съ домашняго скота добрый домовой переноситъ свои заботы и на людей. Охотнѣе всего онъ старается предупреждать о несчастіяхъ, чтобы умѣлые успѣвали приготовиться къ встрѣчѣ и во всевозможныхъ случаяхъ отвратить отъ себя заблаговременно, а догадливые разумѣютъ тѣ знаки безъ словъ, какіе онъ подаетъ, когда ему вздумается. Быть въ домѣ покойнику, если слышится его плачъ иногда въ самой избѣ. Иногда у трубы на крышѣ заиграетъ въ заслонку—будетъ судъ изъ за какого нибудь дѣла и обиды; обмочитъ ночью—заболѣетъ тотъ человѣкъ; подергаетъ за волосы—остерегайся, жена: не ввязывайся въ споръ съ мужемъ, не грызись съ нимъ,—отмалчивайся, а то навѣрно прибьетъ и очень больно. Загремитъ домовой въ поставчикѣ посудой—осторожнѣе обращайся съ огнемъ и зорко поглядывай, не зарони искры, не вспыхнула бы непотушенная головѣшка, не сдѣлался бы большой пожаръ и т. д. Плачетъ и охаетъ онъ къ горю, а къ радостямъ скачетъ, пѣсни играетъ, смѣется; иногда, подыгрывая на гребешкѣ, предупреждаетъ о свадьбѣ въ семьѣ, и т. п.

Всѣ хорошо знаютъ, что домовой любитъ тѣ семьи, которыя живутъ въ полномъ согласіи и тѣхъ хозяевъ, которые рачительно относятся къ своему добру, въ порядкѣ и чистотѣ держатъ свой дворъ. Если изъ такихъ кто нибудь забудетъ напр. замѣсить коровамъ кормъ, задать лошадямъ сѣна, домовой за него позаботится. За то лѣнивымъ и нерадивымъ онъ самъ охотно помогаетъ запускать хозяйство и старается во всемъ вредить: заѣзживаетъ лошадей, мучаетъ и бьетъ скотину; забиваетъ ее въ уголъ яслей, кладетъ ее вверхъ ногами въ колоду, засоряетъ навозомъ дворъ, давитъ каждую ночь и сбрасываетъ съ печи и полатей на полъ и хозяина, и хозяйку, и дѣтей ихъ, и т. д. Бываетъ иногда и такъ, что, любя хорошихъ хозяевъ, онъ между тѣмъ мучаетъ скотину, а кого любитъ,—тому наваливается во снѣ и на яву, не разбирая ни дня, ни ночи, но предпочитаетъ сумерки. Захочетъ ли онъ объявиться съ печальнымъ или радостнымъ извѣстіемъ, или просто пошутить и попроказить, во всѣхъ такихъ случаяхъ предпочитаетъ принимать на себя видъ самихъ домовыхъ хозяевъ. Только (какъ успѣвали замѣчать нѣкоторые) не умѣетъ при этомъ прятать своихъ лошадиныхъ ушей. Въ такомъ образѣ домовой не прочь и пособить рабо-

чимъ, и угостить иного даже курительнымъ табакомъ; старается успѣшно помѣшать конокрадамъ, вырядившись въ хозяйское платье и расхаживая по двору цѣлую ночь съ вилами въ рукахъ и т. п. Подъ г. Орломъ знаютъ (и разсказываютъ) про такой случай, когда домовые раздобрились для своихъ любимыхъ хозяевъ такъ, что помогали имъ въ полевыхъ работахъ, а неудачливаго спасли тѣмъ, что наладили его на торговлю и на этотъ разъ съ такимъ же успѣхомъ, что всѣ дались диву и завидовали. Заботы и любовь свою къ семьямъ простираетъ иной «доможилъ» до такой степени, что мѣшаетъ тайнымъ грѣхамъ супруговъ и, куда не поспѣетъ во время, наказываетъ виноватаго тѣмъ, что наваливается на него и каждую ночь душитъ. Такъ какъ всей нечистой силѣ воспрещено самимъ Богомъ прикасаться къ душѣ человѣческой и не трогать ее, то, имѣя власть надъ тѣломъ, домовые не упускаютъ случая пускать въ ходъ и шлепки до боли и щипки до синяковъ. Не успѣетъ виновная, улегшись спать, хорошенько забыться, какъ почувствуется въ ногахъ тяжесть и пойдетъ она подниматься къ горлу, а тамъ и начнетъ мять такъ сильно, что затрещатъ кости и

станетъ захватывать дыханіе. Одно спасеніе на такіе случаи въ молитвѣ, да и то надо изловчиться, съумѣть собраться съ духомъ и успѣть проговорить вслухъ ту самую, которую не любятъ всѣ нечистые: «Да воскреснетъ Богъ» *)...

Пока наступитъ та блаженная пора, когда эта великая молитва громко раздастся на всю святую Русь и оцѣпенѣетъ на-мертво вся нечистая сила, простоплетеные деревенскіе хозяева долго еще будутъ, темною ночью, безъ шапки, въ одной рубахѣ, ходить въ старый домъ и съ поклонами упрашивать домоваго духа пожаловать въ новыя хоромы, гдѣ въ подъизбицѣ самой хозяйкой бываетъ приготовлено ему угощеніе: присоленный небольшой хлѣбецъ и водка въ чашкѣ. Суевѣрія, основанныя на воззрѣніи на природу, тѣмъ дороги и милы простому нетронутому сомнѣніями уму, что успокоительно прикры-

*) Во многихъ глухихъ мѣстахъ Костр. губ., а по свѣдѣніямъ Бюро и въ Калужской, сохранился очень древній обычай подвѣшивать надъ стойлами конюшенъ и надъ насѣстами въ курятникахъ «куриныхъ и лошадиныхъ боговъ». Для коней таковымъ «богомъ» служитъ особенный камень съ дырой, для куръ—горлышко отъ кувшина.

ваютъ черствую и холодную дѣйствительность и облегчаютъ возможность толковать сложныя явленія самыми простыми и подручными способами. Проказами домоваго объясняютъ ненормальныя уклоненія и болѣзненныя отправленія организма въ родѣ тѣхъ, когда «кажется» и когда «блазнитъ», т. е. неосязательное представляется во-очью или когда «чудится»: и болѣзненно настроенный слухъ передаетъ малѣйшій шелестъ въ преувеличенномъ видѣ и сдержанный шопотъ облекаетъ въ ясныя рѣчи и даже въ шумные разговоры. Не мудрено при такихъ условіяхъ пребывать въ полномъ ослѣпленіи и обидномъ невѣдѣніи, хотя бы очевидная голая истина сама предлагала наглазное объясненіе таинственнаго и готовое опроверженіе предположенному. Потеряла аппетитъ лошадь—бросила ѣсть и пить, потому что ловкій цыганъ, успѣвшій купить ее въ собственность, успѣлъ сунуть ей въ языкъ булавку. Усиленно катается по полу другая лошадь и мучительно чешется объ стѣнку и ясли, потому что недобрый человѣкъ посадилъ ей въ гриву и хвостъ вѣтку шиповника. Не находитъ животное себѣ мѣста и забивается подъ ясли такъ, что съ трудомъ

оттуда вытаскивается по той причинѣ, что приселилась въ конюшнѣ ласка: *) этотъ крошка-хищникъ изъ хорьковой породы, при своемъ гибкомъ тѣлѣ, умѣетъ заползать въ уши и, по своимъ кровожаднымъ наклонностямъ, прокусывать кожу на ногахъ и лакомиться кровью. Ушной проходъ у лошадей особливо опасное мѣсто, будучи устроенъ съ такимъ изворотомъ, что попавшее туда инородное тѣло не можетъ высыпаться: злодѣй-кучеръ, при стачкѣ съ барышникомъ, насыпаетъ туда нѣсколько дробинъ,—и лошадь непремѣнно околѣетъ. На утренней зарѣ холеный иноходецъ оказался весь въ мылѣ: только что сейчасъ вернулся на немъ молодой парень, всю ночь гулявшій тайкомъ отъ отца и ѣздившій по сосѣднимъ посѣдкамъ съ пѣснями и товарищами. Начала сытая лошадка спадать въ тѣлѣ по той очевидной и несомнѣнной причинѣ, что городской кучеръ открылъ на сторону торговлю ворованнымъ господскимъ овсомъ, а деревенскій сосѣдъ отъ крайней нищеты повадился темными ночами выгребать овесъ

*) Она же норокъ, **mustella nivalis**,—вся бѣлая, едва примѣтная, бѣгаетъ по стѣнкамъ; не любитъ козла—убѣгаетъ отъ него.

изъ чужихъ яслей для своей лошадки. Поднялось у молодой бабы въ крови бушеванье и почудилось ей, что будто подходитъ къ ней малой и жметъ и давитъ: ужъ и молитву читать принималась и крестное знаменіе на себя накладывала—ничто не беретъ, а изловчилась прочитать «Отчу»—все и пропало. Дня два поломало, а потомъ и мужъ сошелъ изъ Питера.

Въ такихъ случаяхъ участіе домоваго представляется очевиднымъ и помощь его весьма желательною (какъ и представили это въ поэтическихъ образахъ два нашихъ поэта: Островскій и Мей).

Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость съ милымъ
дружкомъ.
Тихой сонъ—угомонъ яснымъ глазынькамъ,—
Въ изголовье тебѣ грезы дѣвичьи!
За сердечнымъ другомъ
То ли не житье,
А у насъ по дому
Горе да вытье *).

*) См. «Воевода или Сонъ на Волгѣ», дѣйствіе III, явленіе 8.

Спѣлъ домовой Островскаго свою зловѣщую пѣсенку—намекнулъ несчастной про путь-дорогу для выхода изъ неволи, къ спасенью отъ злой кручины. Домовой Мея безжалостенъ: онъ оказался точнымъ и строгимъ исполнителемъ возложенныхъ на весь ихъ родъ обязанностей. Успѣлъ онъ все сдѣлать, что ему указано на каждый день и къ чему онъ привыкъ съ того самаго дня, когда поселился въ домѣ: обошелъ обычнымъ дозоромъ домъ, заглянулъ въ погребъ, въ закрому, побывалъ на сѣновалѣ, отъ конюшни отгребъ кучки снѣга, лошадкамъ далъ корму, гривы заплелъ, не забылъ сходить въ кладовыя, отмыкалъ замки, осмотрѣлъ все нажитое честнымъ трудомъ крестьянское добро.

Все бы было ладно, все бы по нутру...
Только вотъ хозяйка намъ не ко двору·
Больно черноброва, больно молода,—
На сердцѣ тревога, грудь то высока:
Мигомъ одурачитъ мужа старика.
Знать и домовому не сплести порой
Бороду сѣдую съ черною косой.

Погоди-жъ, я съ нею шуточку сшучу,
И отъ черной думы разомъ отучу:
Только обоймется съ грезой горячо,—
Я тотчасъ голубкѣ лапу на плечо *), и т. д.

*) Сочиненія Л. А. Мея, т. 2 (изд. 1862 г.), стихотвореніе «Хозяинъ».

III.

Домовой-дворовой.

Какъ ни просто деревенское хозяйство, какъ ни мелка, повидимому и на самомъ дѣлѣ, вся обстановка домашняго быта, одному домовому-доможилу со всѣмъ не управиться. Не только у богатаго, но у всякаго мужика для него издревле полагаются помощники, назначены приспѣшники, работа которыхъ въ иныхъ мѣстахъ не замѣчается и не полагается за самостоятельную, вся цѣликомъ приписывается одному «хозяину». Въ другихъ мѣстахъ умѣютъ догадливо различать труды каждаго домашняго духа изъ нечисти въ отдѣльности, распознаютъ его заслуги и взвѣшивается степень зла и добра, имъ причиняемыхъ, съ ревностною точностью и неизмѣннымъ постоянствомъ. Точно тоже самое примѣняется и къ другой нечистой силѣ, особенно заподозрѣнной въ злобныхъ покушеніяхъ на душев-

ный покой и тѣлесное здравіе всѣхъ живущихъ семьями и работающихъ общинами. Домовому-доможилу приданы въ помощь: дворовой, банникъ, овинникъ (онъ же и гуменникъ) и шишимора-кикимора; лѣшему помогаетъ «полевой», водяному «ичетики и шишиги» вмѣстѣ съ русалками.

По мѣсту обычнаго жительства дворовой домовой получилъ свое имя, по характеру отношеній къ домовладѣльцамъ, онъ причисленъ къ злымъ духамъ и всѣ разсказы объ немъ сводятся къ мученіямъ тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыхъ онъ не взлюбитъ (всегда и неизмѣнно дружитъ только съ собакой и козломъ). Это онъ устраиваетъ такъ,—что скотина спадаетъ съ тѣла, отбиваясь отъ корму, путаетъ гриву, обрѣзаетъ и общипываетъ хвостъ и проч. Это противъ него всякій хозяинъ на потолкѣ хлѣва или конюшни подвѣшиваетъ убитую сороку: ненавидитъ дворово-домовой эту сплетницу—птицу. Это его стараются ублажать всякими мѣрами, предупреждать его желанія, угождать его вкусамъ: не держатъ бѣлыхъ кошекъ, бѣлыхъ собакъ и сивыхъ лошадей (соловыхъ и буланыхъ онъ тоже обижаетъ; холитъ и гладитъ вороныхъ и сѣрыхъ, если уже нельзя

было отказываться отъ покупки таковыхъ вводятъ ихъ во дворъ, пригоняя съ базару, не иначе, какъ черезъ овчинную шубу, разосланную въ воротахъ, шерстью вверхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ ухаживаютъ хозяйки около новорожденныхъ животныхъ, зная, что дворовой не любитъ ни телятъ, ни овецъ: либо задушитъ, либо и вовсе изломаетъ. Поэтому-то такихъ и стараются всегда унести изъ хлѣва и поселяютъ охотно въ избѣ вмѣстѣ съ ребятами и окружаютъ такимъ же попеченіемъ: принесеннаго сейчасъ же суютъ головой въ устье печи, или, какъ говорятъ «водомляютъ» (сродняютъ съ домомъ). На дворѣ этому домовому не подчинены однѣ только куры: у нихъ, какъ уже сказано, имѣется свой богъ.

Прибѣгая къ мѣрамъ умилостивленья и домоваго-дворовaго, какъ къ подобнымъ съ домовымъ-доможиломъ, не всегда однако достигаютъ цѣли: и онъ точно также то мирволитъ, то ни съ чего, безъ всякихъ видимыхъ поводовъ, начинаетъ проказить, дурить, причиняя постоянныя безпокойства, явныя убытки въ хозяйствѣ и проч. Въ такихъ случаяхъ примѣняютъ рѣшительныя мѣры и, вмѣсто ласки и угожденій, вступаютъ

съ нимъ въ открытую борьбу и нерѣдко въ рукопашную драку.

По вологодскимъ мѣстамъ, обезумѣвшіе отъ злыхъ проказъ дворовыхъ, тычутъ навозными вилами въ нижнія бревна двора съ приговоромъ: «вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, за то-то и вотъ это». По нѣкоторымъ мѣстамъ (напр. въ Новгородской губ.) догадливый и знающій запасается ниткой изъ мертвецкаго савана, вплетаетъ ее въ трех-хвостную ременную плеть и залѣпляетъ воскомъ. Въ самую полночь, засвѣтивъ эту нитку и держа ее въ лѣвой рукѣ, онъ идетъ во дворъ и бьетъ плетью по всѣмъ угламъ хлѣва и подъ яслями: авось какъ нибудь попадетъ въ виновнаго.

Нерѣдко домовые хозяева терпятъ отъ ссоръ, какія заводятъ между собой сосѣдніе дворовые—несчастье, которое нельзя ни отвратить, ни предусмотрѣть. Въ Волог. г. (въ Кадниковскомъ уѣздѣ Васьяновской волости) злой «дворовушко» позавидовалъ своему сосѣду, доброму дворовушкѣ, въ томъ, что у того и коровы сыты и у лошадей шерсть гладка и даже лоснилась. Онъ провертѣлъ дыру въ чанѣ, въ которомъ добрякъ возилъ въ полночь съ рѣки воду. Лилъ онъ-лилъ ее въ чанъ, и все ждалъ, пока вода

сравняется съ краями, да такъ и не дождался: и съ горя на мѣстѣ повисъ подъ нижней губой лошадки ледяной сосулькой въ видѣ «маленькаго человѣчка въ шерсти».

Оттуда же (изъ подъ Кадникова) получена и такая повѣсть (записанная въ дер. Куровской, какъ событіе 80-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія).

«Жила у насъ старая дѣвка, незамужняя; звали ее Ольгой. Ну, все и ходилъ къ ней дворовушко спать по ночамъ, и всякой разъ заплеталъ ей косу и наказывалъ: «если ты будешь ее расплетать, да чесать, то я тебя задавлю». Такъ она и жила нечесой до 35 годовъ,—и не мыла головы, и гребня у себя не держала. Только выдумала она выдти замужъ. И дѣвичникъ насталъ: пошли дѣвки въ баню и ее повели съ собой незамужнюю-ту, старую дѣвку, невѣсту-ту. Въ банѣ стали ее мыть. Начали расплетать косу и долго не могли ее расчесать: такъ то круто закрѣпилъ ее дворовушко. На другое утро надо было вѣнчаться — пришли къ невѣстѣ, а она въ постели лежитъ мертвая, и вся черная: дворовушко-то ее и задавилъ».

Не только въ трудахъ и дѣлахъ своихъ дворовой похожъ на доможила, но и внѣшнимъ

*

видомъ отъ него ни въ чемъ не отличается (такъ же похожъ на каждаго живаго человѣка, только весь мохнатый). Затѣмъ все, что приписывается первому, и до него относится,—служитъ лишь повтореніемъ того, что говорятъ про втораго. И замѣчательно, что во всѣхъ подобныхъ разсказахъ нѣтъ противорѣчій между полученными изъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній и тѣми, которые присланы изъ черноземной полосы Великороссіи (изъ губ. Орловской, Пензенской и Тамбовской). Въ сообщеніяхъ изъ послѣднихъ замѣчается лишь разница въ пріемахъ умилостивленія: напластывается здѣсь наибольшое количество таковыхъ пріемовъ символическаго характера, съ явными признаками древнѣйшаго происхожденія. Вотъ напр., какъ дарятъ двороваго въ Орловской губ.: берутъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, овечьей шерсти, мишуры изъ блестокъ, хотя бы бумажныхъ, старинную копѣйку съ изображеніемъ коня, горбушку хлѣба, отрѣзанную отъ цѣлаго коровая и несутъ все это въ хлѣвъ и читаютъ молитву:

— Царь дворовой, хозяинъ домовой, сусѣдушко-доброхотушко!—я тебя дарю-благодарю: скотину прими,—попой накорми.»

Этотъ даръ, положенный въ ясли, далекъ

по своему характеру отъ того, который подносятъ этому же самому духу на сѣверѣ, въ лѣсахъ,—на навозныхъ вилахъ или на кончикѣ жосткой плети.

Домовые-дворовые обязательно полагаются для каждаго деревенскаго двора, какъ домовой-доможилъ для каждой избы, и банники для всякой бани, овинники или гуменники для всѣхъ безъ исключенія ригъ и гуменъ (гуменъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ и ригъ, прикрытыхъ бревенчатыми срубами съ непротекающими крышами). Вся эта нечисть—тѣ же домовые, отличные лишь по болѣе злобнымъ свойствамъ, по мѣсту жительства и по затѣйнымъ проказамъ.

IV.

Баенникъ.

Закоптѣлыми и завѣтшалыми стоятъ вразсыпную по оврагамъ и косогорамъ утлыя баньки, нарочно выставленныя изъ порядка прочихъ деревенскихъ строеній, готовыя вспыхнуть, какъ порохъ, непрочныя и недолговѣчныя. По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ видно, что объ нихъ никто не заботится и, изживая недолгій вѣкъ въ полномъ забросѣ, бани всегда имѣютъ видъ зданій, обреченныхъ на сломъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ наружнымъ видомъ своимъ свидѣтельствуютъ о томъ важномъ значеніи, какое имѣютъ вообще въ крестьянской жизни. Ихъ задымленныя стѣны слышатъ первые крики новорожденнаго русской рабочей семьи и первые вздохи будущаго кормильца—пахаря. Здѣсь въ жаркомъ пару расправляетъ онъ, когда придетъ въ возрастъ, натруженные тяжелой

работой члены тѣла и смываетъ трудовой потъ, чтобы, освѣженнымъ и подбодреннымъ, идти на новые и безконечные труды. Сюда несетъ свою тоску молодая дѣвушка, обреченная посвятить свои силы чужой семьѣ и отдать свою волю въ иныя руки; здѣсь въ послѣдній разъ тоскуетъ она о родительскомъ домѣ наканунѣ того дня, когда приметъ «законъ» и благословеніе церкви. Подъ такими тягостными впечатлѣніями въ одномъ изъ причетовъ, засчитывающихъ баню-парушу въ число живыхъ недоброхотовъ, выговорилось про нее такое укоризненное слово:

На чужой то на сторонушкѣ,
На злодѣйкѣ незнакомой:
На болотѣ баня рублена,
По сырому бору катана,
На лютыхъ звѣряхъ вожена,
На проклятомъ мѣстѣ ставлена.

Укоры справедливы, несмотря на то, что баня «паритъ, баня правитъ, баня все исправитъ»,—она издревле не считается чистымъ мѣстомъ, а послѣ полуночи даже опаснымъ и страшнымъ: не всякій рѣшается туда заглянуть, и каждый готовъ ожидать какой-ни-

будь непріятности отъ случайной и неожиданной встрѣчи. Таковая предполагается съ тѣмъ нечистымъ духомъ изъ нѣжити, который, подъ именемъ баенника, поселяется во всякой банѣ за каменкой, всего же чаще подъ полкомъ, на которомъ обычно парятся. Всему русскому люду извѣстенъ онъ за злаго недоброхота. «Нѣтъ зляе банника, да нѣтъ его добряе»,—говорятъ въ коренной новгородчинѣ подъ Бѣлозерскомъ, но здѣсь же твердо вѣрятъ въ его всегдашнюю готовность вредить и строго соблюдаютъ правила угодничества и заискиванья.

Вѣрятъ, что баенникъ всегда моется послѣ всѣхъ, обыкновенно раздѣляющихся на три очереди, а потому четвертой перемѣны или четвертаго пара всѣ боятся: «онъ» накинется,—станетъ бросаться горячими камнями изъ каменки, плескаться кипяткомъ; если не убѣжишь умѣючи, т. е. задомъ наперед, онъ можетъ совсѣмъ зашпарить. Этотъ часъ духъ считаетъ своимъ и позволяетъ мыться только чертямъ; для людей банная пора въ деревняхъ обыкновенно полагается около 5—7 часовъ по полудни.

Послѣ трехъ перемѣнъ посѣтителей въ банѣ моются черти, лѣшіе, овинники и сами

банники. Если въ это время пойдетъ кто париться въ баню, то живымъ оттуда не выйдетъ: черти его задушатъ, а людямъ покажется, что тотъ человѣкъ угорѣлъ или запарился. Повсемѣстно на Руси распространено повѣрье объ этой четвертой роковой банной «смѣнѣ».

Заискиваютъ расположеніе банника тѣмъ, что приносятъ ему угощеніе изъ куска ржанаго хлѣба, круто посыпаннаго крупною солью. Чтобы навсегда отнять у него силу и охоту вредить, держатъ про себя, на всякій случай, увѣренность въ томъ, что банный духъ любитъ черную курицу. Когда выстроятъ послѣ пожара новую баню, то такую курицу, не ощипывая перьевъ, душатъ, а не рѣжутъ, и въ такомъ видѣ закапываютъ въ землю подъ порогомъ бани, стараясь подогнать время подъ чистый четвергъ. Закопавши курицу, уходятъ изъ бани задомъ, все время отвѣшиваютъ поклоны на баню безсмѣнному и сердитому жильцу ея. Онъ стремится владѣть баней нераздѣльно и недоволенъ всякимъ, покусившимся на его права, хотя бы и временно. Зная про то, рѣдкій путникъ, застигнутый ночью измокшимъ и иззябшимъ, рѣшится искать здѣсь

пріюта, кромѣ развѣ сибирскихъ бродягъ и бѣглыхъ, которымъ, какъ извѣстно, все на свѣтѣ ни по чемъ. Идущій же на заработки и неимѣющій чѣмъ заплатить за ночлегъ, предпочитаетъ выспаться гдѣ-нибудь въ стогу, подъ сараемъ, подъ ракитовымъ или можжевеловымъ кустомъ. Насколько баенникъ высоко цѣнитъ прямую цѣль назначенія своего жилища, видно изъ того, что онъ мститъ тѣмъ хозяевамъ, которые ее обѣгаютъ. Во многихъ сѣверныхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ (напр., по Вологод. губ.) въ баню вовсе не ходятъ, предпочитая париться въ печкахъ, которыя обычно въ тѣхъ странахъ занимаютъ цѣлую $^1/_3$ избы. Бани здѣсь существуютъ всегда, но, подъ увлеченіемъ хорошими урожаями льну и на соблазнѣ охотливыхъ и усиленныхъ заграничныхъ требованій черезъ архангельскій портъ, онѣ превращены въ маленькія фабрички, въ трепальни и чесальни. Тѣхъ, кто залѣзаетъ въ печь, баенникъ, помимо власти и разрѣшенія домоваго, иногда такъ плотно заставляетъ заслонкой, что либо вытащатъ ихъ въ обморокѣ, либо совсѣмъ задохнувшихся *). Не любитъ баенникъ также и тѣхъ

*) Во Владимірской губ., между прочимъ держится такое повѣрье, что мыться въ баняхъ не грѣшно

смѣльчаковъ, которые выхвастываются посѣщеніемъ его жилища не въ указанное безопасное время. Такъ какъ на немъ лежитъ прямая обязанность удалять изъ бани угаръ, то въ его же правѣ наводить его на тѣхъ, кѣмъ онъ недоволенъ. На такіе случаи существуетъ много разсказовъ.

Нарушающихъ установленныя имъ правила и требованія баенникъ немедленно наказываетъ своимъ судомъ, хотя бы въ видѣ такого, который испыталъ на себѣ разскащикъ изъ пензенскихъ мужичковъ. Забрался онъ передъ праздникомъ, запоздалымъ въ дорогѣ, въ свою баню, послѣ полуночнаго часа. Раздѣваясь второпяхъ, онъ вмѣстѣ съ рубахой прихватилъ съ шеи крестъ, а когда полѣзъ на полокъ париться, то никакъ не могъ оттуда слѣзть «по добру-по здорову». Вѣники сами собой такъ и бьютъ по бокамъ. Кое-какъ слѣзъ сунулся въ дверь, а она такъ притворена, что и не отдерешь. А вѣники все свое дѣлаютъ—хлещутъ. Спохватилась баба, что долго нѣтъ мужа, стала въ оконцо звать — не откликается, начала ло-

только мужнимъ женамъ, а вдовамъ и дѣвицамъ грѣшно: «ну, если съ молитвой, то и имъ прощается».

миться въ дверь — не поддается. Вызвонила она ревомъ сосѣдей. Эти пришли помогать; рубили дверь топорами: только искры летятъ,а щепокъ нѣтъ. Пришла на выручку баба-знахарка, окропила дверь святой водой, прочла свою молитву и отворила. Мужикъ лежалъ безъ памяти; насильно оттерли его снѣгомъ.

Опытные люди отвращаютъ злые навѣты своихъ баенниковъ тѣмъ вниманіемъ, какое оказываютъ всякій разъ при выходѣ изъ бани. Всегда въ кадушкахъ оставляютъ немного воды (и непремѣнно), и хоть маленькій кусочекъ мыла, если только не мылись щелокомъ; вѣники же никогда не уносятъ въ избу. Вотъ почему зачастую и повсемѣстно разсказываютъ, какъ, проходя ночью мимо бани, слышали тамъ съ какимъ озорствомъ и усердіемъ хлещутся черти и приэтомъ жужжатъ, словно бы разговариваютъ, но безъ словъ. Одинъ прохожій осмѣлился и закричалъ: «поприбавьте»!—и вдругъ все затихло, а у него у самаго морозъ побѣжалъ по тѣлу, и волосы встали дыбомъ.

Вообще, шутить съ собой баенникъ не позволяетъ, но разрѣшаетъ на святкахъ приходить къ нему завораживаться и по выставленному въ двери заду либо бьетъ когтистой лапой — къ бѣдѣ, либо нѣжно гладитъ мохнатой и мягкой, какъ шелковая, большой ладонью — на счастье. Собрались о святкахъ (около Кадникова, Вологод. губ.) дѣвушки на бесѣду, а ребята на что-то разсердились на нихъ, — не пришли. Сдѣлалось скучно, одна дѣвка и говоритъ подругамъ:

— Пойдемте, дѣвки, слушать къ банѣ, что намъ баенникъ скажетъ.

Двѣ дѣвки согласились и пошли. Одна и говоритъ:

— Сунь-ка, дѣвка, руку въ окно: банникъ-отъ насадитъ тебѣ золотыхъ колецъ на пальцы.

— А ну-ка, дѣва, давай ты сначала сунь, а потомъ и я.

Та и сунула, а баенникъ-отъ и говоритъ:

— Вотъ ты и попалась мнѣ.

За руку схватилъ и колецъ насадилъ, да желѣзныхъ: всѣ пальцы сковалъ въ одно мѣсто, такъ что и разжать ихъ нельзя было. Кое-какъ выдернула она изъ окна руку, прибѣжала домой впопыхахъ и въ слезахъ, и лица нѣтъ отъ боли. Едва собралась она съ такими словами:

— Вотъ, дѣвушки, смотрите, какихъ банникъ-отъ колецъ насажалъ. Какъ же я те-

перь буду жить съ такой рукой? И какой банникъ-отъ страшный: весь мохнатый и рука-то у него такая большая и тоже мохнатая. Какъ насаживалъ онъ мнѣ кольца, я все ревѣла. Теперь ужъ больше не пойду къ банямъ слушать *).

Въ сущности баенникъ старается быть невидимымъ, хотя и увѣряютъ, что видали его старикомъ, какъ и всѣхъ духовъ, ему сродныхъ: не даромъ же они прожили на бѣломъ свѣтѣ и въ русскомъ мірѣ такое неисчислимое количество лѣтъ.

Впрочемъ, хотя духъ и невидимъ, но живыя движенія его всегда можно слышать въ ночной тишинѣ и подъ полкомъ, и за каменкой, и въ кучѣ свѣжихъ неопаренныхъ вѣниковъ. Особенно чутки къ подобнымъ звукамъ роженицы, которыхъ по этой причинѣ никогда не оставляютъ въ баняхъ въ одиночествѣ: всегда при нихъ неотлучно находится какая-либо женщина, если не сама бабка-повитуха. Всѣ однако твердо убѣждены, что баенникъ очень любитъ, когда

*) Сообщившій этотъ случай прибавляетъ, что мѣстные крестьяне считаютъ разсказъ вполнѣ достовѣрнымъ.

приходятъ къ нему жить роженицы до третьяго дня послѣ родовъ, а тѣмъ паче на недѣлю у богатыхъ и добрыхъ мужиковъ. Точно также всѣ безспорно вѣрятъ, что банища—мѣста поганыя и очень опасныя, и если пожару приведется освободить ихъ и очистить, ни одинъ не рѣшится поставить тутъ избу и поселиться: либо одолѣютъ клопы, либо обездолитъ мышь весь носильный скарбъ. Въ сѣверныхъ лѣсныхъ мѣстахъ твердо убѣждены, что баенникъ не дастъ покоя, и передушитъ весь домашній скотъ: не поможетъ ни закладка денегъ въ углахъ избянаго сруба, ни разводка муравейника середи двора и тому под.

V.

Овинникъ.

(Гуменникъ).

На тѣхъ же деревенскихъ задворкахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вблизи къ избамъ и подручнымъ приспѣшнямъ, торчатъ безобразныя, своеобразнаго вида бревенчатыя строенія — овины. Словно какія чудовища съ разинутой черной пастью, готовою проглотить человѣка цѣликомъ и безъ слѣда, обступаютъ они со всѣхъ сторонъ порядокъ приземистыхъ жилыхъ избъ, возвышаясь надъ ними цѣлою головою. Въ сумерки, а особенно ночью, при легкомъ просвѣтѣ на утреннихъ зоряхъ, овины въ особенности обманчивы своимъ неуклюжимъ видомъ, обѣщая нѣчто необычное изъ этой темной пропасти, называемой садиломъ, куда принимаютъ снопы

хлѣба для сушки на колосникахъ надъ глубокой ямой, мракъ которой еще гуще и зловѣщѣе). Тамъ, гдѣ огонь въ этихъ «подлазахъ» разводится не въ курной печи, а прямо на землѣ, задымленые и почернѣлые въ уголь овины въ самомъ дѣлѣ являютъ изъ себя (какъ подсказываетъ загадка) «лютаго волчища, выхваченъ бочище, не дышетъ, а пышетъ». Такъ какъ безъ огня овинъ не высушишь, а сухіе снопы что́ порохъ, то и суждено овинамъ горѣть. И горятъ овины сплошь и рядомъ вездѣ и каждую осень. Кому же и приписать эти несчастія, сопровождающіяся зачастую тѣмъ, что огонь пепелитъ все гумно со всѣмъ хлѣбнымъ старымъ запасомъ и новымъ сборомъ? Кого же завинить въ трудно поправимомъ горѣ, какъ не злаго духа, и притомъ совершенно особеннаго.

Вотъ онъ и сидитъ въ нижней части строеній, гдѣ разводятъ теплины и днемъ пекутъ деревенскіе ребята картошку,—сидитъ въ самомъ углу подлаза днемъ и ночью. Увидѣть его можно лишь во время Свѣтлой заутрени Христова дня: глаза горятъ каленными угольями, какъ у котовъ, и самъ похожъ на огромнаго кота величиной съ дво-

ровую собаку, весь черный и лохматый. Умѣетъ брехать по собачьи и когда удается ему напакостить мужикамъ, хлопаетъ въ ладоши и хохочетъ не хуже лѣшаго. Сидѣть подъ садиломъ въ яминѣ (отчего чаще зовутъ его «подовинникомъ») указано ему для того, чтобы смотрѣть за порядками кладки сноповъ, наблюдать за временемъ и сроками, когда и какъ затоплять овинъ, не позволять дѣлать этого подъ большіе праздники, особенно на Воздвиженьевъ день и на Покровъ. Тогда, какъ извѣстно, всѣ овины бываютъ «имянинниками» и, по старинным деревенскимъ законамъ, должны отдыхать (съ перваго Спаса ихъ готовятъ). Топить овины въ завѣтные дни гуменникъ не позволяетъ: и на доброй случай попехнетъ у костра въ бокъ такъ, что едва соберешь дыханіе; на худой конецъ разгнѣвается такъ, что закинетъ уголь между колосниками и дастъ всему овину заняться и сгорѣть. Не позволяетъ также сушить хлѣба во время сильныхъ вѣтровъ и безжалостно больно за это наказываетъ.

Гуменникъ, хотя и считается домовымъ духомъ, но самымъ злымъ изо всѣхъ: его трудно ублажить-смирить, если онъ разсер-

дится и въ сердцахъ залютуетъ. Тогда на овинъ рукой махни: ни кресты по всѣмъ угламъ, ни молитвы съ обносомъ иконы Богоматери Неопалимой Купины не помогутъ, и хоть шубу выворачивай мѣхомъ наружу и стереги гумна съ кочергой въ рукахъ на Агафона—огуменника (22-го Августа). Ходятъ слухи, что въ иныхъ мѣстахъ (напр. въ Костр. губ.) удается задабривать его имянинные дни. Приносятъ пирогъ и пѣтуха: пѣтуху на порогѣ отрубаютъ голову и кровью кропятъ по всѣмъ угламъ, а пирогъ оставляютъ въ подлазѣ. Однако свѣдующіе люди этимъ пріемамъ не довѣряютъ и разсказы принимаютъ за сказки.

Въ Брянскихъ лѣсныхъ мѣстахъ (въ Орлов. г.), разсказываютъ такой случай съ бабой, захотѣвшей въ чистый понедѣльникъ въ ригѣ ленъ трепать для пряжи. Только что успѣла она войти, какъ кто-то затопалъ, что лошадь, и захохоталъ такъ, что волоса на головѣ встали дыбомъ. Товарка этой бабы со страху кинулась бѣжать, а смѣлая продолжала трепать ленъ столь долго, что домашніе начали безпокоиться ея продолжительнымъ отсутствіемъ. Пошли искать и не нашли: какъ въ воду канула. Настала пора мять пеньку, при-

*

шла вся семья и видятъ на гребнѣ чью то висячую кожу. Начали вглядываться, и перепугались: вся кожа цѣла и можно было различить на ней и лицо, и волосы, и слѣды ножныхъ и ручныхъ пальцевъ. Въ Смоленщинѣ (около Юхнова) вздумалъ мужикъ сушить овинъ на Михайловъ день. Гуменникъ, за такое кощунство, вынесъ его изъ «подлаза», на его глазахъ подложилъ подъ каждый уголь головешки съ огнемъ и столь застращалъ виновнаго, что онъ за одинъ годъ посѣдѣлъ, какъ лунь. Въ вологодскихъ краяхъ гуменника на столько боятся, что не осмѣливаются топить и чистить овинъ въ одиночку: всегда ходятъ вдвоемъ или втроемъ.

Изъ Калужской г. (Мещовскаго у.) получились такія вѣсти:

Лѣтъ 40—50 тому назадъ одного силача Валуя овинникъ согнулъ въ дугу на всю жизнь за то, что онъ топилъ овинъ не въ указанный день и самъ сидѣлъ около ямы *). Пришелъ этотъ невидимка-сторожъ

*) На Феклу-заревницу (зарево отъ овинныхъ огней), происходятъ обыкновенно «замолотки» (начинаютъ молотить по утрамъ съ огнемъ): это первый имянинный овинъ; на Покровъ—вторые имянины.

въ видѣ человѣка и началъ совать Валуя въ овинную печку, да не смогъ изжарить силача, а только помялъ его и согнулъ. Самаго овинника схватилъ мужикъ въ охапку и закинулъ въ огонь. Не прошло это ему даромъ: выместила злобная нечисть на сынѣ Валуя—тоже ражемъ дѣтинѣ и силачѣ, и тоже затопившемъ овинъ подъ великій праздникъ: гуменникъ поджегъ овинъ и спалилъ малаго. Нашли его забитымъ подъ стѣну и всѣ руки въ ссадинахъ—знать отбивался кулаками.

На кулакахъ же ведутъ свои разсчеты и всѣ эти духи, когда случается, что они между собою не поладятъ. Вотъ что пишутъ изъ Бѣлозерскаго уѣзда (Новг. г.).

Къ одному крестьянину приходитъ вечеромъ захожій человѣкъ и проситъ:

— Укрой меня къ ночи,—пусти ночевать.

— Вишь, у самого какая тѣснота. Ступай въ баню: сегодня топили.

— Ну, вотъ и спасибо, я тамъ и переночую.

На другое утро вернулся чужакъ изъ бани и разсказываетъ:

«Легъ я на полокъ и заснулъ. Вдругъ входитъ въ баню такой мужикъ, ровно бы подовинникъ, и говоритъ:

— Эй, хозяинъ. На бесѣду къ себѣ меня звалъ, а самъ пущаешь ночлежниковъ: я вотъ его задушу.

Поднялась той порой половица и вышелъ самъ банникъ.

— Я его пустилъ, такъ я его и защищаю. Не тронь.

И начали они бороться. Боролись долго, а все не могутъ одолѣть другъ друга. Вдругъ банникъ крикнулъ мужику:

«Сыми крестъ, да хлещи его.

Поднялся я кое-какъ, сталъ хлестать,— оба они и пропали».

Угожденія и почетъ гуменникъ также любитъ, какъ всѣ его нечистые родичи. Догадливые и опытные не иначе начинаютъ топить овинъ, какъ попросивъ у хозяина позволенія. А вологжане (Кадников. у.) сохраняютъ еще такой обычай: послѣ того, какъ мужикъ сброситъ съ послѣдняго овина послѣдній снопъ и передъ тѣмъ, какъ ему уходить домой, онъ обращается къ овину лицомъ, снимаетъ съ головы шапку и съ низкимъ поклономъ говоритъ: «спасибо, батюшка-овинникъ: послужилъ ты нынѣшней осенью вѣрой и правдой».

Не отказываетъ овинникъ и тѣмъ дѣвицамъ въ своей помощи предсказаніемъ судьбы, когда самыя смѣлыя изъ нихъ дерзаютъ, мимо бань, ходить гадать къ нему на гумно. Та, которой досталась очередь гадать первой, поднимаетъ на голову платье (какъ и въ баняхъ) и становится задомъ къ окну сушила:

— Овинникъ-родимчикъ, суждено что ли мнѣ въ нонѣшномъ году замужъ идти?

А гадаютъ объ этомъ всегда на Васильевъ вечеръ (въ канунъ Новаго года). Время его, имъ любимое и заговоренное—въ полночь между вторыми и третьими пѣтухами (по привычному деревенскому счету времени).

Погладитъ овинникъ голой рукой,—дѣвушка будетъ жить замужемъ бѣдно, погладитъ мохнатой—богато жить. Иныя въ садило суютъ руку, а потому и судятъ, что, если никто не тронетъ,—въ дѣвкахъ сидѣть; голой рукой погладитъ—за бѣднымъ быть, мохнатой—за богатымъ и т. под.

VI.

Кикимора.

Не столь многочисленные и не особенно опасные духи изъ нечисти, одолѣвающей суевѣрное и темное населеніе, подъ настоящимъ своимъ именемъ «кикиморы» принадлежитъ исключительно Великороссіи, хотя, по корнямъ слова, оно общеславянскаго и древняго происхожденія. Въ Бѣлоруссіи, сохранившей подъ шумокъ борьбы двухъ вѣроученій—православнаго и католическаго, окончившейся обезличенной уніей, основы языческаго культа въ цѣльномъ видѣ,—существуетъ въявѣ такъ наз. Мара. Здѣсь указываютъ и тѣ мѣста, гдѣ она завѣдомо живетъ (такихъ мѣстъ пишущему эти строки на могилевскомъ Днѣпрѣ и его притокахъ указали счетомъ до пяти) и повѣствуютъ объ ея явленіяхъ въживѣ. Въ сѣверной лѣсной Россіи объ Марѣ сохранилось самое смутное представленіе и то

въ очень немногихъ мѣстахъ *), но слова, выражающія однородныя понятія, находятся во всеобщемъ употребленіи. Появляется въ знойное лѣто сухой туманъ, называемый «маревомъ»; стоитъ онъ въ видѣ мрачности при ясной погодѣ. Бываетъ и такъ, что на сотни верстъ отъ лѣсныхъ пожаровъ воздухъ напитывается чадомъ и гарью: солнце превращается въ шаръ, сдѣланный изъ красной фольги, на который можно смотрѣть безопасно; изъ болотъ поднимаются вредныя испаренія, сгущенныя въ обманчивую для глазъ форму привидѣнія, въ образъ древняго бога Мары. Начавшаяся засуха помогаетъ необычайному распространенію лѣсныхъ пожаровъ и сверхъ всего, въ довершеніе людскихъ бѣдствій, вызываетъ скотскіе падежи и порождаетъ повальныя людскія болѣзни. Неизбѣжно наступаетъ смутное время суевѣрныхъ пророчествъ о грядущихъ бѣдствіяхъ подъ неодолимымъ вліяніемъ и обаяніемъ грезъ, при полномъ обманѣ всѣхъ чувствъ, особенно зрѣнія.

*) Напр. въ Пошехоньѣ, гдѣ «Мару» представляютъ красивой, высокой дѣвушкой, одѣтой во всемъ бѣломъ, но зовутъ ее «полуднищей», относя прямо къ «полевымъ духамъ» (см.).

Въ Малороссіи явно таскаютъ по улицамъ при встрѣчѣ весны (1 марта) съ пѣніемъ «веснянокъ» чучело, называемое марой или мареной, а великорусскій мо́рокъ—та же мрачность или темнота, зависящая отъ густоты воздуха—вызвалъ особенную молитву на тѣ случаи или времена хлѣбнаго урожая на поляхъ, когда эта мо́рока желательна или вредна *). Если къ самостоятельному слову «моръ» приставить слово «кика» въ значеніи птичьяго крика или киканья, то получится тотъ самый дворовый духъ, который полагается злымъ и вреднымъ для домашней птицы. Эта кикимора однозначуща «съ шишиморой»: подъ именемъ ея зачастую и слыветъ во многихъ великорусскихъ мѣстностяхъ. А въ этомъ случаѣ имѣется уже прямое указаніе на «шишей» или «шишигу»—

*) Такъ напр. въ концѣ Іюля, называемомъ «калениками» (отъ мученика Каллиника 29 Іюля), на всемъ русскомъ сѣверѣ молятъ Бога калиники пронести мо́рокомъ т. е. туманомъ, въ опасеніи несчастья отъ проливныхъ дождей, особенно же отъ градобоя. Если же на этотъ день поднимается туманъ, то разсчитываютъ на урожай яровыхъ хлѣбовъ («припасай закрому на овесъ съ ячменемъ»). Солнце садится въ морокъ—всегда къ дождю и проч.

явную нечистую силу, живущую обычно въ овинахъ, играющую свадьбы свои въ то время, когда на проѣзжихъ дорогахъ вихри поднимаютъ пыль столбомъ. Это тѣ самые шиши, которые смущаютъ православныхъ и къ которымъ посылаютъ съ сердцемъ въ гнѣвѣ докучныхъ или непріятныхъ людей; они же и чертики—«хмѣльные шиши» у людей, допившихся до бѣлой горячки (и московскіе «епишки» у загульныхъ купцовъ).

Изъ обманчиваго, летучаго и легкаго, какъ пухъ, призрака южной Россіи духъ «мара» у сѣверныхъ практическихъ великороссовъ превратился въ грубаго духа, въ мрачное привидѣніе, которое днемъ сидитъ «невидимкой» за печью, а по ночамъ выходитъ проказить. Въ иныхъ избахъ она живетъ еще болѣе въ темныхъ и сырыхъ мѣстахъ, каковы такъ наз. голбцы или подъизбицы. Отсюда и выходитъ она опять-таки для того, чтобы проказить съ веретенами, прялкой и начатой пряжей *). Она беретъ

*) Въ Калужской губ. (въ Жиздринскомъ у.) это же привидѣніе, которое видаютъ въ лунныя ночи за самопрялкой или за шитьемъ, такъ и называютъ марой. Эта страшная растрепанная мара сидитъ и гремитъ самопрялкой. Какъ погремитъ, такъ и будешь одну ку-

то и другое и садится прясть (въ вологодской странѣ напр.) въ любимомъ своемъ мѣстѣ: въ правомъ отъ входа углу подлѣ самой печи. Сюда обычно сметаютъ соръ, чтобы потомъ сожигать его въ печи, а не выносить изъ избы на вѣтеръ и не накликать бѣды, изурочья и всякой порчи. Впрочемъ, хотя кикимора и прядетъ, но отъ нея не дождешься рубахи, говоритъ извѣстная пословица, а отсюда и насмѣшка надъ лѣнивыми: «спи, дѣвушка: кикимора за тебя спрядетъ, а мать вытчетъ».

Одни говорятъ (въ Нов. г.), что кикиморы шалятъ во всѣ святки; другіе даютъ имъ для проказъ одну только ночь противъ Рождества Христова. Тогда онѣ треплютъ и сжигаютъ куделю, оставленную безъ крестнаго благословенія у прялокъ. Бываетъ также, что онѣ хищнически стригутъ овецъ. Во всѣхъ другихъ великорусскихъ губерніяхъ проказамъ шишиморы-кикиморы отводится безразлично все годичное время. Вездѣ и всѣ увѣрены также и въ томъ, что кикимора

дело прясть цѣлый день; пошьетъ у кого, тотъ одну рубашку въ недѣлю не кончитъ: все будешь перепарывать и т. д.

всѣми способами старается скрываться отъ людей, по той причинѣ, что если иному удастся накинуть въ это время на нее крестъ, она такъ и останется на томъ мѣстѣ, гдѣ захвачена врасплохъ.

Твердо убѣжденнымъ и крѣпко устойчивымъ въ вѣрованіяхъ въ злыя силы, обитательницамъ сѣверныхъ лѣсовъ (въ родѣ вологжанокъ), кикимора-шишимора представляется вѣжливѣ и онѣ имѣютъ охоту и смѣлость разсказывать подробности подобныхъ явленій.

Одѣлась она по бабьему въ сарафанъ, только на головѣ кики не было, а волосы были распущены. Вышла она изъ голбца, сѣла на порогѣ подлѣ двери и начала оглядываться. Какъ завидѣла, что всѣ въ избѣ полегли спать и храпятъ, она подошла къ любимому мѣсту—къ воронцу (широкой и толстой доскѣ въ видѣ полки, на которой лежатъ полати), сняла съ него прялку и сѣла на лавку прясть. И слышатъ, какъ свиститъ у ней въ рукахъ веретено на всю избу и знать, какъ крутятся нитки и свертывается съ прялки куделя. Сидитъ ли, прядетъ ли, она безпрестанно подпрыгиваетъ на одномъ мѣстѣ (такая ужъ у ней особая привычка). Кому при-

видится она съ прялкой на передней лавкѣ—быть въ той избѣ покойнику. Передъ бѣдой же у дѣвицъ-кружевницъ (вологодскихъ) она начинаетъ перебирать и стучать коклюшками, подвѣшанными на кутузѣ-подушкѣ. Кого не взлюбитъ, — изъ той избы всѣхъ выгонитъ.

Въ тѣхъ же вологодскихъ лѣсахъ (въ Никол. уѣздѣ) въ одной избѣ ходила кикимора по полу пѣлыя ночи и сильно стучала ногами, а того мало: гремѣла посудой, звонила чашками, била горшки и плошки. Избу изъ-за нее бросили, и стояло то жилье впустѣ, пока не пришли сергачи съ плясуномъ-медвѣдемъ. Они поселились въ этой пустой избѣ, гдѣ кикимора, сдуру, не зная съ кѣмъ связываться, набросилась на медвѣдя. Этотъ помялъ ее такъ, что она заревѣла и покинула избу. Тогда перебрались въ нее и хозяева, потому что тамъ совсѣмъ перестало «манить» (пугать). Черезъ мѣсяцъ подошла къ тому дому какая-то женщина и спрашиваетъ у ребятъ:

— Ушла ли отъ васъ кошка?

— Кошка жива да и котятъ принесла — отвѣчали ребята.

Кикимора повернулась, пошла обратно, и сказала на ходу (ребята слышали):

— Теперь совсѣмъ бѣда: зла была кошка, когда одна жила, а съ котятами-то теперь до нее и не доступишься.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, повадилась кикимора у мужика ѣздить по ночамъ на кобылѣ до того, что оставитъ ее въ ясляхъ всю въ мылѣ. Изловчился хозяинъ устеречь ее рано утромъ на лошади:

— Сидитъ небольшая бабенка, и какъ быть слѣдуетъ въ шамшурѣ (головномъ уборѣ—волосникѣ, шапочкѣ подъ платокъ), сидитъ и ѣздитъ вокругъ яслей. Я ее по головѣ-то плетью,—соскочила и кричитъ во все горло:

— Не ушибъ, не ушибъ, только шамшурку сшибъ.

Изо всѣхъ этихъ противорѣчій и путаныхъ разсказовъ видно лишь одно, что образъ кикиморы, какъ живаго жильца въ избахъ, началъ обезличиваться, смѣшиваясь то съ самимъ домовымъ, то подъ видомъ его жены (за каковую между прочимъ признаютъ ее и въ Ярославскомъ Пошехоньѣ и въ Вятской сторонѣ), а въ Сибири водится еще и лѣсная

кикимора—лѣшачиха *). Мало того, до сихъ поръ не установилось понятія, къ какому полу принадлежитъ этотъ духъ (во всякомъ случаѣ злой и недоброжелательный), большею частью не относя его ни къ какому, и считая средняго рода, межеумкомъ. Опредѣленнѣе думаютъ и прямѣе поступаютъ тамъ, гдѣ этого проказника поселяютъ въ курятникахъ: въ тѣхъ уголкахъ хлѣвовъ, гдѣ садятся на насѣстъ куры. Здѣсь занятіе кикиморъ прямѣе, и самая работа виднѣе. Если куры отъ худаго корма (напр., такого, гдѣ не достаетъ сѣры) сами у себя выщипываютъ буквально всѣ перья, то обвиняютъ кикимору. Чтобы не вредилъ онъ, вѣшаютъ подъ куриной нашестью лоскутья кумача или горлышко

*) Вятскіе обрусѣлые пермяки такъ называемаго Зюздинскаго края, проходя мимо нечистаго мѣста, гдѣ живетъ ихъ «кусьдядя» съ женой—«кикиморой», слыхали въ ночную пору дѣтскій плачъ и говоръ. Значитъ живутъ они семьями.

Въ хлѣвахъ у этихъ вятчанъ на мѣсто кикиморы живетъ «стрижъ», который поселившись среди овецъ, вмѣсто всякихъ паразитовъ, выстригаетъ у нелюбимыхъ животныхъ почти всю шерсть до-голо. Представляютъ себѣ этого злодѣя въ видѣ птицы сыча съ крыльями изъ мягкой кожи, непокрытой перьями.

отъ разбитаго глинянаго умывальника—или отыскиваютъ самого «куричьяго бога». Это камень, нерѣдко попадающійся въ поляхъ съ природною сквозною дырою. Его и прикрѣпляютъ на лыкѣ къ жерди, на которой садятся куры. Только при такихъ условіяхъ не нападаетъ на куръ «вертунъ», когда онѣ кружатся, какъ угорѣлыя и падаютъ околѣвшими,—и не бываетъ среди нихъ недочетовъ (всѣ на лицо).

Когда на борьбу съ темной языческой силой выставлено было такое сокрушительное и могущественное орудіе, какъ святой крестъ, онъ и здѣсь явился на помощь орудіемъ спасительнымъ и поучающимъ на благое.

Не возьметъ чужой прялки кикимора, не расклокочетъ на ней кудели, не спутаетъ нитокъ у пряхи, не навяжетъ ненужныхъ узловъ, не перемѣшаетъ коклюшки и не оборветъ начатаго плетенья у кружевницъ, если онѣ съ молитвой положили на мѣсто и прялки съ веретенами и кутузы съ коклюхами. На Сяможенскихъ поляхъ (Вологод. губ., Кадников. у.) въ лѣтнее время особенная кикимора сторожитъ гороховища. Она ходитъ по нимъ, имѣя въ рукахъ каленую до бѣла желѣзную сковороду огром-

ныхъ размѣровъ. Кого найдетъ изъ ночныхъ посѣтителей чужаго поля, засѣяннаго горохомъ, того она на этой сковородѣ и изжариваетъ.

Такая острастка, навязанная деревенскимъ ребятамъ во младенчествѣ, пригодится имъ потомъ и на возрастѣ. Въ этомъ, кажется, и вся нравственная, руководящая услуга, довольнаго вышвѣтшаго за многіе годы и нехарактернаго, мифа о кикиморѣ. И этотъ старый богъ изъ мелкихъ, сдѣлался предметомъ насмѣшекъ, какъ и другіе подобные ему, выдвинутый когда-то не по заслугамъ изъ крайняго ничтожества и развѣнчанный теперь, когда спознали мнимыя достоинства его по подлиннымъ признакамъ и примѣтамъ. Имя его обратилось даже въ бранное и удобно послужило для укоризненныхъ характеристикъ. Кикиморой охотно зовутъ нелюдимаго домосѣда и особенно такого, который вѣчно сидитъ дома и такую, которая очень прилежно занимается пряжей. Имя шишиморы свободно и безопасно прилаживается ко всякому плуту и обманщику (курянами), ко всякому невзрачному по виду человѣку (смоляками и калужанами), скрягѣ и голышу (тверичами), прилежному, но копотливому

рабочему (костромичами), перенощику вѣстей и наушнику въ старинномъ смыслѣ тѣхъ историческихъ временъ, когда шишы были лазутчиками и соглядатями, и когда «для шишиморства» (какъ писали въ актахъ) давались (какъ напр., при Шуйскихъ), сверхъ окладовъ, помѣстья за услуги, оказанныя лазутничествомъ и т. д.

VII.

Лѣшій.

«Стоятъ лѣса темные отъ земли и до неба»—поютъ слѣпые старцы по ярмаркамъ, восхваляя подвиги могучихъ русскихъ богатырей, и борьбу ихъ съ природными препятствіями. Нѣтъ ни прохода, ни проѣзда: неодолимой плотной стѣной кажутся синѣющія вдали роскошныя насажденія хвойныхъ лѣсовъ. Густое и безконечное обиліе древесной растительности, такъ сказать, лѣсистость этихъ чащобъ наиболѣе свойственна подобнымъ лѣсамъ, гдѣ веселая зелень широкихъ и мягкихъ листьевъ замѣнилась узкими и твердыми иглами. Среди нихъ воображеніе человѣческое поражается величіемъ и страхомъ во время бури и навѣваются успокоительныя и дремотныя думы во время затишья. Прислушавшійся и приглядѣвшійся народъ нашъ за все это справедливо придалъ своимъ лѣсамъ

образное прозваніе дремучихъ и назвалъ ихъ «темными» за ихъ матовый оттѣнокъ днемъ и густой мракъ ночью. Подобно ей же, безпросвѣтной ночи, ложатся густыя тѣни на эти сплошныя насажденія, рѣзко обозначая на свѣтломъ фонѣ небеснаго свода черное море страшныхъ лѣсовъ, столь же глубокое и безпредѣльное, какъ подлинные моря и океаны.

Изъ глубокихъ болотъ на отлогія и крутыя возвышенности взбираются лѣса сосновые, неспособные различать мокрой почвы отъ песчаной земли, известковой отъ плодороднаго суглинка. Укрѣпляя глубоко въ почвѣ всякаго сорта свой длинный и твердый, какъ рѣдька, корень, чистоплотная сосна садится такъ, чтобы не мѣшать сосѣду, не дѣлать непролазныхъ чащей, подобныхъ лѣсамъ еловымъ. На сухой почвѣ, даже на супекѣ, выростаютъ величественные боры и на каждомъ деревѣ гулко звенитъ топоръ и съ трудомъ отбиваетъ щепу. Иныя деревья, при благопріятныхъ почвенныхъ условіяхъ, при обиліи свѣта, который онѣ очень любятъ, какъ пищу, выростаютъ въ такія величественныя особи, что младенчествующія племена (наши лѣсные инородцы) окружаютъ

ихъ знаками богопочтенія: охраняютъ ихъ, какъ зеницу ока, приносятъ имъ или, что одно и то же, живущимъ въ нихъ богамъ различныя жертвы, съ трепетомъ укрываются подъ ихъ священною тѣнью, присваиваютъ такимъ избранникамъ своимъ неисчетные годы и т. д. *).

Выстроенные изъ такого крѣпкаго («кондоваго») лѣса на лѣсномъ сѣверѣ божьи храмы выстаиваютъ третью сотню лѣтъ. По слоямъ древесины судя, и въ наши дни зачастую насчитывается инымъ деревамъ болѣе 300 лѣтъ. На сухомъ бору и грибъ—его неизмѣнный спутникъ—подобно рыжику выползаетъ очень сочнымъ и твердымъ, краснымъ въ надломѣ, какъ человѣческая кровь. Въ этихъ же борахъ, гдѣ къ соснѣ охотливѣе приселяются всѣ другія породы хвойныхъ деревьевъ и въ особенности можжевельникъ въ господствѣ съ крупной ягодой брусникой, выкармливается на счетъ этихъ ягодъ зимующая благородная порода птицъ тетеревинаго рода. Чрезвычайно боязли-

*) Почитанію отдѣльныхъ деревьевъ, какъ древнѣйшему виду языческихъ вѣрованій (наравнѣ съ огнемъ, водою и камнями) въ тѣхъ остаткахъ, какіе сохраняются до сихъ поръ на Русской землѣ, посвящены отдѣльныя самостоятельныя статьи.

вая и осторожная, она дѣлаетъ охоту наиболѣе заманчивою и для записныхъ охотниковъ обѣщаетъ всегда особенное наслажденіе. Ранней весной около этихъ мѣстъ, гдѣ въ борахъ особенно много буреломныхъ гнилыхъ колодъ, тетерева совершаютъ свои знаменитыя любовныя игры «на току».

Разнообразясь травяными полянами, сосновые боры тянутся иногда на цѣлыя сотни верстъ, не терпя и не допуская сильнаго и самостоятельнаго сосѣдства лиственныхъ лѣсовъ. Только вырубленные до корня или сожженные съ корнемъ, они уступаютъ свое мѣсто березѣ въ видѣ рощъ и сплошныхъ лѣсовъ. Эти лиственныя деревья уже ищутъ компаніи, не гнушаются даже дурнымъ обществомъ и во всякомъ случаѣ обнаруживаютъ наибольшую склонность къ общественной жизни. Лиственные лѣса очаровательнѣе для глазъ яв-нымъ разнообразіемъ и увлекательны жи-вымъ ласкающимъ видомъ. Примѣшиваясь къ хвойнымъ лѣсамъ, или (какъ привычно выражаются) вкрапляясь въ нихъ, лиственные придаютъ имъ праздничный и веселый видъ. Когда въ такой согласной смѣси располагаются лѣса «гривами» по отлогимъ покатостямъ, они представляютъ собою одно изъ живописнѣйшихъ явленій природы.

Не въ дальнемъ сосѣдствѣ отъ сосновыхъ боровъ выбираютъ себѣ подходящія мѣста еловые лѣса, гдѣ каждое дерево, вообще не прихотливое на выборъ пищи, не предъявляющее требованій на сухую и рыхлую почву, разстилаетъ свои корни на самой поверхности земли и потому кажется всегда, какъ бы поставленнымъ на ходуляхъ. Благодаря свойству корней, еловые лѣса уходятъ дальше всѣхъ къ холодному сѣверу, за предѣлы лѣсной растительности. Древесные плоды въ видѣ шишекъ, привлекаютъ сюда и рѣзваго, шаловливаго звѣрка, въ бродяжной жизни своей незнающаго границъ и усталости, и пернатаго лѣснаго бродягу, также неживущаго никогда на одномъ мѣстѣ. Прыгая съ дерева на дерево, бѣлка съ самой крайней вершины срываетъ еловую шишку, садится на сукъ, гордо вздымаетъ надъ веселой головкой пушистый хвостъ, съ быстротой обезьяны шелушитъ орѣхи, и посвистываетъ; подманивая граціозными движеніями, она обманываетъ охотника неожиданными быстрыми прыжками.

Рябчики, выпускающіе своихъ птенцовъ на свѣтъ Божій въ лѣсныхъ трущобахъ и зимующіе здѣсь, населяютъ лѣсныя опушки,

гдѣ и стоитъ гулкій шумъ отъ ихъ перелетовъ.

Странствуя по еловымъ и сосновымъ борамъ, мы попадемъ и на отдѣльные островки на сухихъ мѣстахъ (рощи), и на таковые же среди болотъ съ исключительнымъ хвойнымъ лѣсомъ («колки»), гдѣ привыкли щениться волчихи.

Вся разбойничья порода этихъ лѣсныхъ злодѣевъ, прожорливая и кровожадная, выходитъ въ лѣсъ, являясь неугомонными бродягами. Съ этой цѣлью, на бѣду звѣрей и людей, заботливая природа поставила крѣпкое и неуклюжее волчье туловище на длинныя ноги. Въ сосѣдствѣ съ волками любитъ жить и прятаться въ густыхъ чащахъ, забираясь въ норы, словно истинный отшельникъ, совсѣмъ разлучившійся съ міромъ, лисица, выходящая только за добычей. Съ опаскою за каждый свой шагъ, кладетъ она съ разсчетомъ всякій свой слѣдъ и увѣренно заметаетъ его пушистымъ хвостомъ. Лисица, для оживленія сѣверныхъ пустынь, къ ужасающему волчьему вою, присоединяетъ и свой хриплый лай, съ избыткомъ наполняющій по ночамъ наши дремучіе лѣса, и безъ того отзывчивые эхомъ и молчаливые лишь въ трескучіе палящіе морозы.

Углубляясь въ необъятную даль нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ и волей-неволей наталкиваясь на звѣрей и птицъ, мы можемъ добраться наконецъ и до такихъ мѣстъ, гдѣ лѣсная растительность все одолѣла и господствуетъ одна и нераздѣльно. Здѣсь дремучіе лѣса дѣйствительно становятся непролазными трущобами: самому смѣлому путнику не проставить ноги и самому настойчивому и дерзкому охотнику сказанъ рѣшительный приказъ: «довольно—ни шагу дальше. Посмотри кругомъ: какая глушь, и какъ страшно!»

Въ еловыхъ борахъ, которые, по неизбѣжному закону, содержатъ себя вообще неопрятно, мучительно тяготитъ наблюдателя несообщительность и крайняя неуживчивость этой древесной породы: осыпая твердыя и трудно гніющія иглы своей хвои у самыхъ корней густыми слоями, ель выживаетъ сосѣдей, замедляетъ ростъ деревьевъ лиственныхъ, вытѣсняя ихъ на опушки. Вотъ «буреломъ»: свалившіеся на бокъ колоссальные стволы образовали высокуюстѣну,—никакими способами ее нельзя осилить и черезъ нее перелѣзть. Высокіе пласты древесныхъ труповъ надо обходить и при этомъ помнить, что глухая стѣна, видимая глазу на протяженіи нѣсколькихъ саженъ,—на самомъ дѣлѣ тянется нѣсколько десятковъ верстъ. Недавніе трупы, сраженные бѣшеной бурей, какъ бы намѣренно уложившей на выборъ самыя крѣпкія и высокія деревья, лежатъ на старыхъ трупахъ прадѣдовъ во всѣхъ степеняхъ тлѣнія. Они уже густо покрыты зеленымъ войлкомъ моха и трухлявая гниль, скрывающаяся въ пуховыхъ подушкахъ, топитъ ноги путника выше колѣнъ и не даетъ ему ходу. Вотъ, въ сосѣдствѣ съ буреломами, и «вѣтровалы»: вырванные съ корнемъ деревья, навѣсились надъ моховыми перинами, какъ бы нарочно заготовленнымъ шалашомъ надъ глубокими ямами. Здѣсь на всю долгую зиму находитъ себѣ усладительный пріютъ почтенный бродяга, забавный простакъ и первый лѣсной комикъ въ звѣриной труппѣ косолапый медвѣдь, костоправъ Михайло Потапычъ Топтыгинъ (въ почестяхъ), Мишка Раменскій (въ ругательствахъ).

Въ сосновыхъ борахъ наоборотъ деревья, любящія свѣтъ предпочтительнѣе другихъ породъ, вздымаются къ небу стройными великанами на столько высокими, что, глядя на нихъ, валится шапка. Изъ любви къ опрятности теряя нижніе сучья и гордо кра-

суясь высокой поднятой кудрявой короной, кучатся они цѣлыми общинами одни своей породой. Тѣснясь плотнымъ строемъ, они выростаютъ въ рощи, какъ бы намѣренно вычищенныя въ аллеи съ безконечными просвѣтами. Манятъ они на прогулку, но горе довѣрчивому: сосны имѣютъ несчастіе поразительно походить другъ на друга; сосновые боры чрезвычайно однообразны: нельзя установиться на одномъ, чтобы, по его отмѣнамъ, опознаться на мѣстѣ и принять данное дерево за руководящій признакъ для выхода. Уловленный признакъ отличія (хотя бы по какой либо уродливости) неизбѣжно повторяется на другомъ деревѣ на первомъ же десяткѣ шаговъ; конецъ выводной нити обрывается и путникъ начинаетъ блуждать, дѣлать круги, возвращаться на старое, сейчасъ покинутое мѣсто, доходитъ до изнеможенія и отчаянія, а иногда и до голодной смерти. Чѣмъ дальше въ глубь отъ опушекъ въ самое лѣсное ядро, тѣмъ страшнѣе становится сосновый боръ своей мертвенностью и подавляющей тишиной: сосновыхъ боровъ не любятъ даже птицы; крупный звѣрь не находитъ здѣсь себѣ пищи. Сюда можно проникать только зимою на лыжахъ. Здѣсь

рядомъ съ деревьями, полными жизни, стоятъ отжившія съ переломанными вершинами и лишенными коры сучьями, приговоренныя къ смерти и ожидающія ее съ первымъ налетомъ бури. Здѣсь жить можетъ одна только птица, маленькая ростомъ, но снабженная крѣпкими костями черепа, длиннымъ и сильнымъ клювомъ и весьма подвижнымъ роговымъ языкомъ. Цѣлыми днями неустанно долбитъ дятелъ своимъ долотомъ—клювомъ дерево, расщепляя кору, подъ которой кишатъ миріады мелкихъ личинокъ и насѣкомыхъ. Не оставляетъ злая птица своей работы и въ ночную пору. Въ это время страшная стукотня гулко разносится по цѣлому лѣсу, а острые и пронзительные крики, чѣмъ-либо случайнымъ испуганной, птицы и ея шумный полетъ дугообразными линіями, увеличиваютъ лѣсные страхи, и безъ того, жуткіе въ ночной тишинѣ дремучихъ лѣсовъ.

Дятламъ помогаютъ усиливать страхъ и таинственные тяжелые полеты, также вкось и вкривь, пустившихся на ночную добычу совъ и филиновъ. Эти въ особенности охотно избираютъ лѣсныя трещи, чтобы въ самой густой тѣни деревьевъ спрятаться отъ докучливаго и невыносимаго для ихъ глазъ

дневнаго свѣта. Ночью, какъ блуждающія тѣни, эти ночныя птицы даже на смѣльчаковъ умѣютъ навести страхъ: и сверкающимъ фосфорическимъ блескомъ глазъ и гортаннымъ воплемъ. Между устрашающими голосами ночи нѣтъ болѣе ужасныхъ звуковъ, воющихъ и свистящихъ, которые переходятъ въ шипящее сопѣнье, послѣ чего страшная птица начинаетъ задыхаться и хрипѣть. Обманутый путникъ очень легко принимаетъ таковое птичье пѣніе за отчаянную мольбу погибающаго въ трясинѣ или осажденнаго со всѣхъ сторонъ кровожадными звѣрями несчастнаго заблудившагося человѣка.

Только птицамъ подъ стать и подъ силу трущобы еловыхъ и сосновыхъ боровъ, эти темные «сюземы» или раменья, въ которые, если удалось человѣку войти, то не удастся выйти. На этой глуши останавливаются и глохнутъ даже огненныя моря лѣсныхъ пожаровъ. Сюземы тѣмъ уже страшны, что на каждомъ шагу, рядомъ съ молодой жизнью свѣжихъ порослей; стоятъ тутъ же подъ бокомъ деревья, приговоренныя къ смерти и валяются у корней уже окончательно сгнившія и покрытыя, какъ гробовой доской, мо-

ховымъ покровомъ. И еще страшнѣе кажутся сюземы тѣмъ, что въ нихъ господствуетъ вѣчный мракъ и постоянная, среди жаркаго лѣта, влажная прохлада, постепенная перемѣна цвѣтовъ изъ сѣраго въ зеленый и обратная игра въ мертвенные сѣрые оттѣнки. Всякое движеніе кажется замерло; всякій крикъ, даже и не такой рѣзкій, какъ лятла и хрипящій, какъ у совы, пугаетъ до дрожи и мурашекъ въ тѣлѣ. Колеблемые вѣтромъ древесные стволы трутся одинъ о другой и скрипятъ съ тою силою и постоянствомъ, что вызываютъ у наблюдателя острую, ноющую боль подъ самымъ сердцемъ. А такъ какъ всякій лѣсъ имѣетъ свой голосъ (березовый шелеститъ, липовыя рощи шепчутъ, хвойные шумятъ, иные трещатъ), въ сюземахъ всѣ эти голоса ужасаютъ. Здѣсь чувство тягостнаго одиночества и непобѣдимаго ужаса постигаетъ всякаго человѣка, какія бы усилія онъ надъ собой ни дѣлалъ, къ какимъ бы притворствамъ ни прибѣгалъ. Здѣсь ужасается своего ничтожества и безсилія всякій цивилизованный человѣкъ. Здѣсь созналась мрачная безнадежная вѣра дикарей и сложилась въ форму шаманства съ злыми, сплошь и безъ исключенія,—немилостивыми

богами. Въ этихъ трещахъ поселяется и издревле живетъ тотъ чертъ, съ которымъ до сихъ поръ еще не можетъ разлучиться напуганное воображеніе русскаго православнаго люда: свищетъ и хохочетъ лѣшій, получившій свое имя отъ этихъ дремучихъ лѣсовъ еще въ то давнее время, когда изъ живой рѣчи перешли и въ писанныя грамоты и всякіе древніе акты лѣсныя озера, и по лѣсамъ же текущія рѣки подъ прозваніемъ «лѣшихъ» (въ смыслѣ лѣсныхъ). Среди деревьевъ съ нависшими ягилями—лишаями, украшающими ихъ на подобіе бородъ, въ народныхъ сказкахъ и въ религіозномъ культѣ первобытныхъ племенъ издревле помѣщены жилища боговъ и лѣсныхъ духовъ. Этой чести удостоились въ особенности ели, покрытыя до самой вершины мохомъ, что придаетъ имъ внушительный видъ долговѣчности и обилія. Въ еловыхъ лѣсахъ, предпочтительно предъ сосновыми, охотнѣе селится и лѣшій, или, какъ называютъ его также, лѣсовикъ, лѣшакъ *). Въ этихъ лѣсахъ наиболѣе чув-

*) Въ Новгород. губ. (въ бѣлозерскихъ краяхъ) и въ Пошехоньѣ ярославскомъ этому духу даютъ еще названіе «вольнаго» и все съ тою же цѣлью, чтобы не обижать его общепринятымъ прозвищемъ, превращеннымъ въ ругательное.

ствуется живой трепетъ жизни и лѣшій является его олицетвореннымъ представителемъ, подобно тѣмъ лѣснымъ туманамъ, которые медленно поднимаются надъ болотными трясинами и, по прихоти вѣтра, принимаютъ обманчивыя формы привидѣній.

Въ ярославскомъ Пошехоньѣ лѣшаго называютъ даже просто «мужичекъ» и, въ согласіе съ таковыми же вѣрованіями всего Вологодскаго полѣсовья, въ нѣкоторое отличіе отъ обыкновенныхъ людей, лѣшему даны примѣты: красный кушакъ, лѣвая пола кафтана запахнута за правую, а не на оборотъ, какъ всѣ обычно носятъ. Обувь перепутана: правый лапоть надѣтъ на лѣвую ногу, лѣвый — на правую. Глаза у лѣшаго зеленые и горятъ, какъ угли. Какъ бы онъ тщательно ни скрывалъ своего нечистаго и некошнаго происхожденія, ему не удается это сдѣлать, если посмотрѣть на него черезъ правое ухо лошади.

Лѣшій выдѣляется отъ прочихъ духовъ лишь одному ему приличными свойствами и замѣчательными отличіями: если онъ идетъ лѣсомъ, то ростомъ равняется съ самыми высокими деревьями, несмотря на то, что иныя сосны, на просторѣ и при обиліи свѣта, въ теченіе долгихъ лѣтъ (иногда свыше 300) вы-

ростаютъ въ вышину до 22-хъ саженъ. Будучи такъ сказать складнымъ, т. е. надѣленнымъ способностью быстро выростать и умаляться, онъ, выходя для прогулокъ, забавъ и шутокъ на лѣсныя опушки, ходитъ тамъ, (когда ему предстоитъ въ томъ нужда) невидимымъ, ниже травы, малой былинкой, свободно укрываясь подъ любымъ ягоднымъ листочкомъ. На луга собственно онъ выходитъ рѣдко, строго соблюдая международное право по отношенію къ сосѣду, называемому полевикомъ или «полевымъ», который привычно проказитъ именно на этихъ межахъ у межевыхъ ямъ. За то, въ лѣсу складной лѣшій является полноправнымъ и неограниченнымъ хозяиномъ: всѣ звѣри и птицы находятся въ его вѣдѣніи, и ему безотвѣтно повинуются съ такимъ же уваженіемъ, какъ солдаты въ строю или матросы на палубахъ кораблей. Особенно подчинены ему зайцы на полномъ крѣпостномъ правѣ и онъ имѣетъ власть проигрывать ихъ въ карты сосѣднему лѣшему. Не освобождены отъ той же повинности и бѣличьи стада, и если онѣ переселяются несмѣтными полчищами, дерзко бѣгаютъ по крышамъ домовъ и улицамъ большихъ сибирскихъ городовъ, обрываются

въ печныя трубы и запрыгиваютъ въ окна жильевъ, — дѣло ясное: русскіе лѣшіе вели азартную игру на смерть съ сибирскими цѣлою артелью. Побѣда (напр. въ 1859 г.) осталась на сторонѣ первыхъ: побѣжденные сибиряки гнали изъ своей тайги свой проигрышъ черезъ Тобольскъ на уральскія горы, въ печерскую и мезенскую тайболы. До большой игры лѣшіе ежегодно ведутъ малыя ставки между собою, съ ближайшими сосѣдями и перегоняютъ зайцевъ и бѣлокъ изъ колка въ колокъ почти ежедневно. А то случается и такъ, что нагонятъ въ эти колки зайцевъ и угонятъ мышей и т. д. У нихъ же въ подчиненіи находятся и птицы и въ полной зависимости всѣ охотники: любимцамъ своимъ они сгоняютъ пернатыхъ чуть не подъ самое дуло; ларятъ неразмѣнный рубль, пули безъ промаха. Кого же задумаютъ наказывать за непочтеніе къ себѣ, — у тѣхъ всегда осѣчка.

Кому удавалось видѣть лѣшаго, хотя бы и черезъ лошадиное ухо, видали его большею частью въ человѣческомъ образѣ, напр. по новгородчинѣ—старикомъ въ бѣлой одеждѣ и бѣлой большой шляпѣ, никогда не подпоясаннымъ, всегда, когда садится, закидывающимъ лѣвую ногу на правую. Орловскій

*

лѣшій—тоже пучеглазый съ густыми бровями, длинной зеленой бородой; волосы на головѣ ниже плечъ и длиннѣе, чѣмъ у поповъ. Въ здѣшнихъ черноземныхъ мѣстахъ они впрочемъ стали рѣдки за истребленіемъ ихъ жилищъ (т. е. лѣсовъ), а потому за наиболѣе достовѣрными объ лѣсовыхъ свѣдѣніями слѣдуетъ обращаться къ сѣвернымъ лѣсовикамъ. Здѣсь эта нечисть сохраняется мѣстами въ неизмѣнномъ и цѣльномъ старозавѣтномъ видѣ (напр. по Вятской и Вологодской губ.).

Настоящій лѣшій нѣмъ, но голосистъ; умѣетъ пѣть безъ словъ и подбодряетъ себя хлопаньемъ въ ладоши. Поетъ онъ иногда во все горло (съ такой же силой, какъ лѣсъ шумитъ въ бурю) почти съ вечера до полуночи, но, не любя подголосковъ пѣтуха, съ первымъ выкрикомъ его (какъ и вѣтеръ на заряхъ) немедленно замолкаетъ. Носится лѣшій по своимъ лѣсамъ, какъ угорѣлый, быстро, едва сослѣдимо и всегда безъ шапки *). Бровей и рѣсницъ у него не видно, но можно ясно разглядѣть, что онъ—корноухій

*) Въ карачевскихъ и брянскихъ лѣсахъ его всегда видятъ съ огромной дубиной въ рукахъ.

(праваго уха нѣтъ), что волоса на головѣ зачесаны у него на лѣво. Это удается разглядѣть, когда онъ иногда подходитъ къ теплинамъ дроворубовъ погрѣться, хотя въ этихъ случаяхъ имѣетъ обыкновеніе прятать свою рожу. Владѣя тоже, какъ и домовой и прочая нечисть, способностью перевертываться, онъ часто прикидывается прохожимъ человѣкомъ съ котомкой за плечами; нѣкоторымъ удавалось различать въ это время, что лѣшій востроголовый, какъ всѣ подлинные черти настоящей бѣсовской породы. Съ этимъ показаніемъ однако свѣдущіе люди не соглашаются, признавая въ лѣшемъ, какъ и въ домовомъ, только нечисть, нѣчто ближайшее къ человѣческой природѣ, а многіе прямотаки видятъ въ нихъ «оборотней» — людей, обращенныхъ въ этихъ лѣшихъ. Они умѣютъ и хохотать и аукаться, свистать и плакать по людски, и, если дѣлаются безсловесными, то только при встрѣчѣ съ настоящими живыми людьми. Во Владимірской губ. *), гдѣ лѣшихъ называютъ «гаркунами», прямо увѣрены въ томъ, что они произошли отъ связи женщинъ съ нечистой силой и отличаются

*) По свѣдѣніямъ изъ Меленковскаго уѣзда.

только тѣмъ, что не имѣютъ тѣни. Не столько вредятъ они людямъ, сколько, подобно своимъ явнымъ родичамъ — домовымъ, проказятъ и шутятъ. Проказятъ грубо, какъ это и прилично неуклюжимъ лѣснымъ жителямъ, и шутятъ зло, потому что все-таки они не свой братъ, человѣкъ крещеный.

Самые обычные пріемы проказъ и шутокъ лѣшихъ, извѣстные всему міру, заключаются въ томъ, что они «обходятъ» въ лѣсу углубившихся въ чащу, съ цѣлью ломать грибы или собирать ягоды. Эти духи либо «заведутъ» въ такое мѣсто, изъ котораго никакъ не выбраться, либо въ глаза напустятъ такой туманъ, что, ходя въ немъ съ одного покинутаго мѣста на другое, приходятъ десятки разъ на одно и то же. Не то надышался человѣкъ одуряющими (смолистымъ и иным) лѣсными ароматами до обморока, не то хватилъ въ веселомъ мѣстѣ съ добрымъ человѣкомъ лишнюю чарку зеленаго вина. Зашумѣло и завертѣло въ головѣ такъ, что вмѣсто дома очутился тотъ человѣкъ въ незнаемомъ мѣстѣ, попалъ не ногами, а головой и хоть десять человѣкъ соберутся разсуждать о такомъ необычномъ событіи,—всѣмъ имъ не рѣшить, какъ это могло случиться. А лѣшаго тотъ несчастный видѣлъ живымъ и свистъ его слышалъ надъ самымъ ухомъ; ауканья же его и хлопанье въ ладоши по сейчасъ не перестаютъ раздаваться.

Въ такихъ случаяхъ, нерѣдкихъ въ деревенской жизни, особенно послѣ гулянокъ со сватами и пировъ съ кумовьями, шаловливый и самъ гульливый лѣшій все-таки не ведетъ людей въ прямую и безвыходную погибель, какъ дѣлаетъ это настоящій дьяволъ. Отъ проказъ лѣснаго можно легко отчураться,—конечно, прежде всего молитвой и крестнымъ знаменіемъ, а затѣмъ извѣстными пріемами, которымъ учатъ съ малолѣтства по заповѣдямъ отцовъ и прадѣдовъ. Заблудившемуся стоитъ только присѣсть на первой колодѣ, снять съ себя и выворотить носильное платье наизнанку и такимъ надѣть на себя. Обязательно при этомъ также лѣвой лапоть надѣть на правую ногу, перемѣнить рукавицы. Помогаетъ съ такимъ же успѣхомъ, если напр. попали въ напасть двое-трое, всѣмъ обмѣняться одеждой, подражая обычаю того же лѣшаго, у котораго также все навыворотъ и наизнанку. Можно вызволиться изъ той же бѣды, проговоривши любимую поговорку лѣшаго, которую удачливые люди успѣли

подслушать у него издали: «шелъ, нашелъ, потерялъ». Кто спохватится закричать: «овечья морда, овечья шерсть», передъ тѣмъ человѣкомъ лѣшій исчезаетъ съ крикомъ «а, догадался»! Въ лѣсахъ лѣшіе кладутъ свои тропы, — и кто попадетъ на ихъ слѣдъ—заболѣетъ или заблудится.

Существуетъ, впрочемъ, одинъ такой заповѣдный день въ году, когда лѣшіе бѣсятся и знающіе крестьяне въ этотъ день (4-го октября) въ лѣсъ не ходятъ. На Ерофея мученика указано лѣшимъ пропадать или замирать. Они передъ этимъ учиняютъ неистовыя драки, ломаютъ съ трескомъ деревья, зря гоняютъ звѣрей и наконецъ проваливаются сквозь землю, чтобы явиться на ней вновь, когда она отойдетъ или оттаетъ весною, и начать снова свои проказы все въ одномъ и томъ же родѣ. Между прочими притворствами самый любимый пріемъ превращеній—судя по наибольшому числу увѣреній корреспондентовъ — прикидываться мертвецомъ и валяться трупомъ на проѣзжихъ и дровяныхъ лѣсныхъ дорогахъ.

Вообще побаиваясь злыхъ и неожиданныхъ затѣй лѣшаго, лѣсной народъ не прочь надъ ними подсмѣиваться, а брать его имя

какъ ругательное, считаетъ для себя вся крещеная Русь первымъ удовольствіемъ («иди къ лѣшему», «лѣшій бы тебя задавилъ» и т. п.). Совсѣмъ не боятся лѣшаго не лѣсники - жители, а лѣсничіе-охранители: этихъ ему не обмануть, не обойти, не объѣхать, хотя бы на кривыхъ оглобляхъ и на пѣгой кобылѣ. Лѣсничіе отыскиваютъ дорогу и по вѣтвямъ деревьевъ, и по кучамъ муравейниковъ, по небеснымъ звѣздамъ, по древеснымъ стволамъ, и по солнцу. Изъ Яренскаго уѣзда (Вологод. г.) сообщаютъ, что покатая сторона муравейника лежитъ постоянно къ дорогѣ; та сторона дерева, на которой меньше вѣтвей и вѣтки рѣже, глядитъ на путь къ дому, а вѣтвистая сторона наклоняется вдаль и въ сторону. Въ полдень, говорятъ, нужно идти прямо на солнце, утромъ слѣдуетъ оставлять солнце на правой рукѣ, вечеромъ на лѣвой. Только на болотѣ нельзя узнать дорогу по солнцу, потому что здѣсь оно не такъ показываетъ.

На самомъ же дѣлѣ, по издревле коротко знакомой русскимъ людямъ практикѣ, подкрѣпляемой и научными наблюденіями, кутается дерево въ мохъ и бѣднѣетъ оно количествомъ сучьевъ съ сѣверной стороны; вѣтвисто и содержитъ стволы чище съ теплой южной сто-

роны, и, конечно, обожженные палящими морозами сучья уныло наклоняются въ ту сторону, откуда пришла на нихъ лютая гибель. Оттого и въ муравейникахъ играетъ суетливая жизнь и безпокойныя работы неустанныхъ носильщиковъ несоразмѣрныхъ тяжестей неизбѣжно и обязательно на той сторонѣ солнца, гдѣ оно бываетъ въ полдень. Въ эту же полуденную сторону, подъ защитою пригорковъ и горъ, обращаютъ свои жилища люди. По древеснымъ примѣтамъ на волокахъ и междурѣчьяхъ, какъ по теченію самыхъ рѣкъ, умѣли русскіе люди не заблуждаться, когда наступила пора всенароднымъ переселеніямъ, и завладѣть, послѣ русскаго негостепріимнаго сѣвера, золотымъ донушкомъ—Сибирью. Съ тремя кусками желѣза (топоромъ, сошникомъ и огнивой) вышелъ человѣкъ на борьбу непосильную, затянувшуюся на цѣлые вѣка, но сталъ побѣдителемъ не тогда, когда былъ звѣроловомъ и охотникомъ, а когда превратился въ земледѣльца—пахаря. Тогда и самъ лѣшій его испугался, видя съ какой настойчивостью человѣкъ истребляетъ лѣса для своихъ жилищъ и подъ пашню, а за лѣсами быстро высыхаютъ и болота — самое излюбленное лѣшими

мѣсто для жилья и за то прозванное людьми «нечистымъ», поганымъ, и признанное опаснымъ.

Существованіе лѣсовыхъ внесло въ жизнь и бытъ лѣсниковъ своеобразныя вѣрованія, нелишенныя нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ, и мифъ лѣшихъ недаромъ просуществовалъ на землѣ тысячелѣтія. Если этотъ лѣсной врагъ заставляетъ блуждать до отчаянія преимущественно тѣхъ, которые вступаютъ въ невѣдомыя трещи и глухіе сюземы безъ молитвы и крестнаго знаменія, то и спасаются отъ голодной смерти только христіанской молитвою и силою честнаго и животворящаго креста. Въ Никольскомъ уѣздѣ Волог. губ. лѣшій въ виду всѣхъ унесъ мужика въ лѣсъ за то, что тотъ, идя на колокольню, ругался непотребнымъ словомъ. Онъ же является первымъ мстителемъ и карателемъ тотчасъ же, какъ только замеръ послѣдній звукъ выговореннаго проклятія и способенъ помнить въ теченіе многихъ лѣтъ обѣщаннаго ему заклятаго младенца, когда родильница, потерявши въ мукахъ родовъ всякое терпѣніе, проклинаетъ себя и ребенка. Съ тѣхъ поръ таковой принадлежитъ лѣшему, который и уноситъ его въ лѣсъ тотчасъ по

рожденіи, подкладывая вмѣсто него «лѣсное дѣтище»—больное и безпокойное. Если заклятаго ребенка успѣли окрестить и лѣшій взять его сразу не можетъ, онъ ждетъ до 7 лѣтъ отрочества и тогда сманиваетъ его въ лѣсъ. Здѣсь обыкновенно проклятые живутъ недолго, но трупов ихъ еще ни одной виновной матери находить не доводилось. Лѣшему дана одна минута въ сутки, когда онъ можетъ сманить человѣка. Если мать и проститъ сына и отслужитъ три молебна и на рѣдкостный случай пропавшій найдется, то уже въ такомъ видѣ, что ни на что не годится: ходитъ одичалымъ и непомнящимъ что съ нимъ было и начинаетъ жить равнодушнымъ ко всему, что его можетъ ожидать при совмѣстной жизни съ людьми.

Деревенскіе слухи очень настойчиво приписываютъ, между прочимъ, лѣшимъ страсть къ женщинамъ и обвиняютъ ихъ въ нерѣдкихъ похищеніяхъ дѣвушекъ. Кое-гдѣ разсказываютъ объ этихъ связяхъ съ мелкими подробностями и увѣряютъ, что похищенныя дѣтей никогда не рожаютъ. Въ Тульской губ. (въ Одоевскомъ у.) указываютъ на окрестности села Анастасова и увѣряютъ, что въ старину, когда около села были большіе лѣса,

дѣвушки сами убѣгали къ лѣшимъ, жили съ ними года два—три, и затѣмъ возвращались домой съ кучей денегъ и т. п. Едва ли впрочемъ во всѣхъ подобныхъ разсказахъ лѣшіе, вообще тускло очерченные и мало понятые, не смѣшиваются съ завѣдомо сладострастными чертями дьявольской породы *). Лѣшимъ также навязываютъ женъ одинаковой съ ними породы (лѣшачиха, лѣшуха) и дѣтенышей («лѣшеня»), но при однихъ случаяхъ въ этихъ духахъ подозрѣваютъ живущихъ въ камышахъ русалокъ изъ некрещенныхъ младенцевъ, въ другихъ—проклятыхъ людей, которые въ ожиданіи свѣтопреставленія отъ бездѣлья также проказятъ (отчего и зовутся между прочимъ «шутихами»). Вообще, по всѣмъ видимостямъ и въ виду путанныхъ разсказовъ, напрашивается предположеніе, что великорусскіе лѣшіе утратили свой прирожденный обликъ и обезличенными смѣшались теперь съ прочими болѣе сильными нечистыми духами. Эти то и

*) Имъ напр. такіе коренные лѣсовики, какъ напр. бѣлозеры и пошехонцы, приписываютъ происхожденіе вихрей, тогда какъ это прямое дѣло чертей, совершающихъ въ это пыльное время свои веселыя свадьбы.

затемнили лѣшихъ своею живучестью, ловкостью и оборотливостью. Начинаетъ казаться, что самое названіе изжившихъ свой долгій вѣкъ лѣсныхъ духовъ стало пригоднымъ лишь для ругательствъ и при томъ въ настоящее время совершенно безнаказанныхъ и вовсе безопасныхъ. Недаромъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ простодушно и откровенно сообщилъ—съ ручательствомъ за всю свою мѣстность—нижеслѣдующее:

«Перевелась нынѣ эта погань. Вотъ дѣды разсказывали, что въ тѣ поры, когда и лѣсовъ было больше и болотъ съ трясинами, такъ и не ходи лучше ночью въ лѣсъ: повстрѣчаетъ тебя эта дрянь-то, да и все тутъ».

А вотъ и снова поэтъ нашъ (Л. А. Мей), чутко прислушавшійся ко всѣмъ разсказамъ о нéчисти, высказалъ сожалѣніе о лѣшемъ въ такихъ образныхъ картинахъ:

И спитъ онъ... Да летаетъ
Недобрый сонъ надъ лѣшимъ:
И снится дѣду будто,
Во всей его дубравѣ
Чудноé что творится,
И все какъ будто вновь...

Проснулся, глянулъ—видитъ:
Не островъ, а площадка;
Дубовъ какъ не бывало,—
Все срублено, все гладко...

Засыпано болото
Пескомъ, дресвой и щебнемъ,
И мостъ надъ нимъ поднялся
Гранитнымъ сѣрымъ гребнемъ.

И, разсыпая искры
Далеко въ полѣ чистомъ,—
Летитъ змѣя—чугунка
Съ шипѣніемъ и свистомъ.

VIII.

Полевой.

Одна бѣлозерская вдова разсказываетъ у колодца сосѣдкѣ:

— Жила я у Алены на Горкѣ. Пропали коровы,—я и пошла ихъ искать. Вдругъ такой вѣтеръ хватилъ съ поля, что—и Господи Боже мой! Оглянулась я—вижу: стоитъ кто-то въ бѣломъ, да такъ и дуетъ, да такъ и дуетъ, да еще и присвистетъ. Я и про коровъ забыла, и скорѣе домой, а Алена мнѣ и обсказываетъ:

— Коли въ бѣломъ видѣла, значитъ «Полевой» это.

У орловскихъ знающихъ людей этотъ духъ, приставленный охранять хлѣбныя поля, имѣетъ тѣло черное, какъ земля; глаза у него разноцвѣтные; вмѣсто волосъ голова покрыта длинной зеленой травой; шапки и одежды нѣтъ никакой.

— На свѣтѣ ихъ много (толкуютъ тамъ): на каждую деревню дадено по четыре полевика.

Это и понятно, потому что въ черноземныхъ мѣстахъ полей много, и мудрено одному поспѣвать повсюду. За то, лѣсные жители, менѣе прозорливые, но не менѣе трусливые, «полевыхъ» очень рѣдко видали, а всего чаще слыхали ихъ голосъ. А если кому доводилось, то встрѣчали его обычно уродливымъ, маленькимъ человѣчкомъ, какъ вотъ эта новгородская баба, которая разсказывала про такое происшествіе:

— Шла мимо стога. Вдругъ онъ и выскочилъ, что пупыръ, и кричитъ: «дорожиха, скажи кутихѣ, что сторожихонька померла». Прибѣжала я домой ни жива—ни мертва залѣзла къ мужу на полати, да и говорю: «Ондрей, что я такое слышала?» Только я проговорила ему, какъ въ подъизбицѣ что то застонало «ой, сторожихонька, ой, сторожихонька». Вышло что-то черное, опять словно маленькій человѣчекъ, бросило новину полотна и вонъ пошло: двери изъ избы сами ему отворились. А оно все воетъ: «ой, сторожихонька». Мы изомлѣли: сидимъ съ хозяиномъ къ смерти приговоренными. Такъ и ушло».

Стараясь сблизить этого духа съ домашнимъ, и уподобляя полеваго домовому по сходству добраго, но проказливаго характера, относятъ всѣ его шутки на поля и луга. Здѣсь онъ вѣрнѣе всего можетъ быть приравненъ къ лѣшему: такъ же сбиваетъ съ дороги, заводитъ въ болото; надъ пьяными пахарями въ особенности забавляется.

Около рубежей въ поляхъ и межевыхъ ямъ полевые особенно внимательны и хлопотливы. Спать напр. на такихъ мѣстахъ совсѣмъ нельзя. Такъ какъ полевики женятся и рожаютъ дѣтей, а дѣтки ихъ («межевчики» и «луговики») бѣгаютъ по межамъ и ловятъ птицъ родителямъ въ пищу, то, если найдутъ онѣ лежащаго человѣка, наваливаются на него и душатъ.

Какъ всѣ нечистые духи, полевики также взяточники, гордецы и капризники, какъ и люди.

Разъ въ году, подъ Духовъ день, умные орловскіе землепашцы идутъ, глухой ночью, куда нибудь подальше отъ проѣзжей дороги и отъ деревни къ какому нибудь рву и несутъ пару яицъ и краденаго у добрыхъ сосѣдей стараго и безголосаго пѣтуха. Несутъ такъ, чтобы никто не видалъ, иначе

полевикъ разсердится и истребитъ въ полѣ весь хлѣбъ.

У полевиковъ, въ отличіе съ прочею нечистью, любимое время—полдень *), когда избраннымъ счастливцамъ удается его видѣть въ явѣ, но всегда какъ-то такимъ образомъ, что изъ описаній очевидцевъ ничего толкомъ не поймешь: больше хвастаютъ, чѣмъ объясняютъ, больше путаютъ, чѣмъ говорятъ правду. Орловцы вообще считаютъ ихъ духами злыми, да и рязанцы обходятъ кругомъ и около тѣхъ нечистыхъ мѣстъ, гдѣ эти духи пошаливаютъ.

Въ Зарайскомъ уѣздѣ около знаменитаго Бѣлоомута, близъ рѣчки Храпуши, указываютъ такое мѣсто и разсказываютъ такую бывальщину.

---

*) Въ Ярославскомъ Пошехоньѣ знаютъ особаго духа «полудницу»: красивую высокую дѣвушку, одѣтую во все бѣлое. Лѣтомъ, во время жатвы, она ходитъ по полосамъ ржи и кто въ самый полдень работаетъ, тѣхъ береть за голову и начинаетъ вертѣть, пока не натрудитъ шею до жгучей боли. Отсюда—и обычное дешевое нравоученіе. Она же заманиваетъ въ рожь малыхъ ребятъ и заставляетъ ихъ долго блуждать тамъ: - а эти сказки уже для дѣтской острастки.

*

«Сговорили мы замужъ сестру свою Анну за ловецкаго крестьянина Родіона Курова. Вотъ на свадьбѣ-то, какъ водится, подвипили порядкомъ, а потомъ сваты въ ночное время поѣхали въ свое село Ловцы, что находится отъ насъ недалеко. Вотъ сваты то ѣхали-ѣхали, да вдругъ бацъ,—въ рѣчку попали обѣ подводы съ лошадьми. Кое-какъ лошадей и телѣгу одну выручили и уѣхали домой, а иные и пѣшкомъ пошли. Когда домой явились, то свахи,—матери то жениховой—и не нашли. Кинулись къ рѣчкѣ, гдѣ оставили телѣгу, подняли ее, а подъ телѣгой-то и нашли сваху совсѣмъ окоченѣлою».

Такихъ мѣстъ, обезславленныхъ полевиками, въ безлѣсной Россіи указываютъ много; особенно прославилась ими губернія Орловская. Да вотъ и въ Калужской (въ Мещовскомъ уѣздѣ) ѣхалъ мужикъ домой въ Ямну, а по выѣздѣ изъ Гладкаго послышалъ, что кто то сѣлъ къ нему въ сани да такой тяжелой, что лошадь чуть-чуть тащила. У деревни Слободки «онъ» соскочилъ,—лошадь легче пошла, а на околицѣ опять подсѣлъ. Передъ деревней Сосиной опять тоже сдѣлалъ, да такъ до самой Ямны. Лошадь пришла измученной въ мылѣ, а мужикъ сидѣлъ перепуганнымъ, словно его самого мяли черти.

— И Господь про то вѣдаетъ (прибавила разскащица): можетъ ему съ-пьяну почудилось, а можетъ и вправду полевикъ пошутилъ.

IX.

Водяной.

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ озеро лѣсное,—

то̀ изъ небольшихъ, берега котораго всѣ на виду и на столько отлоги, что разбушевавшійся вѣтеръ гонитъ двѣ волны, нагонную и отбивную, разводя опасное волненіе, такъ называемую толчею. Въ бурю оно для рыбачьихъ челновъ неприступно, хотя именно въ эту пору обѣщаетъ болѣе богатую добычу. Во всякое другое время, какъ вообще всѣ озера круглой формы, пользуется недоброй славой бурнаго и безпокойнаго: самые малые вѣтры заставляютъ его колыхаться, какъ бы отъ тревожныхъ движеній на днѣ какой то невидимой чудовищной силы. Оно слываетъ также и чрезвычайно опаснымъ по извѣстной способности внезапно раздражаться и

волноваться лишь только налетѣлъ вѣтеръ съ извѣстной роковой стороны. Достаточно одного случая неудачнаго выѣзда въ заподозрѣнное озеро, окончившагося гибелью человѣка, чтобъ въ окольности, гдѣ всякій на счету и каждаго жалко, прослыло оно «проклятымъ». Пройдутъ года, забудется имя несчастнаго, но случай останется въ памяти съ наслойкою придатковъ небывалаго: простой случай превращается въ легенду на устрашеніе или поученіе грядущимъ вѣкамъ.

Суздальскаго князя Андрея Боголюбскаго, устроителя Залѣсской страны, памятнаго также по благочестивымъ дѣяніямъ, въ темную ночь на 29 іюня 1174 г. коварные царедворцы, въ заговорѣ съ шурьями и женою его, коварно убили. Братъ св. князя Михаилъ казненныхъ убійцъ свалилъ въ короба и бросилъ въ озеро, которое съ того времени до сихъ поръ въ роковую ночь волнуется. Короба съ негніющими проклятыми тѣлами убитыхъ, въ видѣ мшистыхъ зеленыхъ кочекъ, колыхаются между берегами и слышится унылый стонъ: это мучаются злобные Кучковичи. Коварная и малодушная сестра ихъ брошена съ тяжелымъ жерновымъ

камнемъ на шеѣ въ темную глубь другаго, болѣе глубокаго, озера «Поганаго» (не болѣе четверти версты въ длину и поперекъ).

На всемъ пространствѣ Великой Россіи попали въ сильное подозрѣніе и пріобрѣли добрую и худую славу, сильно напечатлѣваясь въ народномъ воображеніи, въ особенности озера именно такого вида и свойствъ, т. е. небольшія, но глубокія (нерѣдко до 12 саженъ въ уровень наполненныя темной водой, окрашенной желѣзною закисью). Онѣ обилуютъ подземными ключами и тѣми углубленіями дна въ формѣ воронки, которыя образуютъ пучины, гдѣ выбиваются воды изъ бездны, или поглощаются ею. Темными ночами, въ одиночествѣ, къ такимъ водоемамъ никто не рѣшается подходить. Многимъ чудится тутъ и громкое хлопанье точно въ ладоши, и задавленный хохотъ, подобно совиному, и подозрѣваются иные, видимые и слышные признаки пребыванія тутъ невѣдомыхъ живыхъ существъ, каковыхъ инымъ удается и видѣть въ неясныхъ обликахъ туманныхъ призраковъ. А такъ какъ человѣческому воображенію не указано предѣльныхъ рамокъ на широкомъ раздольѣ и роскошномъ приволѣ Божьяго міра, то и тѣ

свѣтлыя озера, которыя очаровываютъ своими красивыми отлогими или обсыпчатыми крутыми берегами, привлекательныя веселымъ и ласкающимъ видомъ, не избавлены также отъ поклеповъ и не освобождены въ народномъ представленіи отъ подозрѣній. По рѣзкимъ особенностямъ, по исключительнымъ отмѣнамъ выдѣлились и изъ ихъ среды тѣ, которыя рисуются очарованнымъ взорамъ въ видѣ проваловъ, обширныхъ и глубокихъ яминъ.

Во многихъ изъ нихъ все, начиная отъ чрезвычайныхъ глубинъ, отъ разнообразной игры въ переливахъ свѣта и причудливыхъ отраженій на ясной зеркальной ихъ поверхности, – все въ нихъ, изъ постояннаго и случайнаго, настраиваетъ послушное воображеніе на представленіе картинъ въ видѣ слѣдовъ исчезнувшихъ селеній и цѣлыхъ городовъ, церквей и монастырей. Съ образца и примѣра четырехъ библейскихъ городовъ, погребенныхъ за садомскіе грѣхи въ соленыхъ водахъ Мертваго моря, нѣкоторое число подобныхъ озеръ высвѣтлѣло въ живыхъ преданіяхъ и въ явѣ на многихъ, разъединенныхъ между собою обширными разстояніями, мѣстностяхъ обширной Россіи. Не въ

исключеніе съ прочими народами міра, а въ полное согласіе съ тѣми, которые живутъ еще во младенчествѣ, — на русской землѣ оказались такіе же подземныя церкви и подводные города, какъ во французской Бретани, какъ въ русской Литвѣ.

Во французской Бретани, въ незапамятныя времена, поглощенъ моремъ городъ Исъ, и рыбаки, во время бури, видятъ въ волнахъ шпицы церквей, а въ тихую погоду слышится имъ, какъ бы исходящій изъ глубины звонъ городскихъ колоколовъ, возвѣщающихъ утреннюю молитву. «Мнѣ часто кажется, что въ глубинѣ моего сердца (пишетъ Эрнестъ Ренанъ) находится городъ Исъ, настойчиво звонящій колоколами, приглашающими къ священной службѣ вѣрующихъ, которые уже не слышатъ. Иногда я останавливаюсь, прислушиваясь къ этимъ дрожащимъ звукамъ и мнѣ представляются они исходящими изъ безконечной глубины, словно голоса изъ другаго міра. Въ особенности съ приближеніемъ старости мнѣ пріятно, во время лѣтняго отдыха, представлять себѣ эти далекіе отголоски исчезнувшей Атлантиды».

Въ 30 верстахъ отъ гродненскаго Новогрудка разлилось небольшое озеро (версты на

двѣ въ діаметрѣ) Свитязь—круглое, съ крутыми береговыми скалами, поглотившее городъ этого имени за грѣхи нарушенія общеславянской заповѣди и добродѣтели гостепріимства (не принимали путниковъ, и ни одинъ изъ таковыхъ въ ихъ городѣ не ночевывалъ). Поэтъ Литвы Мицкевичъ вызвалъ изъ нѣдръ этого озера поэтическій образъ женщины («Свитязянки»), превратившейся, подобно женѣ Лота, въ камень за то же самое нарушеніе обѣщанія не оглядываться назадъ послѣ выхода изъ города на избавленіе отъ гибели. Еще въ 50 годахъ нынѣшняго столѣтія видѣнъ былъ въ озерѣ камень, издали похожій на женщину съ ребенкомъ, но теперь онъ затопленъ водой и рветъ у неосторожныхъ рыбаковъ сѣти *).

*) Подобными, провалившимися церквами, вообще богатъ весь болотистый и лѣсистый сѣверо-западный край. Въ Литвѣ провалился городъ Рай въ окрестностяхъ цѣлебнаго мѣстечка Друскеникъ. Бѣлорусскіе провалы представляютъ существенныя затрудненія для учета всѣхъ тѣхъ жилыхъ мѣстъ и Божьихъ храмовъ, которые поглощены водой и скрыты въ озерахъ. Оттуда также слышатся и костельные звоны и церковное пѣніе, шумъ и людской гомонъ многолюдныхъ площадей; на поверхность воды временами выплываютъ св. кресты и книги Евангелія и т. п.

Въ Керженскихъ заволжскихъ лѣсахъ, нѣкогда знаменитыхъ въ исторіи нашего раскола, въ 40 верстахъ отъ г. Семенова, близъ села Люнды (оно же и Владимірское) расположилось озеро «Свѣтлоярое», на берега котораго въ завѣтные дни (на праздники Вознесенья, Троицы, Срѣтенія и чествованія имени Владимірской съ 22 на 23 іюня) стекается великое множество богомольнаго люда (особенно на послѣднюю изъ указанныхъ ночь). Напившись святой водицы изъ озера (оно неустанно колышется) и отдохнувши отъ пѣшаго хожденія, вѣрующіе идутъ съ домашними образами, со старопечатными требниками и новыми псалтирями, молиться къ тому холму (угору), который возвышается на юго-западномъ берегу озера. Раздѣлившись въ молитвѣ на отдѣльныя кучки, молятся тутъ до тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ дремота и не склонитъ ко сну. На зыбкихъ болотистыхъ берегахъ вкушаютъ всѣ сладкій сонъ,—съ вѣрою, что здѣшняя трясина убаюкиваетъ, какъ малыхъ дѣтей въ люлькѣ и—съ надеждою, что, если приложить къ землѣ на угорѣ ухо, послышится торжественный благовѣстъ и ликующій звонъ подземныхъ колоколовъ. Достойные могутъ даже видѣть огни зазженныхъ свѣчъ, а на лучахъ восходящаго солнца отраженіе тѣни церковныхъ крестовъ. Холмъ и вода скрываютъ исчезнувшій православный городъ «Большой Китежъ» *) построенный несчастнымъ героемъ верхняго Поволжья русскимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ, убитымъ (въ 1238 г.) татарами въ роковой битвѣ на рѣкѣ Сити, закрѣпостившей надъ Русью татарское владычество. Когда, по народному преданію, безбожный царь Батый съ татарскими полчищами разбилъ князя, скрывшагося въ Большомъ Китежѣ и убилъ его (4 февраля), Божья сила не попустила лихаго татарина овладѣть городомъ: какъ былъ и стоялъ онъ, со всѣмъ православнымъ народомъ, скрылся подъ землею и сталъ невидимымъ. Такимъ онъ и будетъ стоять до скончанія вѣка.

Еще болѣе странными вѣрованіями, въ виду рѣдкихъ и любопытныхъ явленій природы, поражаетъ громадная страна, занявшая весь сѣверо-западъ Россіи и извѣстная подъ именемъ: «Озерной области». Она въ самой сущ-

*) Большой Китежъ по тому, что есть Малый—нынѣшнее поволжское село Балахнинскаго уѣзда—Городецъ Радимовъ.

ности представляетъ собой (даже за исключеніемъ Финляндіи) страну величайшихъ въ мірѣ озерныхъ бассейновъ. Сплошною цѣпью расположились онѣ на громадномъ пространствѣ въ большинствѣ случаевъ въ непрерывной связи между собою. Почти всѣ до единаго обезпечились островами, иными такой величины, что на нихъ могли укрѣпиться многолюдныя селенія, другими, хотя и мелкими, но въ такомъ обиліи, что количествомъ своимъ превышаютъ число дней въ году. Въ первые годы заселенія русскаго сѣвера сюда стремились благочестивыми помыслами люди, искавшіе уединенія для молитвъ и христіанскихъ подвиговъ. На пустынныхъ островахъ отшельники достигали прямой цѣли исканій въ тишинѣ и безмолвіи, представляемыхъ озерными островами. Здѣсь же на доступныхъ клочкахъ земли, богато обезпеченныхъ строительнымъ матеріаломъ, при обиліи рыбы, умѣли пришельцы устраиваться на постоянное жительство, оживляя мертвыя пустыни и, примѣромъ трудолюбивой и строгой жизни, вліяя на весь окрестный людъ. Десятки островныхъ монастырей, во главѣ съ Соловецкимъ и Валаамскимъ, содѣйствовали оживленію суровыхъ странъ сѣвера людскимъ трудомъ и земледѣльческимъ населеніемъ. По всей справедливости они получили прозваніе «Святыхъ озеръ» въ отличіе отъ прочихъ, куда не успѣвала проникать молитва святыхъ подвижниковъ и могучая сила тѣхъ трудниковъ, которыхъ привлекали онѣ на борьбу съ суровой природой. Она продолжала царствовать и господствовать въ тѣхъ мѣстахъ, съ тою стихійною необузданностью, которую обычно приписываютъ младенчествующіе народы злымъ духамъ и немилосердымъ богамъ. Находясь въ полномъ порабощеніи природы, среди случайностей всякаго рода, въ неопредѣленной тревогѣ и постоянномъ безпокойствѣ за себя, дикіе народы олицетворяли въ боговъ самыя воды, а просвѣщенные христіанствомъ продолжали искать въ ихъ глубинахъ злыхъ духовъ, сверженныхъ съ неба и враждующихъ съ людьми всегда, когда они дерзаютъ проникать въ ихъ неприступныя и заповѣдныя владѣнія.

Именно здѣсь, въ странѣ величайшихъ озеръ, непокоренная дикая и своевольная природа представляетъ такія поражающія и устрашающія явленія, объясненіе которыхъ не только не подъ силу младенчествующему уму, но и развитый и просвѣщенный ограни-

чивается лишь догадками и удовлетворяется предположеніями. Среди олонецкихъ озеръ существуютъ такія, которыя временно исчезаютъ, не безслѣдно, хотя иногда на долгіе сроки, но всегда съ возвратомъ всей вылившейся воды въ старую обсохлую котловину *). Въ одномъ озерѣ (Шимозерѣ въ 10 кв. верстъ величины, до 4 саж. глубины) вся вода исчезаетъ такъ, что по пустынному полю, бывшему дномъ, извивается только небольшой ручей, продолжающій течь и подъ льдомъ. Пучина другаго озера (Долгаго) никогда не усыхаетъ окончательно, какъ въ первомъ, но вода и здѣсь убываетъ значительно; къ Рождеству ледъ садится прямо на дно, образуя холмы, ямы и трещины; весной вода наполняетъ озеро, переполняетъ его и затѣмъ, начинаетъ показывать новое чудо—теченіе обратное. Вода третьяго озера (Куштозера), высыхая, уводила съ собою куда-то и рыбу, доходящую въ озерѣ до баснословныхъ размѣровъ. Рыба снова возвращалась

*) Такія исчезающія озера лежатъ на югъ отъ Онежскаго озера близъ границы Новгородской губ. Ихъ пока насчитали семь, въ уѣздахъ: вытегорскомъ—Куштозеро, Каинское, Ундозеро, Качезеро и Андозеро, и въ лодейнопольскомъ: Шимозеро и Долгозеро.

сюда, когда съ проливными осенними дождями озеро снова наполнялось водой въ уровень съ высокими берегами, а иногда и выше, до горной гряды, окаймляющей озерную котловину. Четвертое озеро (Каинское) высыхало такъ, что дно его казалось дикою степью: люди ходили здѣсь какъ по суши. Однажды, два года кряду, крестьяне косили здѣсь сѣно, и довольно удачно сѣяли овесъ.

Эти въ высшей степени любопытныя явленія, несомнѣнно ждутъ еще научнаго объясненія по зависимости отъ строенія известковыхъ горныхъ породъ, господствующихъ въ этомъ краю, — и отъ существованія подземныхъ рѣкъ, слѣды которыхъ явно уловлены и скрытое подземное теченіе ихъ ясно доказано. Видимые слѣды ихъ обнаружены черезъ тѣ провалы, которые зачастую здѣсь появляются и извѣстны подъ именемъ «глазниковъ» или «оконъ». Доказывается же ясно скрытое подъ землею пребываніе этихъ рѣкъ тѣмъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вышелачиваясь, осѣдаетъ земля и образуетъ пустоты, тамъ выступаютъ на поверхность маленькія озера. Въ другихъ случаяхъ та же рѣка выходитъ въ видѣ огромныхъ размѣровъ родника (до 10 саж. въ діаметрѣ), никогда не замерзаю-

щаго, а вода бьетъ струей, напоминающей клубы дыма изъ большой пароходной трубы.

Какъ же объяснить подобныя загадочныя явленія, слишкомъ задѣвающія матеріальные интересы, — объяснить себѣ, темному уму, воспитанному на суевѣріяхъ, если не подыскать въ нихъ же самихъ такихъ простыхъ данныхъ, которыя легко и просто напрашиваются на объясненія, понятныя всему окрестному населенію.

Извѣстно, что всякая проклятая злая нечисть, виновная въ изобрѣтеніи на человѣческую пагубу вина и игральныхъ картъ сама смертельно пристрастна, на досужее время, къ этимъ забавамъ. Вотъ куштозерской водяной князь и связался на азартной игрѣ въ кости съ могучимъ царемъ такихъ большихъ владѣній, какъ озеро Онего. Для этого богача и рискъ былъ ни почемъ, и въ игрѣ онъ былъ искуснѣе. Захолустный царекъ— князекъ и проигрывается всякій разъ, какъ только снимется играть съ могучимъ царемъ на крупныхъ ставкахъ. Всѣ онѣ кончаются тѣмъ, что проигрываетъ онъ и воду, и рыбу, а затѣмъ, и себя самого кабалитъ. Проигравшись въ пухъ, онъ и уходитъ къ царю— Онегу заработывать проигрышъ и живетъ

въ батракахъ, пока не очистится. Когда исполнится договорный срокъ, онъ возвращается въ свое логовище съ водой и обзаводиться новой рыбой.

Въ виду того, что въ этихъ же странахъ природа-мачиха не отстаетъ и отъ другихъ предопредѣленныхъ ей работъ,— у всѣхъ на глазахъ творится высыханіе озеръ, измѣненіе формы береговъ, образованіе изъ заливовъ озерковъ и болотъ, и полныя превращенія озеръ сначала въ зыбуны, а потомъ въ «жарки». Заростаніе происходитъ хотя и медленно, но совершается вѣрно и размѣренно: заносятся продукты разрушенія береговъ и наносы изъ рѣкъ, не устаетъ усиливаться озерная растительность, наступаетъ время моховика и отложеній перегноевъ. Обломки скалъ рушатся въ воду и постоянно уменьшаютъ его глубину, а моховыя кочки въ видѣ маленькихъ острововъ, прикрѣпляющихся къ берегамъ, превращаются современемъ въ большой коверъ, которымъ и покрывается все водное пространство, до тѣхъ поръ открытое и сверкавшее на солнцѣ, какъ зеркало. Коверъ этотъ нерѣдко поддерживаетъ тяжесть человѣческаго тѣла (хотя ходить по немъ и небезопасно): подъ ногами выкругляется впа-

*

дина, а не вдалекѣ и подлѣ вздувается бугорокъ. Движеніе волнообразно передалось дальше; каждый кустикъ болотной растительности то поднимется, то опустится, а плывучій коверъ и вздрагиваетъ, и явно колеблется. Пройдетъ еще немного лѣтъ и жидкая почва затвердѣетъ и укрѣпится въ «жары»: на столько удобныя мѣста, что на нихъ прозябаетъ растеніе и дастъ крупную ягоду «жаравиху» и возростить особой породы «жаровую» сосну,—мелкослойную, непрочную въ стройкѣ, но красивую въ столярныхъ издѣліяхъ. Зашагаетъ на длинныхъ ходуляхъ и та птица «жарафь» (журавль), которая любитъ ту ягоду жаровиху и засвистятъ и засверкаютъ косы косцовъ, подрѣзающихъ сочныя травы, и зазеленѣютъ неисчетными кучами стоги сѣна.

Забравшись въ болота, мы попали собственно въ царство чертей, подлинной дьявольской силы, падшихъ и наказанныхъ ангеловъ, а потому необходимо выбираться на озерные берега и дослушать на тѣхъ изъ нихъ, которые начали высыхать, новыя поучительныя повѣсти.

Въ томъ же олонецкомъ краю, богатомъ до чрезмѣрнаго избытка безконечною цѣпью

озеръ, имѣются такія, гдѣ, завѣдомо всѣмъ окрестнымъ жителямъ, поселился водяной. И слышно его хлопанье въ ладоши, и слѣды свои на мокрой травѣ онъ оставляетъ въ явѣ, а кое кто видалъ воочью и разсказывалъ о томъ шепоткомъ и не къ ночи. Тихими лунными ночами забавляется онъ тѣмъ, что хлопаетъ ладонями по водѣ гораздо звончѣе всякаго человѣка. Когда разсердится, то и пойдетъ разрывать плотины и ломать мельницы: обмотается тиной (онъ всегда голый), подпояшется тиной же, надѣнетъ на вострую голову шапку изъ куги (есть такое безлистное болотное растеніе, которое идетъ на плетушки разнаго рода и сидѣнье въ стульяхъ, камышъ — scirpus), сядетъ на корягу и поплыветъ проказить. Вздумается ему осѣдлать быка или корову или добрую лошадь, считай ихъ за нимъ: они либо въ озерныхъ берегахъ завязнутъ, либо въ озерной водѣ потонутъ. Водяному всякая изъ нихъ годится въ пищу *). Оло-

*) Въ Олонецкомъ краю водяные до того прижились, что завели полныя деревенскія хозяйства, и въ старину изъ омутовъ выгоняли они свои стада пастись на берегу рѣки: коровы были всѣ черныя и гладкія. Одной такой чернушкой соблазнился крестьянинъ села

нецкій водяной такъ разыгрался и разбушевался, что осмѣлился и надъ людьми вышучивать свои злыя проказы: вздумаетъ кто въ его озерѣ искупаться — онъ схватитъ того за ногу и тащитъ къ себѣ въ глубь омута на самое дно. Здѣсь самъ онъ привычно сидитъ цѣлыми днями (наверхъ выходитъ лишь по ночамъ) и придумываетъ разныя пакости и шалости.

Жилъ онъ, какъ и всѣ его голые и мокрые родичи, цѣлой семьей, которая у этого олонецкаго была очень большая, а потому то онъ, и полагаютъ, больше всѣхъ товарищей своихъ нуждался въ свѣжихъ мертвыхъ тѣлахъ. Сталъ окрестный народъ очень побаиваться, пересталъ изъ того озера воду брать, а наконецъ и подходить близко къ нему, даже днемъ. Думали-гадали, какъ избавиться, и ничего не изобрѣли. Однако нашелся одинъ мудрый человѣкъ изъ стариковъ-отшельниковъ, жившихъ въ лѣсной келейкѣ неподалеку. Онъ и подалъ имъ

Ухты (вытегорскаго у.) и, подкравшись къ стаду, ловкимъ пріемомъ отогналъ ее, да такъ удачно, что у него при всей бѣдности одна корова никогда не переводилась и была она сытѣе, круглѣе и молочнѣе всѣхъ сосѣдскихъ.

добрый совѣтъ: «надо, говоритъ, иконы поднять, на томъ берегу Миколѣ угоднику помолиться, водосвятной молебенъ заказать и той святой водой побрызгать въ озерную воду съ кропила». Послушались: зазвонили и запѣли. Впереди понесли церковный фонарь, и мальчишки побѣжали сзади. Потянулся длинный хвостъ изъ бабъ и рядомъ съ ними поплелись старики съ клюками. Поднялся бурный вѣтеръ, всколыхнулось тихое озеро, помутилась вода — и всѣмъ стало понятно, что собрался водяной хозяинъ вонъ выходить. А куда ему бѣжать? Если на восходъ солнца въ рѣку Шокшу (и путь недальній--всего версты двѣ), то какъ ему быть съ водой, которая непремѣнно потечетъ за нимъ слѣдомъ, какъ ее поднять: — на пути стоитъ гора крутая и высокая? Кинуться ему на сѣверъ въ Оренженское озеро: такъ опять надо промывать насквозь или совсѣмъ взрывать гору: водяной чертъ, какъ домосѣдъ и мало бывалый, перескакивать черезъ горы не умѣетъ, не выучился. Думалъ—было онъ пуститься (всего подручнѣе) въ Гончинское озеро по сосѣдству, такъ оттуда-то именно теперь и народъ валитъ, и иконы несутъ, и ладономъ чадятъ, и крестъ на солнышкѣ иг-

раетъ, и сверкаетъ лучами: страшно ему и взглянуть въ ту сторону. «Если (думаетъ онъ) пуститься смаху и во всю силу на рѣку Оять (къ югу),—до нее всего девять верстъ,—такъ опять же и туда дорога идетъ по значительному возвышенію: сидя на рѣчной колодѣ, тутъ не перегребешь». Думалъ—думалъ водяной, хлопалъ голыми руками по голымъ бедрамъ (всѣ это слышали) и порѣшилъ тѣмъ, что пустился въ рѣку Шокшу: и мѣста по дорогѣ мокрыя—болотистыя и покатыя, и пригорковъ никакихъ нѣтъ, даромъ что пять верстъ ходу *). И что этотъ чертъ понадѣлалъ! Онъ плыветъ, а за нимъ изъ озера цѣлый потокъ ущѣпился и вода помчалась, какъ птица полетѣла по стоячимъ лѣсамъ и по зыбучимъ болотамъ съ шумомъ и трескомъ (сдѣлался истокъ изъ озера въ рѣку Шокшу). Плыветъ себѣ водяной тихо и молча, и вдругъ услыхали всѣ молельщики окрикъ: «зыбку забылъ, зыбку забылъ». И въ самомъ дѣлѣ увидали въ одномъ куту (углу) озера небольшой продолговатый островокъ (его до сихъ поръ зовутъ «зыбкой водянаго»). Пробираясь вдаль по рѣкѣ Шок-

*) Дѣло происходило близъ Гонгинскаго погоста нынѣшняго Лодейнопольскаго уѣзда Олонецкой губ.

шѣ, водяной зацѣпился за островъ, сорвалъ его съ мѣста, тащилъ за собой около пяти верстъ, и успѣлъ сбросить съ ноги лишь по серединѣ рѣки. Самъ ринулся дальше: куда? Полагаютъ, что этотъ водяной ушелъ въ Ладожское озеро, гдѣ всѣмъ чертямъ водянымъ жить просторно повсюду и неповадно только въ двухъ мѣстахъ, около святыхъ острововъ: Коневецкаго и Валаамскаго. Тотъ же островъ, что стащилъ водяной со стараго мѣста и сейчасъ не смытъ, и всякій его покажетъ въ шести верстахъ отъ Винницкаго погоста, а въ память объ рѣкѣ Шокшѣ его зовутъ Шокшостровомъ. Съ уходомъ того водянаго сталъ его прежній притонъ всѣмъ доступенъ. Несмотря на большую глубину озера, до сихъ поръ въ немъ никто еще не утонулъ, и назвали это озеро Крестнымъ (Крестозеромъ) и ручей тотъ проведенный водяной силой—Крестнымъ. Всѣмъ извѣстно, что изъ какого озера стали молитвами и крестомъ выгонять водяныхъ и пустились оттуда уходить добровольно эти черти, то озеро начинало мельчать, подсыхать и затягиваться въ моховины, жаркій, и сѣнокосныя по́жни, т. е. луга, всегда конечно низменные или кочковатые, нерѣдко поемные.

Рѣдко можно получить и выслушать такой образный и цѣлый разсказъ о водяномъ, обычнѣе называемомъ «воденикомъ» и «дѣдушкой», находящимся въ непримиримыхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ дѣдушкомъ домовымъ, съ которымъ, при встрѣчахъ случайныхъ, неукоснительно вступаетъ въ драку *). Съ домовыми добряками водяные не схожи характеромъ, оставаясь злобными духами, а потому всѣми и повсюду причисляются къ настоящимъ чертямъ. Людямъ приносятъ они одинъ лишь вредъ, и радостно встрѣчаютъ въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ оплошавшихъ, случайныхъ и намѣренныхъ утопленниковъ (самоубійцъ). На утопленницахъ они женятся и еще охотнѣе на тѣхъ дѣвицахъ, которыя прокляты родителями.

Въ выборѣ мѣстъ для жительства водяные неразборчивы, и, вмѣсто чистыхъ и прозрачныхъ озерныхъ пучинъ, охотно селятся въ рѣкахъ. Изъ этихъ предпочитаютъ тѣ, которыя прорѣзаются сквозь непроницаемыя чащи ело-

*) Въ Вятской губ. (Сарапульскій у.) водянаго называютъ «хитко́й» и представляютъ его въ человѣческомъ женскомъ образѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Влад. губ. смѣютъ называть его «водянымъ шутомъ».

выхъ боровъ и тихо и медленно пробираются въ низьменностяхъ и впадинахъ. Сюда, сквозь сѣть сплетшихся корней, никогда не проникаютъ солнечные лучи; здѣсь опрокинутыя въ воду деревья бурелома никѣмъ не прибираются и никому не нужны. Онѣ или дѣлаютъ естественные мосты или строятъ самородныя плотины и образуютъ тѣ глубокіе, обрывистые омуты, какіе намѣренно устраиваются около мельницъ. Тутъ и такъ любятъ водиться крупныя щуки и нерѣдко приселяются рѣчные богатыри, придорожные разбойники усачи– сомы. Не брезгуя ни лѣсными, ни мельничными омутами, водяные духи, по нѣкоторымъ признакамъ, даже предпочитаютъ «пади» подъ мельницами, гдѣ быстрина мутитъ воду и вымываетъ ямины. Подъ мельничными колесами они будто бы обыкновенно любятъ собираться на ночлегъ. Въ это-то время ловкіе и зоркіе мельники видали духовъ въ человѣческомъ образѣ съ длинными пальцами на ногахъ, съ лапами вмѣсто рукъ, съ двумя изрядной длины рогами на головѣ, съ хвостомъ назади, съ глазами, горящими подобно раскаленныхъ угольямъ (это въ Смоленской губ.). Во Владимірской губ. водянаго знаютъ сѣдымъ старикомъ; въ Нов-

городской (Черепов. у.) видали его въ видѣ голой бабы, которая, сидя на корягѣ, расчесывала гребнемъ волосы, изъ которыхъ бѣжала неудержимою струею вода. У вологжанъ (напр. Никольскаго у.) духи, имѣя человѣческій видъ, обросли травой и мохомъ и росту бываютъ очень высокаго, а въ Грязовецкомъ—они черные, глаза у нихъ красные большіе въ человѣческую ладонь, носъ величиною съ рыбацкій сапогъ; въ Кадниковскомъ видали духа въ видѣ толстаго бревна, съ небольшими крыльями у передняго конца, летящимъ надъ самою водою. У орловскаго водянаго борода зеленаго цвѣта, и только на исходѣ луны бѣлая—сѣдая, волосы точно также длинные и зеленые. Изъ воды въ этихъ мѣстахъ онъ показывается только по поясъ и очень рѣдко выставляется и выходитъ весь. Ярославскій водяной (въ Пошехоньѣ) любитъ гулять по берегу, наряжаться въ красную рубаху; уломскій (Новгород. губ., гдѣ вся огромная мѣстность куетъ гвозди) водяной нѣсколько разъ уличенъ былъ самовидцами въ томъ, что прикидывался иногда свиньей. Въ вологодскихъ рѣкахъ водяной принимаетъ иногда видъ и образъ громадной рыбы (пудовой щуки), одѣтой моховымъ покровомъ, которая въ отличіе отъ всѣхъ рыбачьихъ породъ, при плаваніи держитъ морду обычно не противъ теченія, а по водѣ. Разъ видѣли такую рыбу крылатой (въ Двинской волости), видѣли всѣ до единаго и ни одинъ человѣкъ не дерзалъ къ этой рѣкѣ подходить. Нашелся однако смѣльчакъ, который и разобралъ въ чемъ дѣло: ястребъ вонзился когтями въ огромную щуку и столь глубоко и крѣпко, что не могъ ихъ вытащить изъ рыбьей спины въ то время, когда погружался въ воду. Тамъ онъ захлебнулся и погибъ, а затѣмъ, мертвымъ тѣломъ съ распростертыми въ предсмертныхъ судорогахъ крыльями, закоченѣлъ и сталъ появляться такимъ образомъ на щукѣ подъ водою и надъ водою. Въ тульской губ. (въ Одоевскомъ у.) въ зарослях рѣки Упы (около села Анастасова) поселилась птица, водяной быкъ или выпь *) невиданная здѣсь до тѣхъ поръ и неслыханная. Не было силъ разувѣрить крестьянъ въ томъ, что этотъ ночной ревъ, похожій на ревъ коровы, не производитъ водяной

*) **Ardea Stellaris**—букалище, напоминающее водянаго зеленоватымъ цвѣтомъ ногъ и клюва и сходное съ зловѣщею совою сѣрымъ опереніемъ. Когда водяной кричитъ выпью (по народному убѣжденію) значитъ онъ перекликается съ лѣшимъ.

чертъ, а издаетъ птица,—своимъ обычаемъ во время сидки на яицахъ....

Недоброжелательство къ людямъ водянаго и злобный характеръ этого бѣса выражается въ томъ, что онъ неустанно сторожитъ за каждымъ человѣкомъ, являющимся, по разнымъ надобностямъ, въ его сырыхъ и мокрыхъ владѣніяхъ. Онъ уноситъ въ свои подземныя комнаты, на безвозвратное житье всѣхъ, кто вздумаетъ лѣтней порой купаться въ рѣкахъ и озерахъ, послѣ солнечнаго заката или въ самый полдень или въ самую полночь. Эта «дневные уповоды» считаетъ онъ преимущественно любимыми и удобными для проявленія своей недоброй и мощной силы. Неизмѣнно и обязательно на всемъ пространствѣ громадной Великороссіи, онъ хватаетъ цѣпкими лапами и съ быстротою молніи увлекаетъ въ глубь всѣхъ забывшихъ, при погруженіи въ воду, осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Съ особеннымъ торжествомъ и удовольствіемъ онъ топитъ такихъ, которые вовсе не носятъ тѣльныхъ крестовъ, забываютъ ихъ дома или снимаютъ съ шеи передъ купаньемъ. Подъ водою онъ обращаетъ эту добычу въ кабальныхъ рабочихъ, заставляетъ ихъ переливать воду, таскать и переметывать песокъ и т. д.

Замучиваетъ и производитъ свои злыя шутки съ проходящими, забывшими перекреститься во время прохода нечистыхъ мѣстъ, гдѣ онъ имѣетъ обычай селиться и изъ водныхъ глубинъ зорко слѣдитъ за оплошавшими. Такихъ «поганыхъ» мѣстъ много въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи и почти всѣ они извѣстны тамъ на перечетъ.

Кровоподтеки въ видѣ синяковъ на тѣлѣ, раны и царапины, замѣчаемыя на трупахъ, вынутыхъ изъ воды, утопленниковъ служатъ наглядным свидѣтельствомъ, что эти несчастные побывали въ лапахъ водянаго. Трупы людей онъ возвращаетъ не всегда, руководясь личными капризами и соображеніями, но трупы животныхъ почти всегда оставляетъ для семейнаго продовольствія.

Хорошо освѣдомленные люди привычно не ѣдятъ раковъ и голыхъ рыбъ (въ родѣ налимовъ и угрей), какъ любимыхъ блюдъ на столѣ водянаго, а также и сомовину за то, что на сомахъ, вмѣсто лошади, ѣздятъ подъ водой эти черти.

Они, какъ и вся настоящая бѣсовская сила, любятъ пировать, задавать пиры, и на нихъ угощать родичей изъ ближнихъ и дальнихъ омутовъ и вести (какъ сказано) сильныя азарт-

ныя игры. По извѣстіямъ изъ черноземныхъ мѣстъ Великороссіи (губ. Калужской, Рязанской, Тульской и друг.), получаются извѣстія, что водяные для своихъ пировъ имѣютъ хрустальныя палаты. Орловцы прибавляютъ еще золото и серебро къ прочимъ украшеніямъ хрустальнаго дворца изъ потонувшихъ судовъ и камень «самоцвѣтъ», ярче солнца освѣщающій морское дно. Никогда не умирая, они, водяные пари, тѣмъ не менѣе на перемѣнахъ луны измѣняются: на молодикѣ они и сами молоды, на ущербѣ превращаются въ стариковъ. Около Орла поговариваютъ о библейскихъ фараонахъ, потопленныхъ въ Чермномъ морѣ: имъ тоже указано жить въ водѣ, но, въ отмѣну отъ бѣсовъ, умирать, а также неизмѣнно оставаться въ одномъ и томъ же образѣ: въ человѣческомъ туловищѣ, но съ рыбьимъ хвостомъ вмѣсто ногъ. Наоборотъ водяные сѣверныхъ холодныхъ лѣсовъ чумазые и рогатые, вмѣсто всякихъ хрустальныхъ палатъ съ серебряными полами и золотыми потолками, довольствуются песчанымъ поломъ обширныхъ водоемовъ, гдѣ за канделябры отлично сходятъ вѣтровалы съ сухими вѣтвями и вѣтвистые еловые комли вмѣсто портьеръ, а трухлявыя колоды, обмазанныя холодной глиной, за оттоманки и проч.

Подобно тому, какъ плотникамъ не мѣшаетъ дружба съ домовымъ, а для удачливыхъ охотниковъ обязательна связь съ лѣшими,—съ водянымъ также приходится людямъ входить въ ближайшія сношенія, находиться въ ихъ подчиненіи и у нихъ заискивать.

Отъ водяныхъ чертей доводится терпѣть и всѣхъ больше страдать, конечно, мельникамъ; шутки шутитъ онъ самъ всего чаще и охотнѣе надъ рыбаками, а боятся и въ боязни неудачъ стараются задабривать ихъ еще, сверхъ всѣхъ другихъ,—пчеловоды. Привычные всю свою жизнь имѣть дѣло съ водой мельники достигаютъ такихъ удобствъ, что не только не боятся этихъ злыхъ духовъ, но вступаютъ съ ними въ дружескія отношенія. Они живутъ между собою согласно на обоюдныхъ угожденіяхъ, руководясь установленными пріемами и зауслованными правилами.

Пословица говоритъ, что «водой мельница стоитъ, да отъ воды и погибаетъ», а потому то всѣ помыслы и хлопоты мельника сосредоточены на плотинѣ, которую размываетъ и прорываетъ не иначе, какъ по волѣ и силами водянаго черта. Оттого всякій день и каждый мельникъ, хоть дѣла нѣтъ, а изъ рукъ топора не выпускаетъ, и сверхъ того старается

всякими способами ублажить водянаго по завѣтамъ отдаленныхъ прадѣдовъ. Такъ напр. упорно держится повсюду слухъ, что водяной требуетъ жертвъ живыми существами, особенно отъ тѣхъ, которые строятъ новыя мельницы, что въ недалекую старину сталкивали въ омутъ какого нибудь запоздалаго путника, а въ настоящее время бросаютъ дохлыхъ животныхъ (непремѣнно въ шкурѣ). Въ нынѣшнія времена умиротвореніе сердитыхъ духовъ стало дешевле: угождаютъ и мукой съ водой въ хлѣбной чашкѣ и во всякомъ случаѣ заботливые мельники ежедневно кидаютъ въ рѣку крошки хлѣба, скопившіяся на столѣ во время обѣда, а по праздникамъ льетъ даже водку. У такихъ блюдется и тотъ обычай, чтобы носить при себѣ шерсть чернаго козла, какъ животнаго, особенно любезнаго водяному черту. Опасливые и запасливые хозяева, при постройкѣ мельницъ, подъ бревно, гдѣ будетъ дверь, зарывали живымъ чернаго пѣтуха и три «супорыжки», т. е. стебля ржи, случайно выросшихъ съ двумя колосьями; теперь съ такимъ же успѣхомъ обходятся лошадинымъ черепомъ, брошеннымъ въ воду съ приговоромъ. Въ этихъ цѣляхъ на мельницахъ все еще бережно воспитываются всѣ животныя черной шерсти (въ особенности пѣтухи и кошки). Это — на тотъ случай, когда начнетъ озлобленно срывать водяной свой гнѣвъ и затаенное зло на хозяевъ либо сильной прорвой запруды, либо порчей жернововъ: пойдетъ жорновъ, застучитъ, зашепчетъ да и остановится, словно за что нибудь задѣваетъ.

Удачи рыболововъ также находятся во власти водяныхъ. Старики до сихъ поръ держатся двухъ главныхъ правилъ: навязываютъ себѣ на шейный крестъ траву Петровъ крестъ*) чтобы не «изурочилось», т. е. не появился бы злой духъ и не испортилъ всего дѣла, и изъ перваго улова часть его или первую рыбу кидаютъ обратно въ воду, какъ дань и жертву. Идучи на ловлю, бывалый рыбакъ никогда не отвѣтитъ на вопросъ встрѣчнаго, что онъ идетъ ловить рыбу, такъ какъ водяной любитъ секреты и уважаетъ тѣхъ людей, которые умѣютъ хранить тайны. Нѣкоторые старики-рыболовы доводятъ свои угожденія водному хозяину до того, что бросаютъ ему щепотки табаку («на тебѣ, водяной, табаку: давай мнѣ рыбку») и съ тою же цѣлью под-

*) Петровъ крестъ—онъ же заячій горошекъ.

купа подкуриваютъ снасть богородской травкой и т. д.

А затѣмъ и у рыбаковъ, какъ и у охотниковъ сохраняется множество разсказовъ о неудачныхъ встрѣчахъ съ водяными, о шуткахъ,—проказахъ этихъ духовъ и т. п.

Пчеловоды поставили свое чистое дѣло—уходъ за прославленной «Божьей угодницей»—пчелкой—также въ зависимость отъ водянаго и изстари придерживаются обычая кормить его свѣжимъ медомъ, и дарить воскомъ понемногу изъ каждаго улья наканунѣ Спасова дня (Преображенія Господня), ночью до пѣтуховъ. Точно также объ ту же пору несетъ пчеловодъ первый рой или «первакъ» въ прудъ или болото, и тамъ его топитъ. При этомъ онъ про себя судитъ такъ, что когда водяному станетъ въ водѣ душно, — онъ ломаетъ ледъ, вода прибываетъ, дѣлается разливъ. Хотя бы таковой и не залился въ пчельникъ, да худо уже то, что накопляется въ воздухѣ излишняя сырость, а она-то и составляетъ для пчелокъ сущую погибель, неустранимое несчастіе. Ко всему выносливо божье созданьице, но нѣсколькихъ капель косаго дождя достаточно для того, чтобы погибъ цѣлый улей. Опасливые суевѣры изъ

пчеловодовъ не задумываются бросать водяному сотъ съ медомъ первой нарѣзки фунтовъ по 5—10 за разъ. Водяной въ награду за такіе подарки даетъ кукушку и приказываетъ хозяину пчелъ посадить эту птицу въ отдѣльный улей и поставить его гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, чтобъ никто не видалъ и не открывалъ. Если кто этотъ улей откроетъ, то птица улетитъ, а за нею всѣ пчелы. При этомъ знающіе люди толкуютъ, что медъ отъ такихъ пчелъ, которыхъ напускаетъ водяной, будетъ плохой на вкусъ и не столь сладкій, и соты не такіе, какъ у настоящихъ пчелъ: у этихъ луночки въ сотахъ выходятъ крестиками, а пчелы водянаго строютъ соты кружечками.

Слѣдя съ обязательнымъ вниманіемъ и относясь съ должнымъ уваженіемъ къ случайнымъ толкамъ и частнымъ розсказнямъ, невольно наталкиваешься на подобныя вышеприведеннымъ, гдѣ утрачивается всякая возможность объяснить практическій смыслъ примѣненій. Равно не понятны въ настоящее время и тѣ изъ нихъ, которыя зародились въ историческія времена и покрыты «мракомъ истекшихъ вѣковъ», и тѣ пріемы, гдѣ языческія вѣрованія уступили мѣсто новѣйшимъ,

опирающимся на христіанскія основы и церковные обычаи. Тѣ и другіе еще на столько дѣятельны и вліятельны, что, несмотря на очевидную несостоятельность, нерѣдко продолжаютъ смущать простые умы и направлять ихъ на поступки съ ярко выраженнымъ характеромъ крайностей, какъ самого замысла, такъ и его практическихъ осуществленій. Такъ напр., для того, чтобы отыскать мѣсто нахожденія тѣла утопленника и исхитить его изъ объятій водянаго, достаточно пустить на воду деревянную чашку съ тремя восковыми свѣчами, прикрѣпленными по краямъ: погрузившись, она останавливается—и всякій разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежитъ утопленникъ. Только лишній разъ приходится такимъ образомъ убѣждаться въ томъ, на сколько еще существенна и жива въ народѣ вѣра въ водянаго и могущественъ безпричинный страхъ, порождаемый этой вѣрой, изжившей однако также многіе вѣка и обманувшей несчетныя количества вѣровавшихъ. Водяной, подобно всѣмъ духамъ изъ нѣчисти, не только «дѣдушко», какъ привычно зовутъ его, но и подлинный «пращуръ», каковымъ имѣетъ онъ безспорное право считаться.

Съ истребленіемъ лѣсовъ ослабѣваетъ вѣра въ лѣшихъ и за справками о нихъ приходится ходить уже на далекія окраины въ темные вологодскіе сюземы и непролазныя костромскія раменья. Съ высыханіемъ рѣкъ и осушеніемъ болотъ начавшіяся среди водяныхъ предсмертныя безпокойства выражаются пока въ переселеніяхъ, или переплывахъ изъ святыхъ озеръ въ поганыя. Для нихъ еще много остается приволья и простора въ громадной озерной олонецкой странѣ и въ тѣхъ неодолимыхъ болотахъ, которыя разлеглись во множествѣ мѣстъ громадными площадями, составляющими пѣлыя страны, подобно бѣлорусскимъ Полѣсьямъ, вятскому Зюздинскому краю, и т. д. Здѣсь, на счастливые случаи и въ удобныхъ мѣстахъ, живутъ не по одному, а даже по нѣскольку водяныхъ вмѣстѣ. Кругомъ же и около, вблизи и вдали, остаются все тѣ же мыслящіе живые люди, неспособные въ своихъ вѣрованіяхъ отрѣшаться отъ тѣхъ вещественныхъ и матеріальныхъ образовъ, которые рисуетъ имъ воображеніе, ограниченное лишь пятью чувствами.

Съ вѣрованіями въ водяныхъ духовъ, по преемству и родству, тѣсно связано вѣрова-

ніе въ русалокъ, находящихся въ такой же логической и законной зависимости, какъ дворовые духи и банные бѣсы отъ домовыхъ, и какъ полевики отъ лѣшихъ.

X.

Русалки

Поэтическій образъ фантастическихъ существъ, сказочныхъ жилицъ надземныхъ водъ, вдохновлявшихъ поэтовъ всѣхъ странъ и соблазнявшій художниковъ всѣхъ родовъ изящныхъ искусствъ, еще живетъ въ народномъ представленіи, несмотря на истекшія многія сотни лѣтъ. Въ качествѣ наслѣдства отъ языческихъ предковъ славянъ, принесеннаго съ береговъ тихаго Дуная на многоводныя рѣки славянскаго востока и на его глубокія и свѣтлыя озера, этотъ мифъ значительно измѣнился здѣсь въ Великороссіи (составляющей собственно исключительную задачу настоящихъ очерковъ). Изъ веселыхъ, шаловливыхъ и увлекательныхъ созданій западныхъ славянъ и нашихъ малороссовъ, русалки въ странѣ угрюмыхъ хвойныхъ лѣсовъ превратились въ злыхъ и мстительныхъ

существъ заурядъ съ дѣдушкой водянымъ и его сожительницами, въ родѣ «шутовокъ» и «берегинь». Такимъ образомъ, между малороссійскими «мавками или майками» и «лѣшачихами» лѣсной Россіи образовалась большая пропасть, отдѣляющая древнія первобытныя вѣрованія отъ извращенныхъ позднѣйшихъ. Поющихъ веселыя пѣсни восхитительными и заманчивыми голосами, замѣнили на лѣсныхъ рѣкахъ растрепы и нечёсы: блѣднолицыя, съ зелеными глазами, и такими же волосами, всегда голыя и всегда готовыя завлекать къ себѣ только для того, чтобы безъ всякой особой вины защекотать до смерти и потопить. При этомъ въ Великороссіи не всегда про нихъ знаютъ. Въ рѣдкихъ мѣстностяхъ вообще объ нихъ вспоминаютъ и разсказываютъ, какъ о существахъ живыхъ и дѣйствующихъ, подобно прочей злой и уродливой нечисти въ родѣ длинноволосой «Шишиги», цѣлый вѣкъ свой расчесывающей длинныя космы и никогда ихъ не приводящей въ порядокъ.

Памятнѣе (но за то повсемѣстно) сохранилась такъ называемая «русальная недѣля» и «русалкино заговѣнье» (на Петровки или апостольскій постъ). И эти празднества ясно

показываютъ, на сколько сѣверная лѣсная русалка не похожа на ту, которая плѣняла и вдохновляла между прочимъ и нашего великаго геніальнаго поэта.

Въ рукахъ приволжскихъ жителей и другихъ лѣсовиковъ русалка превратилась въ соломенную чучелу, подсмѣняемую въ иныхъ мѣстахъ занузданнымъ лошадинымъ черепомъ, укрѣпленнымъ на шестѣ. Ихъ таскаютъ по улицамъ и потомъ бросаютъ въ воду. Только въ слабыхъ и постепенно смолкающихъ въ нынѣшнія времена пѣсенныхъ отголоскахъ еще мелькаетъ образъ этихъ красивыхъ существъ и сберегаются объ нихъ слабѣющія воспоминанія. Но и тутъ успѣли уже пристроиться иныя чествованія, именно кукушки — весенней вѣстницы, которую дѣвушки крестятъ въ лѣсу, кумятся между собою и завиваютъ вѣнки на березѣ, (завиваютъ на семикъ въ четвергъ, на слѣдующее воскресенье—Троицынъ день—развиваютъ). Тѣмъ не менѣе, на слѣдующей за троицкою недѣлею, на десятой недѣлѣ по святой Пасхѣ, сохранившей древнее народное названіе «русальной, или «русальской» ни одна дѣвушка деревенская пойти въ лѣсъ, порознь, безъ товарокъ, не рѣшится именно изъ боязни

«злыхъ русалокъ». На это время онѣ переселяются въ лѣса изъ рѣчныхъ и озерныхъ омутовъ, а мужики-лѣсовики великорусскаго племени въ ту же самую пору принимаются «русальничать», т. е. гулять на всѣ лады, шумѣть на всю ивановскую и пить цѣлую всесвятскую недѣлю до самого заговѣнья.

Вотъ почему за точными справками о русалкахъ, въ нынѣшнія мудреныя времена всякихъ переворотовъ, необходимо обращаться на югъ — къ малороссамъ, точно такъ же, какъ за полными свѣдѣніями объ оборотняхъ или «обмѣнкахъ» слѣдуетъ отправляться на западъ къ бѣлоруссамъ, между которыми живутъ и бродятъ въ великомъ множествѣ такъ наз. «вовколаки». Великороссійскія свѣдѣнія о русалкахъ въ большомъ количествѣ и въ лучшихъ подробностяхъ получаются главнымъ образомъ изъ губерній, лежащихъ къ югу отъ Москвы: тульской, орловской, калужской и пензенской *). Но и здѣсь къ милымъ чертямъ веселаго нрава примѣшиваются недобрыя злыя свойства.

*) Изъ этихъ мѣстъ преимущественно получены Этнографическимъ Бюро свѣдѣнія о русалкахъ.

Оставляя съ Троицына дня воды и живя вплоть до осени въ разсыпную по полямъ, перелѣскамъ и рощамъ, онѣ выбираютъ себѣ развѣсистую, склонившуюся надъ водою иву или плакучую березу, гдѣ и живутъ. Ночью, при лунѣ, которая для нихъ ярче обычнаго свѣтитъ, онѣ качаются на вѣтвяхъ, аукаются между собою и водятъ веселые хороводы съ пѣснями, играми и плясками. Гдѣ онѣ бѣгали и рѣзвились, тамъ трава ростетъ гуще и зеленѣе, тамъ и хлѣбъ родится обильнѣе. Тѣмъ не менѣе, отъ нихъ не столько пользы, сколько вреда: когда плещутся на водѣ и играютъ съ бѣгущими волнами, прыгаютъ на мельничныя колеса и вертятся вмѣстѣ съ ними, все-таки не забываютъ спутывать у рыбаковъ сѣти, у мельниковъ портить жернова и плотины. Онѣ могутъ насылать на поля сокрушительныя бури, проливные дожди, разрушительный градъ; похищаютъ у заснувшихъ безъ молитвы женщинъ нитки, холсты и полотна, разосланныя на травѣ для бѣленья; украденную пряжу, качаясь на древесныхъ вѣтвяхъ, разматываютъ и подпѣваютъ себѣ подъ носъ хвастливыя пѣсни. Въ такихъ случаяхъ находятся разнообразныя средства и способы для борьбы съ затѣями лихихъ ру-

салокъ, чтобы дѣлать ихъ безвредными для деревенскаго домашняго хозяйства.

Кромѣ церковнаго ладона, вообще противнаго и истребительнаго средства противъ всякой нечистой силы—противъ чаръ и козней русалокъ отыскалось еще отборное снадобье, равносильное священной вербѣ и свѣчамъ страстной недѣли, — это «полынь трава окаянная, безколѣнная». Надо только пользоваться ея силою и примѣнять ее на дѣлѣ, умѣючи. Уходя послѣ Троицына дня по великой и неотложной нуждѣ въ лѣсъ, надо брать эту траву съ собою. Русалка непремѣнно подбѣжитъ и спроситъ:

— Что у тебя въ рукахъ: полынь или петрушка?

— Полынь.

— Прячься подъ тынъ, выкрикнетъ она громко и пробѣжитъ мимо шибко. Надо въ это время успароваться бросить эту траву прямо русалкѣ въ глаза.

— Если сказать «петрушка»,—

— Ахъ ты моя душка, отвѣтитъ русалка, и примется щекотать до тѣхъ поръ, пока не пойдетъ у человѣка изо рта пѣна, и не повалится онъ, какъ мертвый, ничкомъ.

Хотя во Владимірской губ. и помнятъ еще древнихъ русалокъ и признаютъ даже два ихъ рода (водяныхъ и домашнихъ), но ни одинъ сортъ изъ нихъ не отмѣчается такими нѣжными, привлекательными чертами, какъ южныя ихъ сестры. Повѣрья сѣверяковъ и южанъ связаны между собою лишь въ томъ одномъ всеобщемъ убѣжденіи, что русалки—людскія дѣти, умершія некрещенными, либо потонувшія или утопившіяся дѣвушки. Во многихъ мѣстахъ думаютъ, что это—дѣти, обмѣненныя въ то время, когда роженицу оставляютъ одну въ банѣ, и она лежитъ безъ креста, а ребенокъ подлѣ нея спитъ некрещеннымъ.

Всѣмъ таковымъ разрѣшается выходить изъ воды еще на Свѣтлое Воскресенье, на то время, когда обносятъ кругомъ церкви плащаницу. Тутъ надо запирать двери въ храмѣ какъ можно крѣпче; орловскіе крестьяне и теперь не перестаютъ въ это время оглядываться по сторонамъ, въ открытую опасаясь, какъ бы не набѣжали русалки.

Это повѣрье, повидимому нѣсколько странное, тѣмъ не менѣе дастъ новый и лишній поводъ къ тому установившемуся предположенію, что въ праздноваиіи проводовъ руса-

локъ явны слѣды древне-славянскаго почитанія душъ умершихъ. Весною, когда вся природа оживаетъ, по вѣрованію древнихъ славянъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ.

Хотя дальнѣйшія изслѣдованія этого выдающагося наблюденія ученыхъ не входятъ въ задачи нашей программы, тѣмъ не менѣе, сближенья въ этомъ направленіи на столько остроумны, что необходимо здѣсь, на короткое время, на нихъ остановиться.

Души умершихъ, т. е. русалки суть представители царства смерти, тьмы и холода, поэтому-то, съ наступленіемъ весны хотя онѣ и оживаютъ, но обитаютъ все-таки въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною. Такъ какъ путь водяной у всѣхъ языческихъ народовъ считается путемъ—проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что, по народному повѣрью, съ начала весны русалки живутъ въ водахъ: рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ. Съ Троицына дня русалки оставляютъ воды и живутъ въ лѣсахъ на деревьяхъ.

Но вотъ наступаетъ время купальскихъ дней. Солнце, купаясь въ водахъ, освѣщаетъ эти воды и оживотворяетъ. Умѣстно ли и

возможно ли русалкамъ, представительницамъ смерти, обитать въ водахъ, освященныхъ купаньемъ живоноснаго солнечнаго божества? И вотъ, по тому же народному повѣрью, онѣ оставляютъ воды и лѣзутъ на зеленыя деревья, служившія, по вѣрованію древнихъ славянъ, жилищемъ мертвецовъ.

Такъ, между прочимъ объясняетъ русальскіе праздники А. В. Баловъ, доставившій самыя интересныя данныя по демонологіи русской изъ Пошехонскаго уѣзда (Ярослав. г.).

Всѣ вообще народныя повѣрья подчиняютъ русалокъ водяному, какъ ихъ властителю, вслѣдствіе чего и въ нашемъ трудѣ привелось сопоставить оба описанія рядомъ.

Отъ Русалокъ прямой переходъ къ «оборотнямъ и обмѣнкамъ», — такимъ же мнимымъ существамъ однороднаго происхожденія. Чтобы стать настоящей русалкой, т. е. потерять на всегда право и возможность возвратиться въ первобытное состояніе, по народнымъ толкамъ, необходимо четыре года. Только дѣвушкамъ - самоубійцамъ возврату назадъ нѣтъ. Точно также не закрытъ путь для превращенія снова въ людей всякаго сорта оборотней, не исключая даже волколаковъ, менѣе прочихъ надежныхъ и крѣпче другихъ зачурованныхъ.

XI.

Оборотни и Обмѣнки.

Эти таинственныя существа, среди всѣхъ человѣческихъ вѣрованій и предразсудковъ, по своему происхожденію, столь же древнія, какъ сама вѣра, изображаютъ собою (по точному и краткому объясненію Даля) людей, обращенныхъ вѣдуномъ или вѣдьмой или самихъ, какъ кудесниковъ, перекидывающихся въ волка или въ другихъ животныхъ, иногда въ кустъ, камень и пр.

Эти «волкодлаки» (по старинному) или «волколаки» *), по современному произношенію малороссовъ и бѣлоруссовъ,—всего наичаще люди, обращенные въ волка, который затѣмъ,

*) Волкодлаки, какъ названіе составилось изъ двухъ словъ, причемъ кудла принята въ смыслѣ косматой и растрепанной шерсти, какая бываетъ у шаршавыхъ или кудлатыхъ собакъ, и каковою въ особенности отличаются противные волки.

также оборачивается въ собаку, кошку, страшилище, въ кустъ, пень, и проч. По суевѣрью, вѣдьмы обращаются въ волколакъ и обращаютъ другихъ. Несмотря на то, что это повѣрье—общее всѣмъ европейскимъ народамъ (француз. Loup—garou, нѣм. Wehrfwolf и проч.) среди расы восточныхъ славянъ пользуется наибольшею распространенностью и устойчивостью между племенами южнымъ и западнымъ. Въ Великороссіи это повѣрье на столько слабо привилось, и на столько неясно сознается, что это, спутанное и съ трудомъ объяснимое, явленіе рѣзко бросается въ глаза, какъ при личныхъ наблюденіяхъ на мѣстахъ, наиболѣе сохраняющихъ старину и ревнивѣе къ ней относящихся, такъ и при сопоставленіи и повѣркѣ личныхъ изслѣдованій съ чужими свидѣтельствами. Подобно вѣрованіямъ въ русалокъ, вѣра въ волколаковъ является самою законченною, полною живыхъ образовъ и совершенно искреннею главнѣйшимъ образомъ въ средѣ бѣлоруссовъ и малороссовъ. У нихъ стоитъ лишь найти въ лѣсу гладко срубленный пень, воткнуть въ него съ приговорами ножъ и перекувырнуться черезъ него — станешь вовкудлакомъ. Порыскавъ волкомъ, надо забѣжать съ противной стороны пня и пере-

кувырнуться обратно; если же кѣмъ унесенъ ножъ, то придется остаться перевертышу на вѣкъ волкомъ. Такъ объясняетъ Даль въ «Толковомъ словарѣ» великорусскаго языка.

Не навязывая доказательствъ, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій, имѣемъ въ настоящемъ случаѣ возможность представить подкрѣпленіе въ сообщеніяхъ, полученныхъ нами отъ многочисленныхъ корреспондентовъ изъ лѣсныхъ и подмосковныхъ (южныхъ черноземныхъ) губерній. Такъ, напр., изъ Смоленской губерніи (изъ Дорогобужскаго уѣзда) г. Гриневъ пишетъ:

«Вѣра въ оборотней среди народа существуетъ и теперь, хотя далеко и не въ такой степени, какъ это было сравнительно немного времени тому назадъ».

Изъ Новгородской губ. (Череповецкаго уѣзда) сообщаютъ:

«Въ настоящее время въ оборотней рѣдко кто вѣритъ: есть нѣсколько стариковъ, которые говорятъ, что оборотни есть».

Изъ Вологодской губ. (Тотемскаго уѣзда).

«Людей оборачивали въ волка или медвѣдя когда то очень давно, когда были сильные колдуны; впрочемъ есть вѣра, что и нынѣ «въ зырянахъ» еще есть такіе колдуны, что могутъ человѣка пустить волкомъ».

Изъ Вятской (Сарапульскаго уѣзда).

«Раньше, въ старые годы, были оборотни и были колдуны, что цѣлыя свадьбы могли оборачивать въ волковъ. Ѣдетъ свадьба подъ вѣнецъ или изъ-подъ вѣнца,—и всю свадьбу сдѣлаютъ волками; навсегда такъ и бѣгаютъ. Теперь этого нѣтъ, не слыхать вовсе».

Таковы на выдержку и безъ подбора извѣстія съ сѣвера, а вотъ изъ подмосковныхъ мѣстностей,—изъ Ряз. г. (Скопинскій уѣздъ) «въ оборотней крестьяне вѣрятъ и боятся встрѣчи съ ними». Изъ Сарат. (Хвалынскій у.): «въ оборотней народъ вѣритъ и представляетъ ихъ въ видѣ свиньи, коровы, собаки, козла или вообще чудовища. Люди въ оборотней обращаются сами собой, воткнувъ два ножа въ ротъ и читая заклинаніе, три раза перекувырнувшись».

Изъ Калужской губ. (Мещовскаго у.): «Узнать оборотней легко можно по тому, что у нихъ заднія ноги имѣютъ колѣна впередъ, какъ у человѣка, а не назадъ, какъ у волка. Людямъ они вреда не дѣлаютъ, кромѣ тѣхъ, кто ихъ испортилъ; тѣ не должны имъ попадаться на встрѣчу». Изъ той же губ. (Медынскаго уѣзда): «въ существованіе оборотней вѣрятъ, но волколаковъ не знаютъ».

Оборотнями дѣлаются колдуны: скидываются чаще всего въ свиней, скидываются кошками, собаками, даже пѣтухами или сорокой».

Изъ Пензенской г. пишутъ: «при въѣздѣ въ село Шигонь Инсарскаго уѣзда, въ восточной сторонѣ, находится пересохшій ручей, называемый Юръ. Изъ-подъ моста по ночамъ выходятъ гусь и свинья, происхожденіе которыхъ неизвѣстно и нападаютъ на проходящихъ, особенно на пьяныхъ. По мнѣнію народа, эти животныя—оборотни и колдуны», и т. д.

Случилось стало быть такъ и съ оборотнями, какъ и съ русалками: въ лѣсныхъ деревняхъ пришлись не ко двору, въ безлѣсныхъ и черноземныхъ степяхъ за нихъ крѣпко ухватились точно въ тоскѣ по лѣшимъ и въ сожалѣніи о водяныхъ, исчезнувшихъ съ истребленіемъ лѣсовъ и изсыханіемъ рѣкъ, озеръ и другихъ водныхъ источниковъ. Произошелъ неожиданный обмѣнъ и негаданныя различія.

Возвращаясь въ сѣверную лѣсную Русь,—въ мѣста, наиболѣе заподозрѣнныя во всевозможныхъ суевѣріяхъ, конечно, мы наталкиваемся на вѣру въ оборотней, но таковая здѣсь представляется въ видѣ осколковъ,

изъ которыхъ съ трудомъ собирается цѣльное и притомъ съ рѣзкими противорѣчіями. Ясно, что здѣсь совсѣмъ не сговорились или успѣли уже рѣшительно разойтись въ самыхъ основныхъ мнѣніяхъ. Оборотни здѣсь существа временныя, а не постоянныя, являющіяся таковыми на ту лишь пору, когда требуютъ различныя обстоятельства (напр. желаніе отомстить и даже подшутить и т. под.). Въ такихъ случаяхъ «скидыванья на время», на нѣсколько дней, оборотнями производятъ по большей части сами съ собою колдуны или, какъ называютъ ихъ въ вологодскихъ краяхъ, «опасные». Здѣсь «оборачиваютъ» въ равной мѣрѣ: некрещенныхъ младенцевъ, дѣвушекъ, лишившихъ себя жизни—и въ настоящихъ оборотней, и въ обмѣнокъ, и въ русалокъ безъ всякаго различія. Сами колдуны обращаются въ таковыхъ же послѣ смерти, въ тѣхъ случаяхъ, «если колдунъ продалъ свою душу черту «(толкуютъ вологжане). Избавить его можно лишь тогда, какъ передъ смертью такому человѣку перерѣзать на ногахъ сгибательныя пяточныя сухожилія. Тогда онъ уже теряетъ возможность ходить или шататься по землѣ». «Оборотни (пишутъ другіе изъ Кадников. у.) бывали еще

на нашей памяти (т. е. въ памяти живущаго поколѣнія), когда цѣлые свадебные поѣзда, прямо изъ за стола, опускали колдуны волками...

При такихъ колебаніяхъ вѣрованій собственно въ оборотней, въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ представляется тверже и обстоятельнѣе лишь вѣра въ «обмѣнокъ», т. е. въ тѣхъ существъ, которыхъ повсюду превращаютъ въ русалокъ и зовутъ прямо этимъ именемъ. По народному вѣрованію (пишутъ изъ Кадниковскаго у.), обмѣнки, встрѣчаются чаще оборотней,—не въ насмѣшливомъ смыслѣ, (прибавимъ отъ себя), по примѣненію къ безродным подкидышамъ, или незаконно—внѣбрачно рожденнымъ дѣтямъ, а подлиннымъ «обмѣнышамъ». Лѣшачиха подкидываетъ своего ребенка и уноситъ новорожденнаго младенца до крещенья его. Уноситъ она чужихъ, конечно за то, что родныя матери въ сердцахъ проклинаютъ и посылаютъ къ лѣшему, не обинуясь, своихъ же кровныхъ дѣтей «обмѣненные—тѣ, обмѣныши, робить (работать) не даютъ». Обзоветъ мать нехорошимъ словомъ дочьку, выйдетъ изъ избы, а тамъ уѣкъ за крышей и зашумѣлъ сильный вѣтеръ, и спустилась нечистая сила, и обмѣнила ребенка,

подложила подъ бокъ роженицы своего. «А послѣ старая ихняя тетка увидала разъ унесенную ту дѣвушку у себя на сараѣ въ бѣленькой рубашечкѣ; пояскомъ красненькимъ опоясана, бѣгаетъ кругомъ дойника».

Не совѣтуютъ зѣвать въ первые дни родовъ и во время пребыванія въ банѣ, когда младенецъ еще не крещенъ, а нечистая сила сторожитъ то время, когда роженица останется одна, и вздремнетъ или совсѣмъ уснетъ. Зная и твердо помня про такіе случаи, повитухи ни на минуту не покидаютъ матерей и, по уходѣ, подсмѣняются товарками и закрещиваютъ всѣ углы.

«Обмѣныши» или «лѣшачонки» бываютъ очень тощи тѣломъ и уродливы: ноги всегда, какъ нитки, привѣшены плетью, а головы непремѣнно большія и свислыя. При этомъ такія дѣти тупы къ пониманью и свирѣпы нравомъ; до 15-ти лѣтъ стремятся уходить въ лѣсъ, охотно отбиваясь отъ пріемныхъ родителей и ихъ избы и почасту пропадая безъ вѣсти. Кромѣ подобнаго указанія на осмотрительность и осторожность рожающихъ женшинъ въ мифѣ оборотней, для практическаго ума великоросса, ничего не находится интереснаго и поучительнаго. Не мудрено

на нашей памяти (т. е. въ памяти живущаго поколѣнія), когда цѣлые свадебные поѣзда, прямо изъ за стола, опускали колдуны волками...

При такихъ колебаніяхъ вѣрованій собственно въ оборотней, въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ представляется тверже и обстоятельнѣе лишь вѣра въ «обмѣнокъ», т. е. въ тѣхъ существъ, которыхъ повсюду превращаютъ въ русалокъ и зовутъ прямо этимъ именемъ. По народному вѣрованію (пишутъ изъ Кадниковскаго у.), обмѣнки, встрѣчаются чаще оборотней,—не въ насмѣшливомъ смыслѣ, (прибавимъ отъ себя), по примѣненію къ безродным подкидышамъ, или незаконно—внѣбрачно рожденнымъ дѣтямъ, а подлиннымъ «обмѣнышамъ». Лѣшачиха подкидываетъ своего ребенка и уноситъ новорожденнаго младенца до крещенья его. Уноситъ она чужихъ, конечно за то, что родныя матери въ сердцахъ проклинаютъ и посылаютъ къ лѣшему, не обинуясь, своихъ же кровныхъ дѣтей «обмѣненные—тѣ, обмѣныши, робить (работать) не даютъ». Обзоветъ мать нехорошимъ словомъ дочьку, выйдетъ изъ избы, а тамъ ужъ за крышей и зашумѣлъ сильный вѣтеръ, и спустилась нечистая сила, и обмѣнила ребенка,

подложила подъ бокъ роженицы своего. «А послѣ старая ихняя тетка увидала разъ унесенную ту дѣвушку у себя на сараѣ въ бѣленькой рубашечкѣ; пояскомъ красненькимъ опоясана, бѣгаетъ кругомъ дойника».

Не совѣтуютъ зѣвать въ первые дни родовъ и во время пребыванія въ банѣ, когда младенецъ еще не крещенъ, а нечистая сила сторожитъ то время, когда роженица останется одна, и вздремнетъ или совсѣмъ уснетъ. Зная и твердо помня про такіе случаи, повитухи ни на минуту не покидаютъ матерей и, по уходѣ, подсмѣняются товарками и закрещиваютъ всѣ углы.

«Обмѣныши» или «лѣшачонки» бываютъ очень тощи тѣломъ и уродливы: ноги всегда, какъ нитки, привѣшены плетью, а головы непремѣнно большія и свислыя. При этомъ такія дѣти тупы къ пониманью и свирѣпы нравомъ; до 15-ти лѣтъ стремятся уходить въ лѣсъ, охотно отбиваясь отъ пріемныхъ родителей и ихъ избы и почасту пропадая безъ вѣсти. Кромѣ подобнаго указанія на осмотрительность и осторожность рожающихъ женщинъ въ мифѣ оборотней, для практическаго ума великоросса, ничего не находится интереснаго и поучительнаго. Не мудрено

было отъ вынужденнаго равнодушія дойти до сознательнаго отрицанія. Вслѣдствіе такихъ причинъ и на этотъ разъ обнаруживается явленіе отрицательнаго, рѣзко выраженнаго, характера. Страшное нѣкогда имя сдѣлалось забавнымъ пугаломъ, а спопутно превратилось наконецъ въ обычное у неисправимаго ругателя-великоросса, бранное слово заурядъ со всѣми, ему однородными. Не только обмѣнышъ, но и оборотень сдѣлались таковыми, но послѣднему дано предпочтеніе еще и въ томъ, что оно прилаживается къ тѣмъ несчастнымъ ссыльнымъ, которые ловко ускользаютъ изъ тюремъ, но неудачно гуляютъ на волѣ: ихъ ловятъ и возвращаютъ на старыя мѣста, гдѣ ихъ признаютъ и прозываютъ оборотнями. Это слово въ великорусскомъ нарѣчіи сохраняется и теперь и, конечно, на долгую память, въ видѣ подходящихъ и приличныхъ случаю выраженіи живого языка: «оборотень перебѣгаетъ дорогу и, какъ зловѣщее лихо, черезъ нее мечется»; «надъ пьянымъ и оборотень потѣшается» и т. под. И сберегается еще такое убѣжденіе: «оборотнемъ медвѣдь, волкъ пастухомъ, а свинья огородникомъ никогда не бываютъ».

СОДЕРЖАНІЕ.

	стран.
Предисловіе	3
I. Черти-дьяволы	9
II. Домовой-доможилъ	50
III. Домовой-дворовой	79
IV. Баенникъ	86
V. Овинникъ	96
VI. Кикимора	104
VII. Лѣшій	116
VIII. Полевой	144
IX. Водяной	150
X. Русалки	185
XI. Оборотни и Обмѣнки	194